

Александр Бурнышев

ВАЛЕНКИ ДЛЯ БАБУШКИ

*«Исторический роман»,
основан на реальных событиях*

Санкт-Петербург
СУПЕР Издательство

2022

УДК 82-9
ББК 76.01
Б91

Корректор: Н. Коковкина
Оригинал-макет: Я. Волкова
Дизайн обложки: Т. Козлов

Бурнышев А.

Б91 Валенки для бабушки : роман / Александр Бурнышев. — Санкт-Петербург : СУПЕР Издательство, 2022. — 184 с. : ил.

ISBN 978-5-9965-2278-1

Бурнышев Александр Сидорович, родился под забором зоны, в солдатской казарме, в таёжном посёлочке из пяти домов. Его организовал мой будущий дед по маминой линии Татарников Алексей Иванович, рассказанный и сосланный в Сибирь кубанский казак. Среди переселенцев была и семья Лыковых, ушедших вглубь тайги ещё до образования лагпункта.

Сказочно чудесная природа Горной Шории, легенды местных шорцев, рассказы деда-кавалерийца о трёх войнах, западали в душу, будили воображение. Начал излагать на бумаге. С восьмиклассным образованием пригласили на работу в областную газету. Поступил в КазГУ в Алма-Ате, на журфак, печатался в периодике, журналах «Простор», «Смена», «Металлург». Окончил заочно Литинститут в Москве, выпустил несколько книг стихов и прозы. Последняя повесть о Тульском оружейнике опубликована в издательском доме «Комсомольская правда».

Работаю над расширением сценария художественного фильма, из которого и родились «Валенки для бабушки», потому что вначале был написан сценарий, а позже, из-за обилия материала, получилась книжка. Словом, не все, как у людей.

www.super-izdatelstvo.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-9965-2278-1

© Александр Бурнышев, 2022
© СУПЕР Издательство, 2022

Рецензия на книгу Александра Бурнышева «Валенки для бабушки»

В подзаголовке значит, что книга на реальных событиях. Реальная жизнь отличается от фантастики тем, что в ее невероятный сюжет иной раз сложно поверить. По большей части они рассказываются от лица Евдокима, Доньки, родившегося после войны под лагерным забором в Сибири, в поселке Нагозак, но захватывают и довоенное время, начиная с гражданской войны. Уже тогда нити судьбы начали сплетаться так, чтобы привести к его рождению, а в дальнейшем предопределили многие события его удивительной жизни.

Книга выстроена как ряд новелл и коротких рассказов, но это скорее не рассказы, а эпизоды полотна истории, выхваченные автором как ключевые и поворотные вехи его пути. Иногда они имеют общих персонажей, а иногда и нет, но все так или иначе в итоге оказываются связанными с главным героем.

Что важно в художественном произведении? Можно сказать, что все, но давайте по порядку.

Стиль и слог — емкий, образный и живой. У меня возникли ассоциации с Шаламовым и Шукшиным. «Туманы вили себе гнёзда на вершине Шаман-горы, а у её подножия, словно опёнок к пню, прилепилась избёнка бати Кости». «Гробик стоит посреди горницы на двух некрашенных табуретках. Большое круглое зеркало возле раковины занавешено чёрной тряпичей. На женщинах чёрные сатиновые косынки. Когда лоскуты отрывали для этих косынок, слышался сухой резкий треск.

Мама сидит возле гробика и медленно покачивается в такт заунывному голосу Якунихи, читающей зауспокойную молитву. Батя Костя, зловеще стуча деревянным протезом, подходит к гробику, трясущимися руками вставляет свечку между пальцами покойника».

Сюжет. Поначалу может показаться, что рассказы и новеллы каждый о своем, но уже скоро понимаешь, что любая повешенная в гостиной «палка» «выстреливает» в нужном месте, ровно по Чехову. И что все сюжетные линии туго сплетены в один толстый канат, который не разорвать при всем желании, не развести в стороны.

Герои. Начинаясь с небольшого сибирского лагерного поселка и его обитателей, сюжет выводит их судьбы до известных имен и знаковых фигур истории, движется по разным странам и городам, пересекает друг с другом, разлучает и сталкивает снова. Количество и вес персонажей, даже тех, кто описаны короткими мазками, достоин эпоса, хотя объем книги не такой уж большой, двести страниц. И за каждым таким коротким описанием встает судьба не только этого персонажа, но и всей страны.

Но главное не это. Да, герои, стиль и слог, сюжет. Но есть много книг, которые имеют все это, все формальные признаки, но не трогают за душу. Честно признаюсь: пока читал, плакал не раз. На мой взгляд, это и есть настоящая литература, это и есть то, для чего она пишется.

Дмитрий Дримов

Рецензия

Книга Александра Сидоровича Бурнышева «Валенки для бабушки» — его первый роман. Хотя новичком в писательском деле его не назовёшь: окончил в своё время журфак в Казахском госуниверситете, работал в газетах, окончил и Литинститут. Роман почти автобиографический, как он сам признаётся во вступлении к книге.

Валенки для бабушки... Уже от названия веет чем-то тёплым, домашним, добрым. Подзаголовок: *«Истерический роман», основан на реальных событиях.* Становится интересно: почему «истерический»? И добавляют интереса вступительные слова от автора: *«Я родился под забором. Зоны...».*

Повествование ведётся от первого лица, что создаёт эффект присутствия: читатель вместе с героем книги Доней, Евдокимом Сидоровичем, проходит через все перипетии его судьбы. А судьба необычная: детство проходит в сибирском посёлке при ГУЛАГе, в тесном общении и с заключёнными сталинских лагерей, и с их охранниками; юность — в *«тёплых, райских краях Средней Азии».* А затем начинается перелистываться книга его судьбы — страница за страницей, одна другой занимательнее, с неожиданными поворотами, сменами профессий, иногда экзотических.

Начинается роман с трагической, казалось бы, сцены: *«Гробик стоит среди горницы на двух некрашенных табуретках».* В гробике лежит маленький мальчик, погибший от удара током. Но тут и начинаются странности: кто-то наблюдает за всем этим сверху. *«Удивляется: «Для чего я был там, внизу, в этом тельце, которое сейчас лежит в гробу?».* Это и был сам Доня — его чуть не похоронили во время клинической смерти.

Об открывшихся после этого паранормальных способностях мальчик говорил так: «У меня в голове как кино — промелькнёт, а потом как будто плёнка обрывается, и лоб болит». Кроме ясновидения появился и целительский дар. «Боженька открыл в тебе новые способности. Ты даже кровь мгновенно останавливать можешь. Помнишь, как у дружка Витьки из носа хлестало? А ты, как заправский доктор, решил вопрос. Обычный человек так не умеет», — говорит ему доктор Шалва Герасимович, отбывающий лагерный срок по 58-й статье, «враг народа».

Тема целительства, помощи людям проходит через весь роман. Одни только необычные случаи исцеления, ясновидения способны надолго удержать внимание читателя.

Но есть и другие, не менее интересные сюжетные линии. Гражданская война. Белогвардейский офицер оставляет у приютившей его казацкой семьи крохотную дочку. И долгие годы ищет её, а находит... в Сибири, в семье охранника лагеря. Кем ему приходится Стрельцов, Доня узнает слишком поздно.

А почему же роман «истерический»? Так автор характеризует эпоху, в которой жил: и сталинские годы, и в особенности 1990-е, недаром прозванные лихими, которые, как ему кажется, ещё не совсем канули в прошлое.

Особо хочется сказать о языке книги — сочном, образном. Каждый персонаж говорит в привычном ему стиле, в тексте оставлены все особенности их говора. Да и сам Доня, выросший «под забором зоны», мог при случае заговорить на лагерном жаргоне. «По фене ботать — не работать... Где так наловчился, журналист?» — спрашивает его комитетчик-чекист.

Финал книги немного грустный, но... оптимистичный. Выполнено обещание, данное когда-то бабушке: подарить ей шикарные фетровые валенки, о которых она мечтала: «Белоснежные мраморные валеночки установлены на плите, изображающей припечек из кирпичей. Надпись гласит: «Бабушке-сибирячке от внука».

Думается, эта необычная, но, несмотря ни на что, добрая книга будет интересна для любой аудитории.

Нина Коковкина

ОТ АВТОРА

Я родился под забором. Зоны. Роды принимал заключённый, который тянул срок по «делу врачей». Он будет меня выхаживать после первой ходки на тот свет. А так как «у каждой эпохи свои переполохи», через много-много лет произойдёт невероятная встреча, которая перевернёт всю мою жизнь. А точнее, жизнь героя романа, но так как он на 85–90 процентов основан на реальных событиях, его можно назвать почти автобиографическим.

Тень от забора зоны была у меня вместо часов. Солнышко всходило, острые пики тени по стене сползали вниз, и, когда они достигали краешка коврика, было ясно: пора вставать. Но однажды, проснувшись, не обнаружил на стене нашей хаты привычных солнечно-гулаговских часов.

— Проспал, на урок опоздаю, — с горечью пробурчал я и напустился на маму: — Что, разбудить не могли?

Она молча подтолкнула меня к окну. В его проёме во всю свою небесную мощь без всяких препятствий светило солнышко. Деревянная граница между «нами» и «ними» была разобрана.

Было даже немного жаль, ведь зона, как ни крути, давала работу вольнонаёмным, жизнь была ключом, зэки-артисты устраивали представления. Уже тогда,

непосредственно участвуя в цирковом номере с поднятием табуретки зубами, на которую усаживали меня, я твёрдо решил: буду артистом цирка.

Когда колонна выходила из ворот, мы, пацанята, кидали заключённым чай, а они в ответ — то ножичек с наборной ручкой, то необычную свистульку. У меня, например, до сих пор сохранился «складешок» из зоны, на нём только боковая плексигласовая накладка слегка откололась.

А вот «эра светлых годов» не откололась, а полностью исчезла. Хранится лишь в ячейках памяти тех, кто жил тогда по обе стороны советской зоны. Потому и решил кое-что извлечь из слежавшихся пластов прошлого, чтобы отдать дань памяти тем, кто незаслуженно был упрятан в лагеря Горной Шории и сложил головы в сибирской земле.

А самое жестокое заключалось в том, что сидели так называемые враги народа вместе с предателями, убийцами, полициями, проворовавшимися партийными «шишками». В отличие от Солженицына, Варламова, Дьякова, у меня жизнь показана по обе стороны зоны. Она началась в бараках и на нарах, а продолжалась в том же ритме на воле, в солдатских казармах и хатах. Для небольшого посёлка сидельцы не были «зэками» — страшными, опасными. Их воспринимали спокойно, как своих, только огороженных деревянной зоной-гильотиной, которая на ночь отрубала их от нас.

Я не ставил своей задачей противопоставлять мнения «сталинистов» и «антисталинистов». Жил в то время и хотел показать именно через собственное восприятие картинку той действительности, перекинув художественный мостик повествования в сегодняшний день. Наказывали сволочей, убийц, паскудников разных мастей. Но была другая «масть», которая, по мнению

верховного руководства страной, не пылала особой любовью к советской власти, хотя добросовестно служила на государственных постах. Как и многие военные, сменив погоны на кителе, сохранив душу в чистоте, продолжали с честью исполнять воинский долг. Они-то и стали подневольными «комсомольцами-добровольцами» на всех крупных стройках социализма. Система доносов считалась патриотическим трендом. В суть анонимок не вникали. «Портной» (судья) шил дело — паровозный гудок, нары.

ГУЛАГ канул в прошлое. После всех перестроек, «истерической» смены эпохи застоя на эпоху «запоя», в смысле упоения властью, вседозволенностью, клинические проявления болезни большевизма вступили в стадию ремиссии, а некоторые симптомы исчезли совсем: анонимки стали вне закона, появились свобода слова, гласность, спекуляция (по-современному — бизнес), открылся «железный занавес». Сейчас всё дозволено — полный ФСБ. (Представляю реакцию... Нет-нет, с авторитетной госструктурой моя аббревиатура ничего общего не имеет — это всего лишь Финансово Свободный Беспредел). Прут миллиардами. На законных основаниях. Кое-кого наказывают, тридесятого фигуранта. Показательно. А главные расхитители всё равно остаются при своих табуретках. Как видим, ремиссия, как ей и положено, не представила собой возврата к полному выздоровлению, а лишь обострила течение болезни: расцвели коррупция и бандитизм, проституция, стяжательство. Искусство и литература опустились ниже пояса. Многие «генералы» советской верхушки, скинув «коммунистический китель», принялись либо хаять, либо превозносить прошлое, гуляя по страницам СМИ или ток-шоу телевидения и интернета, но уже в качестве «свадебных ефрейторов».

Затронут в романе ещё один аспект: взаимодействие заключённых и их охранников. На примере одного из надзирателей показано упоение властью над безмолвной, послушной человеческой личностью. А другой не превратился во всевластного зверя, а всячески старался облегчить участь так называемых врагов народа. Оба по приказу «сверху» служили срочную по месту жительства. В случае побега заключённых местные, по мнению начальства, лучше могли ориентироваться в тайге при поимке сбежавших.

Идея романа проста и незамысловата: нельзя красной кровью революций перекрасить белый свет. И ещё в нём говорится о том, как в личной внутренней борьбе, через личный самосуд происходит рост души героев романа.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ХОДКА ПЕРВАЯ

Гробик стоит посреди горницы на двух некрашенных табуретках. Большое круглое зеркало возле раковины занавешено чёрной тряпичкой. На женщинах чёрные сатиновые косынки. Когда лоскуты отрывали для этих косынок, слышался сухой резкий треск. Мама сидит возле гробика и медленно покачивается в такт заунывному голосу Якунихи, читающей заупокойную молитву.

Батя Костя, зловеще стуча деревянным протезом, подходит к гробику, трясущимися руками вставляет свечку между пальцами покойника. Медленно откидывает простынку — на груди видит тёмно-бордовый свежий след ожога в виде креста.

— Надо же, — рассуждает, — на каждом столбе череп и надпись: не влезай — убьёт! А внучок и не лез никуда, на земле на провод наступил... Видать, время такое — расстрелизация. Строят, провода тянут.

Дед качает головой, привычно поправляет заученным движением усы, держась одной рукой за край гробика, потом медленно поворачивается и выходит на улицу. Сидя на чурке возле крыльца, выбивает пепел из трубки, осторожно постукивая о свою деревяшку. Из кармана галифе достаёт железную баночку из-под чая, большим пальцем утрамбовывает табак, закуривает.

Мальчику так и хочется ощутить знакомый запах дедушкиного дыма, но, как ни старается, всё привычное осталось где-то там внизу, а он словно плавает над всем этим, не чувствуя ни страха, ни боли, пребывая в неслыханном блаженстве.

Удивляется: «Для чего я был там, внизу, в этом тельце, которое сейчас лежит в гробу?». А все родные поникшие, как лук-батун на грядке после грозы с градом. Мама то и дело нюхает какую-то ватку, две бабушки (Басиня — бабушка Аксинья, Баося — бабушка Фрося) беспрестанно крестятся, нет-нет да и прикасаясь к мёртвому внуку, но он не чувствует этих прикосновений и не может крикнуть, чтобы перестали плакать и убиваться.

Ему так хорошо, даже вспомнилось Девятое мая, когда он с дедушкой готовился к празднику.

...Дед драит наждачкой свою деревяшку, а внук бархоткой начищает орден Красной Звезды. Во дворе лаёт-разрывается Диксон. В хату входит незнакомый военный, следом почтальон.

Вояка прикладывает руку к козырьку:

— Константин Миронович! Разрешите поздравить с Днём Победы! Вручаю вам подарок от Министерства обороны и райвоенкомата.

Батя Костя медленно встаёт из-за стола, опираясь культишкой о табуретку, подкручивает кончики пышных будённовских усов и принимает из рук военного новенькие хромовые сапоги.

На столе лежит надраенная до блеска самодельная деревяшка-протез.

— Ну, Мироныч, два сапога... при одной живой ноге... с запасом, так сказать, — разряжает напряжённую обстановку почтальон. — Обмыть полагается, штоба, значит, подмётки не снашивались. Ну да ладно — нам ещё

к твоему соседу Татарину зайти надо: ему министерство в обороне механическую бритву отвалило.

— Ну-ка, ну-ка, дай полюбоваться, — просит батя Костя.

Военный достаёт из портфеля бритву и протягивает деду.

Он слегка накручивает пружину и включает. Хата словно наполняется тысячью шершней и обезумевших ос, выясняющих отношения: кто из них сильнее жужжит.

— Хороша игрушка, нечего сказать... — Дед стучит тыльной стороной ладони по корпусу работающей бритвы. — Что тебе улей с пчёлами... Только как эту штуковину Коля-танкист заводить будет, у него же все пальцы в танке отгорели.

Внук заворожённо смотрит на диковинку и с опаской просит:

— Деда, а вы поменяйтесь, а? Всё равно у тебя один сапог лишний: деревяшка и зимой и летом босиком ходит.

— Не положено, малыш, я выполняю предписание: Татарников — сапоги, Татарин — бритва. — Военный отдаёт честь и выходит.

...А клубок памяти раскручивается дальше. Малыш уже на рентгеновском столе в городе Междуреченске, куда привёз папка, потому что у сына свело ногу и она перестала разгибаться.

Папина мама, Басиня, строго наказала:

— Предложат резать — вертайтесь назад, сама лечь буду.

Врачи однозначно заявили:

— Только ампутация, и никаких гвоздей.

Папка сгрёб сына в охапку:

— Резать не дам.

А он заорал, как поросёнок под ножом:

– Режьте, не слушайте его, я буду тоже ветеран, на одной ноге, как дедушка. Мне тоже будут подарки дарить.

Женщина-врач, вытирая слёзы и одновременно как бы смеясь, еле слышно повторяет:

– Дурачок ты, дурачок, какой ветеран... какие подарки... не приведи Господи.

Бабушка Аксинья колдовала над скрюченной ногой, делала примочки из трав, водила пальцем по сучку на табуретке, затем выписывала восьмёрки над коленкой, приговаривая:

– Уйди, болячка, с нашего порога. С нашего порога сначала на пенёчек, с пенёчка на кочку, с кочки в болото — уйди глубоко-глубоко...

Благодаря бабушке-знахарке «ветераном» малыш так и не стал. Через месяц уже носился как угорелый по берегу Томи. Это позже, а пока...

Раздавшийся из хаты странный грохот заставил деда встать и поспешить в дом. Увиденное сразило инвалида наповал. Он начал медленно оседать, кожаные ремни протеза остро вдавились в кожу. Боль подействовала отрезвляюще.

Перевернутый гробик зловеще лежал на полу, рядом дымились стружки, которыми дед щедро усыпал дно, чтобы внучку мягче было. Свеча не погасла от падения, и от неё вот-вот готова была загореться обивка гробика.

«Покойник» нагибается, поднимает свечку, трясёт её и как бы выговаривает ей:

– Капнула, зараза... Горячая...

Все женщины в полуобморочном состоянии, обе бабушки, путаясь — то с правого, то с левого плеча, крепятся, испуганно шепчут:

– Свят, свят, спаси и сохрани... не лиши рассудка.

Мать мальчика, придя в себя, тянет руки к сыночку и истерично заливается горячими слезами:

— Что же мы натворили, сыночка, родненький! В гробик тебя уложили-и-и да чуть не закопали-и-и... Прости ты нас, грешных, хотели рядышком похоронить.

Якуниха сложила крестом руки на груди и так сжала молитвенник, что пальцы на сгибах мертвенно побелели, приобретя цвет добросовестно обглоданных костей.

— Господи Иисусе... чудо... мёртвый восстал, — лепечет она, бочком пятясь к выходу.

Между тем в хату вошёл могучего телосложения парень в солдатской форме.

— Батя, я выкопал, там мягко, сплошной назём.

— А чего же не мягко, если на этом месте раньше конюшня была старателей с золотых приисков, — весело пояснил дед. — Только зря копал-то, живёхонек твой сыночек.

...Барак заключённых живёт обычной утренней процедурой: расправляются одеяла на нарах, кто-то мягкими щелчками встряхивает портянки, усиливая и без того густой «парфюм» мужского жилища, слышно громкое, «лошадиное» фырканье возле умывальников — словом, отряд готовится к построению.

Входит надзиратель:

— Бокерия! После поверки — к хозяину. Пошевеливайтесь, живей, живей... — он смачно поддаёт пенделя подвернувшемуся молодому зэку.

Тот ехидно склабится:

— Спасибочко, начальник. Наверное, опять кто-то рожает... — урка, глубоко вдохнув, изображает движением руки округлый живот. — А может, опять жмурика срисовать... зафиксировать, так сказать, отходняк к небесам?

— Ша, Навылет. Подвинь организм, — слегка оттолкнув молодого, к Бокерии подходит седовласый заключённый, нары которого в бараке стоят особняком. — Так

что, батона, то ли радоваться тебе, то ли готовить очко под пистон от хозяина. С воли передали: жив пацан, которого ты в жмуры отписал. Как бы тебе ещё не накинули!

Шалва Герасимович не только на зоне, но и в посёлке был на особом счету. Первая медицинская помощь — это Шалгерасимыч Так, одним словом, уважительно его называли и сидельцы, и вольные.

Буквально день назад он осматривал мальчика в хате собачника Сидора. Предварительно констатировал смерть, так как об этом свидетельствовали все первичные признаки: отсутствие дыхания и реакции зрачков на свет, остановка сердца.

Внимание врача привлёк необычный нательный крестик на груди покойного. Именно от него при ударе током образовался шрам-ожог в виде креста. Шалва осторожно покачал на своей ладони крестик, осматривая со всех сторон.

— Впервые вижу такой. Особое литьё. И зарубки по бокам... Скорее всего, неспроста.

— Вообще-то его носила Аннушка, моя жена. А когда я повёз сынишку в город, в больницу, она и надела ему свой крестик. Ногу ему хотели отнять, ты же сам, Шалгерасимыч, посоветовал везти. У него была... эта... э-э-э... — Сидор мучительно морщит лоб.

— Контрактура коленного сустава, — грустно напомнил врач.

— Во-во, она самая.

Шалва аккуратно погладил края крестика и осторожно расправил его на груди покойника.

— К сожалению... я не Господь Бог. Поражение током — смертельное.

ДЯДЯ ХАЛВА

У проходной ждал Сидор. Шалва радовался от души, но в то же время чувствовал себя виноватым, что как врач констатировал смерть мальчика. Летальный исход был налицо по всем медицинским признакам, даже без вскрытия, о котором не могло быть и речи в таёжных, лагерных условиях. Поэтому и было поверхностное освидетельствование.

А когда Сидор рассказал, как всё произошло, Шалва, будучи врачом-нейрохирургом, сделал заключение: раскалённая капля от свечи попала на биологически активную точку между большим и указательным пальцами покойника, послав мощный болевой импульс мозгу, а он запустил в действие все органы, в которых теплилась жизнь за счёт кожного дыхания и мало изученных биоэнергетических резервов человеческого организма. Он ни на минуту не сомневался также, что воскрешение произошло не без участия Творца небесного. Недаром, значит, чуткое материнское сердце подсказало надеть сыну свой личный крестик.

Врач внимательно осмотрел мальчика, проверил пальценосовой рефлекс, попросив пациента вытянуть руки и кончиком указательного пальца дотронуться до кончика носа, что Дonya проделал с удивительной

точностью. Взяв со стола чайную ложечку, водил ею перед глазами малыша, заставлял присесть с вытянутыми руками.

Когда доктор удостоверился в полном здравии «током убиенного», все вздохнули с облегчением.

Приободрившийся дед резво накинулся на бабу Фросю:

— Когда вы, в конце концов, найдёте мой кисет? Сколько я буду таскаться с этой банкой?!

— Деда, а его Шуга в подпол уронил. Я когда в гробике лежал, сверху видел, Шуга играл, играл — и в дырочку кисет уронил.

В Сибири в деревенских домах в крышках подвалов всегда вырезали небольшие отверстия для котов. Именно туда и угодил, по мнению Дони, дедушкин кисет с махоркой.

На всех с новой силой нахлынуло мистическое недоумение. Даже Шалва Герасимович, растерявшись, пожал плечами.

Баба Фрося сквозь скорбно прижатые к губам пальцы трагически заключила:

— Никак бес вселился, демоны одолели.

Анна уверенно, но всё же с лёгкой опаской откинула крышку, спустилась в подпол.

— Папа, вот твой кисет, нашлась пропажа. Состирнуть бы его, тут грязно.

— Ничего-о-о... — тянет дед, — от моего самосаду вся эта микра, вся эта хлора и так передохнет. А то постирашь, жди потом, когда высохнет.

Он пересыпает в кисет свежую порцию табака, затыгивает верёвочку и продёргивает бархатный, расшитый золотом мешочек сбоку на ремень.

— Во, заместо кобуры, заместо пистолета, — легонечко хлопает себя по боку дед. В слове «кобура» он делает ударение на первом слоге.

Внук со знанием дела поправляет:

— Кобура и пистолет только у командиров бывает, а ты, деда, какой командир? У тебя нога деревянная.

— Ну и что! Ногу я в сорок третьем на фронте потерял, а в гражданскую при мне всегда шашка была. И седло, подаренное лично Семён Михайловичем Будённым.

Внук подпрыгивает, изображая скачки:

— На нём ещё дратвой буквы вышиты. Деда, расскажи про седло, ты обещал.

В разговор вмешивается Фрося:

— Ой, отец, не надо бы лишний раз про седло. А то сразу, сам знаешь, какая картина всплывает.

Дед Костя подходит к жене, отбив несколько стуков своей деревяшкой:

— Да, Фросюшко, конечно, знаю и помню.

Старый будённовец рад возможности поговорить о своём казацком прошлом.

— Разве забудешь, как твоего папашу топить вели в Кубани, а он кричал: «Да какой я кулак? Маленькая пекаренка да один работник! Вот и всё моё богатство!». А те, в кожанках: мол, зерно-то припрятал, почему не сдал? А твой папаня: «Я на него сам горбатился, сеял, косил, муку молот. Не воровал, не расхищал, а если вы новая власть, так и накормите народ, и не занимайтесь грабежом».

Батя Костя входит в раж, всё больше размахивая руками:

— «Вон ты как! Кулацкая твоя харя! — орут кожаные. — Против советской власти!» И поволокли твоего папаньку к реке. А он им: «Да разве за это воевал мой зять? Ну-кось, Костя, покажи им седло, на котором ты их советску власть защищал». Один, что постарше, вроде засомневался. Пришлось рассказать всё как есть.

Шалве Герасимовичу радостно было сознавать, что семья, пережившая ужасное моральное потрясение,

так быстро приходит в себя, словно и не стоял посреди горницы гробик, не звучали причитания. Складывалось впечатление, что этим крепким духом людям и не такое горе по плечу.

Сидор между тем обхватил своей широченной ладонью поллитровку и стал ножом отбивать сургуч с горлышка.

Доктор встал и с естественным кавказским пафосом произнёс тост:

— За твой уютный очаг, Сидор, за твою семью, за то, что с сынишкой всё благополучно закончилось!

На зубах аппетитно захрустела заскучавшая было капуста, в ход пошли картошка и солёные огурчики.

— Деда-а-а, расскажи дальше про комнамдарма, — внук легонечко стучит сморщенным кончиком сандалика по деревяшке.

— Ой, ой, больно...

— Не обманывай, не больно, она же игрушечная.

Сидор наклоняется к сынишке.

— Про кого расскажи?

— Про ком... нам... дарма. Как он дедушке седло подарил.

Сидор вновь обхватывает бутылку своей бездонной пятернёй, которая полностью поглощает поллитровку. Создаётся впечатление, что водка льётся прямо из руки богатыря.

— Батя, а ты никогда подробно про это не рассказывал. Ну-ка, давай ещё по одной — и поведай о своих подвигах.

— И я с интересом послушаю, — оживился доктор.

— Вот видишь, деда, и дядя Халва просит. Давай про войну рассказывай.

Казалось, вся изба задрожала от хохота.

— Так вкусно меня ещё никто не называл, — сквозь смех произносит Шалва.

Якуниха шла мимо с вёдрами от реки. Остановилась в недоумении.

— С ума, что ли, свихнулись? От радости или с горя хохочут?.. Не приведи Боже.

Привал кавалерийцев всегда сопровождался соревнованием плясунов, этого требовал командир Первой конной Семён Михайлович Будённый, который и сам был любителем смачного украинского гопака. Он считал пляску лучшим отдыхом от кровавой боевой работы.

— Да не дёргайся ты, я из-за тебя зигзагом побреюсь, — ворчит на сослуживца Костя, за то что тот криво держит осколок зеркала. Боец готовится защитить честь своего подразделения.

С первых же аккордов гармошки лица красноармейцев расплываются в улыбках.

В середину образовавшегося круга выходит командир эскадрона и объявляет:

— Лучшему плясуну-победителю будет вручено именное седло с автографом командарма.

Звучат громкие подбадривающие крики красноармейцев:

— Не подведи, Костя!

— Задай жару! Отпляши седло!

Как истинный артист, Костя не спеша потирает руки, сплёвывает через левое плечо и таким гордым гоголем всплывает в центр круга, начинает первый чёточный заход. Музыка набирает обороты, плясун входит в раж, выкидывает невиданные коленца. Все ждут Костиной «коронки» — одновременного выброса в присядке обеих ног. Разгорячённый казак с лёгкостью исполняет этот сложный плясовой трюк.

Последний аккорд, артист хлопает себя по груди и эффектно разводит руки в стороны. Увлечённые пляской бойцы не замечают подъехавшего на коне Будённого.

— Bravo, bravo, — знатно пляшете! — перекрикивает аплодисменты командарм.

— Смирно! — кричит эскадронный и вытягивается в струнку перед Будённым.

— Вольно, бойцы, вольно... — Семён Михайлович слезает с коня, передавая поводья красноармейцу. Войдя в круг, жмёт руку разгорячённому плясуну: — Фамилия?

Костя радостно рапортует:

— Татарников, первый эскадрон.

Подают новенькое кавалерийское седло. На кожаной боковине нацарапан и прошит дратвой автограф командира Первой конной армии.

— Пляши и воюй дальше, — напутствует командарм. — Мне доложили, твой родной хутор недалеко. Можешь навесить, догонишь своих на марше.

...Части белой армии с большими потерями отступали к Крыму. Рядом с одной из санитарных повозок разорвался снаряд. Брезентовый тент разнесло в клочья. Возница еле сдержал взбесившихся лошадей и замертво свалился с облучка. Над раненой беременной женщиной с красным крестом на нарукавной повязке склонилась другая медсестра.

Перекрывая разрывы снарядов, она истерично закричала:

— Поручик, ваша жена рождает! Нужно остановиться: она ранена.

Офицер спрыгивает с коня, подбегает к повозке. Всё лицо жены залито кровью. Сквозь кровавую пену она успевает еле слышно произнести:

— Спасай ребё... — И умолкла. Навсегда.

— Нужно кесарево сечение, можем хотя бы ребёнка спасти, — говорит сестра и начинает искать сумку с инструментами, но её далеко отбросило взрывной волной. Ни скальпеля, ни бинтов, ни ваты — ничего нет.

— Чем резать? — медичка растерянно разводит руками.

Поручик решительно выхватывает штык-нож, подаёт девушке.

— Йоду бы немного или хотя бы водки — для дезинфекции, — по профессиональной медицинской привычке соблюдая антисептику, умоляюще просит медсестра.

— Ты в своём уме?! Какой йод — она мертва! Режь! — яростно рычит офицер.

— Нет, нет! Не могу, руки дрожат — зацеплю ребёночка.

Поручик берёт нож у рыдающей девушки:

— Откуда начинать?

— Чуть ниже пупка.

Стиснув зубы, чтобы не потерять сознание, муж осторожно разрезает живот супруги. Дальше берётся за дело пришедшая в себя медичка: верёвочками от нарукавной повязки убитой матери перевязывает пуповину, командует поручику снять нательную рубаху, заворачивает младенца.

Бой к тому времени утих. Новоиспечённая «акушерка» виновато прячет глаза:

— Вы уж на меня не сердитесь, что я сама не смогла сначала.

Возле разбитой повозки останавливается группа всадников. Одеты кто во что горазд, только передний в лохматой огромной папахе и кавалерийской бурке.

— Привет от батьки Махно, поручик, — всадник спешил. — Изрядно он вас потрепал. Ты, наверное, думал, вас красные долбят, ан нет — батька постарался. Ему что белые, что красные — все одним миром мазаны.

Кивает одному из махновцев, тот вплотную приближается к медсестре и втаскивает её в седло. Она кричит,

сопротивляется. Поручик одной рукой держит ребёнка, а другой пытается выхватить пистолет.

Махновец шашкой чиркает по лицу офицера:

— Не балуй, а наган дай сюды. И за неё не переживай: от объятий ещё ни одна баба не умирала.

Снимает папаху, протягивает отцу, которому только что оставил кровавую метку на всю жизнь.

— В тэбэ козак чы дивка? В моей папахе как раз поместится.

— Девочка, — превозмогая боль, хмуро отвечает поручик.

Всадники с гиканьем скачут прочь.

В хате Сидора. Анна штопает рубашку сына, которую он разодрал, упражняясь в ходьбе по натянутой проволоке.

— Когда-нибудь лоб расшибёшь, будет тебе цирк.

— Ага, дяденька ходил, ничё не расшиб.

Мать отрывается от шитья и со смешком:

— Он настоящий акробат, специально этому обучался.

Доня слегка облокачивается о колени матери:

— Вот я и учусь, артистом буду, а ещё писателем и врачом. — Он утвердительно хлопает мамку по колену.

— Да тише ты, на иголку наткнёшься...

Входит бабушка Аксинья, её домик неподалёку.

— Слышала, слышала, как Донюшка на трёх работах управляться собрался. Куда деньги-то складать будешь?

— Басиня, а я тебе новые валенки куплю, как у Рельсы Шпаловны... Ты же такие хочешь?

— Ну спасибо, внучок, дай Бог дожить до того времени.

Бабушка притягивает к себе мальчика и нежно гладит по бритой голове.

— Огород-от не копан ещё? Сидорка ведь заключённых прислать обещал.

— А вот Баося и пошла за ними, — вмешивается внук и подбегает к окну.

— Идут, идут, — радостно кричит он и пулей вылетает на улицу.

Аксинья ставит табуретку рядом со снохой:

— Я чё хочу сказать-то, Аннушка. Вы не переживайте за малого, что он иногда околесицу несёт. Шалгерасимыч говорит, что это у него после электрического удара, когда он на провод наступил. Пройдёт, мол, заживёт. А сны его, которые он всё время рассказывает, записывать надо бы. Как знать, чем всё обернётся.

— Согласна с вами насчёт «записывать». Только не по себе делается, когда слышишь, например, такое: дяденьку с усами в каменный домик несут... Какого дяденьку? Какой домик? А про грибы вы же сами, Аксинья Евтифеевна, слышали.

— Ну да, — подтвердила бабушка. — Большие, до самого неба. Я ещё спросила: опята, мол, или грузди? А он снова за своё: да нет, их не едят, они из дыма, отравленные.

Со двора доносится шум ребятни, играющей в войнушку на задах огорода. Выделяется звонкий голос Дони:

— Ура, мы победили! Мотайте из окопа, он мой личный, мне могилку вырыли.

Хозяин «окопа» начинает прямо возле ямы барахтаться со сверстником.

Двое заключённых копают землю на огороде. Шалва Герасимович как бы на правах старого знакомого обращается к Фросе:

— Хозяюшка, попить водички можно? Да и полковник вон запарился весь, — кивает он в сторону напарника.

От места «боевых» действий раздаётся плаксиво обиженный голос одного из мальчишек:

— Ты мне рубашку порвал и нос разбил!

— А ты мне верёвочку от крестика, — парирует Доня и начинает безымянным пальцем выписывать бабушкины восьмёрки над переносицей пострадавшего. Слегка прижимает крылья носа. Кровь останавливается, густеет и застывает сосульками над верхней губой.

Оба взрослых подходят к воякам.

— Отставить. Заключаем перемирие, — командует полковник и разводит драчунов.

Фрося протягивает кринку:

— Попейте кваску, а то и впрямь печёт не хуже, чем на Кубани. А вы, забияки, марш на речку — отмываться, изваздакались, как поросята. Носы порасквасили.

Доктор советует:

— Ты не сковыривай сосульки и не мочи пока.

Первым пьёт Шалва, передаёт кринку.

— Спасибо, очень вкусно, — напарник возвращает сосуд хозяйке. Стаскивает эковскую шапочку, отирает пот со лба.

Внимание Фроси привлекает ровный, длинный шрам. Немного смутившись, заключённый поясняет:

— Память... о гражданской, — он спешно натягивает шапочку, стараясь закрыть изуродованную часть лица.

— Баося! — кричит от речки внук. — Найдите мой крестик, он, наверное, в окоп упал.

Доктор спускается в яму. Крестик успели затоптать в мягкую землю. Он протирает его руками и подаёт напарнику.

— Промой квасом, что ли, для начала.

Заключённый старательно трёт «военный трофей», Фрося льёт остатки кваса ему на руки. Он очень сосредоточенно начинает выковыривать грязь из боковых зарубок на перекладине крестика.

Закончив, загадочно произносит:

— Четыре...

— Что, что четыре?

— Да это я так, Шалгерасимыч, зарубки на кресте четыре. Откуда он у вас? — протягивая находку хозяйке, спрашивает заключённый. — Вы Кубань упомянули... Жили там?

Хозяйка положила крестик в карман халата и неохотно пояснила:

— Жили, в небольшой станице. Дочка маленькой была, когда переехали в Сибирь.

— Переехали?! — переспросил заключённый, недоверчиво глядя на женщину.

— Пришлось, — уклончиво ответила та. — А крестик дочке подарил один человек. Помню, ему пестик подавала, он им по ножу стучал и сделал зарубку.

— А разве можно чужой крест носить?

Фрося смутилась и, как бы оправдываясь, неуверенно пояснила:

— Так получилось, что он и чужой, и не чужой... В общем, долго рассказывать.

У полковника вдруг перехватило дыхание. Сглотнув липкую слюну, хрипло спросил:

— А как ваш папа? А второй ребёнок?

— Сыночка и папу в дороге схоронили — тиф. — Фрося вдруг спохватилась: — Откуда вы знаете про папу и Аннушкиного братика? Мы никогда никому про это не рассказывали.

— А как погоны жгли в печке — помните?

Колени женщины подкосились, она стала заваливаться набок. Мужчины еле успели её подхватить на краю «окопа-могилки».

Поздний вечер, в хате Сидора укладываются спать. Аня подходит к кровати родителей. Отец ещё во дворе, курит перед сном любимую трубку.

— Ну как, мама, отпустило? Надо бы засыпать могилку, а то ребяташки и впрямь себя покалечат. Ишь чё выдумали — окоп.

— Не засыпать, не засыпать, у нас там оборона.

— Спи, оборонщик!

Анна подходит к кровати сына, поправляет одеяло.

— Засыпать, чтобы не напоминала, а то видишь, как бабушке плохо стало.

Доня не унимается, отстаивая свою фортификацию:

— Это не от могилки. Дядя Халва сказал, что она шрама испугалась у другого дяденьки.

— Ладно, спи, сынок.

Анна вновь села на краешек материнной кровати:

— Мама, что случилось? Как ушли копальщики, ты места себе не находишь. В обморок падала. Хорошо, что Шалгерасимыч рядом был. Жара виновата?

Фрося одной рукой сжала глаза и свистящим шёпотом, чтобы не слышал внук в другой комнате, сбивчиво начала:

— Жара ни при чём: я, я во всём виновата. Столько лет молчала, всё собиралась правду рассказать. А правда очень горькая, доченька. Но сегодня всё раскрылось. Нет больше сил молчать. И от отца скрывала, как всё было на самом деле.

Уже стемнело, когда поручик добрался до хутора. В одном из окошек увидел казачку, кормящую грудью младенца.

— Есть Бог на свете, есть, — вслух обрадовался папаша, что наконец-то угомонится его крохотное сокровище.

Открыл бородатый мужик.

— Ради Христа, покормите малютку. Её маму, мою жену, в санитарном обозе убило. Только покормите, пожалуйста. Потом я уйду, заберу дочку с собой.

— Проходи, проходи, — посторонился хозяин, пропуская гостя. — Поручик, судя по царским погонам... Да ещё и с малюткой на руках. Несладко тебе придётся, благородие, в такое-то время. Дочка, примай пополнение.

Молодая женщина осторожно извлекает из необъятной папахи крохотное тельце. Младенец выпускает изо рта обсосанный краешек рубахи и принимается с новой силой заявлять свои права на существование.

— Божечки ты мой! Её и не обмыли даже... Поприсыхало всё.

Фрося наливает в тазик тёплой воды, споласкивает малышку, заворачивает в большую цветастую пелёнку, лишь после даёт грудь. Тоненькие ниточки губ малышки намертво прикипают к животворящему источнику.

— Покормишь, уложи рядом с Сашком, пусть поспит на сытый желудок. А мы с поручиком тоже что-нибудь сообразим.

Закончив с ребёнком, женщина промывает офицеру рану, плеснув на тряпку немного самогону.

— А я покамест погоны срежу. Неровён час — заявятся комиссары и нас заодно с тобой загребнут. — Бородач берёт кухонный нож.

— Лучше моим, боевым — раз уж такое дело... — в голосе поручика звучат трагические нотки.

— Да ты не переживай: были бы плечи — погоны пришьются. Не эти, так другие. Мой зятьёк тоже в царской армии фельдфебелем служил. А сейчас с Будённым твоего Врангеля гонят. Вроде как есть за что: большевики обещали землю раздать.

Сделав надрезы, хозяин с треском отпарывает погоны:

— Дочка, разожги комелёк, брось в печку царское прошлое.

Из огромной бутылки опять забулькало. Красноречивое кряканье мужчин подтвердило хмельную состоятельность самодельной жидкости.

— В самом деле, поручик, растолкуй мне, бестолочи: а за что вы воюете, кого защищаете? Николашка отрёкся от престола. Керенский весь подол бабского платья пробздел, когда тикал из Временного правительства. А вы всё гоняетесь за прошлым, как за своей тенью. А разве можно тень догнать? Никак не можно, только если поляжете все. От мёртвых теней не бывает. Дербаните Россию, каждый своё хочет урвать: Врангель, Деникин... Колчак вообще сибирским правителем себя объявил. На Украине то же самое: сколько их, самодельных царьков-батьков развелось! От одного такого, сам сказал, папаха досталась. Из отдельных зёрен снопа не свяжешь.

Все трое подошли к младенцам. Сонные мордашки мерно посапывали, нет-нет да и причмокивая влажными губёнками.

— Ну и куда ты с ней, поручик? У неё теперь братишка есть... А вторую зыбку я соображу.

Гость снимает нательный крест:

— Хозяюшка, дайте что-нибудь тяжёлое — я на нашем фамильном кресте ножом свою зарубку оставляю — четвёртую.

— А как дочку называли? — спрашивает Фрося.

Гость растерялся:

— Да не успели ещё... Вернее, не успел. Жену Аннушкой звали, пусть будет Анюткой.

Покидая дом, поручик пообещал:

— Я обязательно разыщу вас, заберу дочку.

Исповедь матери повергла Анну в шок не меньший, чем история с похоронами Евдокимки.

— А перед папой ты в чём виновата? Вы же ему всё рассказали, когда он на побывку в хутор прискакал с подаренным седлом. Или я что-то не так поняла, мама?

— Всё ты правильно поняла, дочка. Мы тогда побоялись сказать, что тебя оставил белогвардейский офицер. Костято против них воевал. Кто его знает, как бы он отреагировал? Вот и соврали: мол, красный командир был у нас. Так что, Аннушка, наш огород сегодня копал твой родной... отец. «Враг народа». Когда я очнулась, он умолял меня молчать. Иначе из-за меня, говорил он, у вас проблемы начнутся, затаскают. И он прав: Сидор после службы в военное училище собрался, и вдруг на тебе: родной тесть — бывший белогвардеец, на зоне сидит. Какая уж тут карьера? Не сдюжила я, теперь ты всё знаешь, доченька. Костя, думаю, простит моё враньё насчёт красного командира. А внучок наш пусть ничего не знает, растёт, как рос. Он же Тепереков, не будем его посвящать в наши зигзаги судьбы. А ты, доченька, нам роднее родной, ей и останешься.

— Мама, я сейчас от всего услышанного тоже готова в обморок упасть. Получается, что мой... даже язык не поворачивается сказать... родной отец — предатель, сжёг погоны, нарушил присягу, теперь на зоне...

— Эх, доченька, не всё так просто. Он присягал царю, который отрёкся от всех и всего... А погоны пришивают не к плечам. Главное — твой отец не предал Родину, сменив погоны, в душе сохранил честь русского офицера. Защищая нас, дошёл до Берлина и получил высшую награду — нашёл тебя...

Обе зашлись в надрывно всхлипывающем дуэте, но большая пуховая подушка надёжно глушила звуки душевной бури двух печально-счастливых женщин.

...Нары Шалвы и полковника рядом, разговаривают вполголоса.

— Понимаю тебя, Алексей Иванович. И как поручика, и как полковника Красной Армии. У меня у самого несладко на душе, но зато живы родные, весточки шлют. А ты один как перст, и вдруг как гром среди ясного неба — дочка, да ещё и внучок. Радоваться бы такому счастью! Но вместо этого запретка, колючка, деревянное табу.

— А главное, Шалва, впереди никакой перспективы. Даже освободившись, на воле ничего не светит. Кому захочется вязать свою судьбу с врагом народа? Это клеймо пожизненное.

— Гражданская закончилась, ты остался жив, здоров. Почему дочку не забрал?

— Эх, батоно, батоно! Шалва-Халва, — усмехнулся полковник, вспомнив вкусную кличку доктора. — Для этого нужно было ещё одну главу в книге судьбы выстрадать, выbleвать, принять.

Заключённый тяжко вздыхает, опускает ноги на пол:

— Спасибо тебе, Шалва, за шерстяные носки.

— Не мне спасибо. Сидор передал, от своих, он тоже теперь в курсах.

Шалгерасимыч дотрагивается до колена сидящего:

— А тут, я смотрю, не глава, а целая повесть вырисовывается: зять с собакой на поводке водит под конвоем родного тестя. А неродной тесть тоже не совсем свободный — ссыльный-переселенец. Получается, по обе стороны зоны — родня. И тоже как бы без полной свободы. Все под зорким оком закона. Это нам всем ещё повезло, что охранник Сидор — Человек, не изгаляется над заключёнными. Не то что Макар-Шоколадка, гнилой шакал. А ведь оба местные, призывались в армию одновременно. Никчемный человечешко, мнит себя этаким Бонапарт Наполеонычем, получившим полную власть над людьми. Стишки даже пытается сочинять, заставляя заучивать наизусть. В этом, Алексей Иванович, как-нибудь убедишься сам.

Однако не это сейчас волновало полковника. Открывшаяся тайна растревожила душу, обрекла на мучительную бессонницу. Барак с его серым, однообразным бытом уступил место далёким воспоминаниям.

Крым, 1920 год. На полуостров стеклись мутные потоки разношёрстных остатков белогвардейских соединений. Ставка коменданта Крыма генерал-лейтенанта Якова Плящёва.

— Бардак будем ликвидировать. Пьяниц, насильников, мародёров — вешать, будь то красный, белый либо махновец. Без железной дисциплины мы не сможем отстоять полуостров, как и всю Россию. — Генерал срывает с головы кубанку, резко хлопает ей по столу: — Вешать! И ещё раз вешать! Никакой пощады. Не сегодня завтра Фрунзе, Будённый будут здесь. Тогда и нас вздёрнут. Мне главнокомандующий Врангель присвоил звание генерал-лейтенанта не для того, чтобы я утирал слёзы и сопли. Порядок в войсках — прежде всего.

Он подходит к начальнику штаба:

— Я просил подобрать мне боевого адъютанта.

— Он в приёмной.

— Зовите.

На Стрельцове новенькая офицерская форма, португепя отливает чёрным лаковым блеском.

— Ты что, с выпускного курса юнкеров?

— Никак нет, ваше превосходительство: из окружения выходил, поистрепался, новое обмундирование здесь получил.

— А с лицом что? На офицерской вечеринке бабу не поделили? Или боевое?

— Махновец шашкой задел.

— Хорошо. Назначаетесь моим адъютантом.

Среди населения и военных нет-нет да и проскальзывает ропот: разошёлся Яша-генерал, ни своих, ни чужих не жалеет. Поскрипывают виселицы с казнёнными. В порту распевают частушку: «От расстрелов идёт дым — то Плащёв спасает Крым».

...Вечером комендант спрашивает ординарца, молодого, стройного юнкера:

— Венички заготовил?

— Так точно, ваше превосходительство: берёзовые, с крымскими травками, как вы просили.

— Тогда в баню, пропаришь генеральские косточки.

Кубанку и черкеску Плащёв аккуратно сворачивает и сверху придавливает кинжалом в расписных ножнах.

— А ты что? В одежде в парилку пойдёшь? Раздевайся, на голых задницах нет знаков различия... не тушуйся.

В парилке очень жарко, но генерал берёт ковш и ещё плещет на каменку. В тазу распаренные веники источают густой, целебный аромат. На верхней полке доски так накалились, что, прежде чем сесть, пришлось подложить рукавицы.

— Ну ты скоро там, чего возишься?

Дверь в парилку открывается. Генерал, выпучив глаза, медленно выпрямляется. Имея и без того высокий рост, тут же ударяется о деревянный потолок, обеими руками хватается за голову:

— Ты кто?

В клубах растаявшего пара возникает стройная обнажённая фигура девушки.

— Ваш ординарец, юнкер... Нина... Неволодина.

Генерал медленно слезает с полка:

— Ну, раз не Володина, значит, моя. Мы с тобой вместе ещё с германской, и я ничего не знал?

— Виноват... та... ваше превосходительство. — Девушка вновь вытягивается в струнку, подчёркивая и без того филигранно обточенную фигуру.

Генерал опускается на одно колено:

— Ваше предвосхитительство! Госпожа Неволодина-Плащёва. Отныне и во веки веков.

Девушка тоже опускается на колени и, уже смело глядя на генерала, радостно шепчет:

— Я согласна.

Брачное путешествие молодожёнов началось на борту парохода, уносящего на турецкий берег остатки разбитой Белой гвардии.

НОГАЗАК

Пеший этап по тайге, через перевалы. Вместе с заключёнными идут почти все жители призоновского посёлка. Прощай, Таштагольский район — впереди кусок неосвоенной тайги в верховьях Томи.

Маленького Евдокимку несёт Шалва Герасимович, а несколько заключённых — нехитрые пожитки Сидора, который с собакой на поводке конвоирует колонну. Инвалида Татарникова усадили на лошадь, в собственное легендарное седло.

«Пятьдесят восьмые», идущие рядом с доктором, обижаются:

— Шалва, ты уже долго несёшь, дай другим, не жадничай.

Им тоже хочется прижать к себе ребёнка, чтобы ощутить присутствие домашнего семейного очага, потому что у каждого остались далеко-далеко и дом, и дети, и родные.

Вместе с дымом костров по тайге разносится вкусный смолистый запах варёных кедровых шишек. Гремят закопчённые железные вёдра. От костра блатных потянуло варёным мясом.

К доктору подходит седовласый с алюминиевой кружкой, от которой струится лёгкий аппетитный парок.

— Остудишь, напои бульоном маленького. Сидор хоть и вертухай, но с понятием, за него любой из нас готов мазу держать. Навылет рябчиков насшибал, замутили горячего малость.

— Чем? — искренне удивился Шалва. — Пальцем настрелял? Так вроде выстрелов никто не слышал.

Все засмеялись, изображая пальцами пистолет.

— Зачем пальцем — длинной палкой. Дикий край, птицы не пуганы. Рябчики сидят на ветках, совсем близко подпускают.

На новом месте выбрали склон горы с мелколесьем, там и установили зону. Не очень толстые, длинные брёвна распиливали вдоль на две половины, концы заостряли, вкапывали в землю, а поверху тянули колючую проволоку. Вскоре переселились из палаток в солдатские казармы и бараки. Семье Сидора Теперекова построили дом.

Со временем посёлок разросся, организовали лесоприёмный пункт, позже леспромхоз. Проложили ветку Абакан — Новокузнецк. А так как первой в эти места ступила нога заключённого, новую железнодорожную станцию назвали Ногазак.

Школьников и всех жителей посёлка созвали на митинг по случаю встречи первого пассажирского состава. Паровоз был украшен еловыми ветками и огромным портретом Сталина. Говорились речи, заключённый на аккордеоне исполнил бравурный марш. Семафор вскинул вверх свою железную руку, как бы отдавая честь стройному ряду проходящих вагонов.

Отойдя от насыпи, Анна заметила торчащий из сугроба кончик школьной тетради. Буквы раскисли, но она всё же разобрала подпись: Тепереков Евдоким, ученик

первого класса. Раскрыв обложку, увидела расплывшийся от влаги текст и очень-очень жирную двойку.

— Надо же, какая толстая! Прямо как наш поросёнок Борька. Только не хрюкает. А, сынок? — Мама поднесла к носу автора «пары» тетрадку и потрясла её.

Мальчик насупил, праздничное настроение от поезда мгновенно улетучилось.

— Ты что, потерял тетрадку? Или она из-за двойки сама в сугроб запрыгнула?

— Я не хотел, чтобы ты расстраивалась. У меня же никогда не было двоек.

— Ну а эта-то краля как к тебе присваталась? — Мама несколько раз ткнула торцом указательного пальца в жирную, нежеланную «невестку».

— Я про тётеньку думал, которая утром к заключённым приставала, а охранник её прогнал. Из-за этого наделал ошибок.

Эта история про то, «как урка на очке спалился», стала настоящей притчей во языцех, гуляя по зонам и пересылкам, служа наглядным примером тому, что никогда нельзя, ни при каких обстоятельствах, «путать рамсы».

М и Ж

Мрачной, серой гусеницей из ворот выползает колонна заключённых. Доня взглядом ищет знакомую фигуру дяди Халвы, чтобы издали поприветствовать его. Он уже знал, что доктора частенько привлекали к работе в медпункте зоны, когда постоянный врач не справлялся с наплывом больных.

Вот и на этот раз повидаться с любимым доктором не удалось. Зато радостно помахал рукой дяденька со шрамом, который уже несколько раз приходил помогать по хозяйству.

Пропустив заключённых, мальчик продолжил путь в школу.

Вдруг сзади раздался злобный окрик охранника:

— Пошла прочь, дура! Куда прёшь! Отойди, стрелять буду!

До смерти перепуганная баба сильнее прижала к груди укутанного ребёнка и поспешно стала пятиться от колонны, взглядом продолжая утешить ряды заключённых.

— Пошла, пошла, стерва! Тоже на лесоповал захотела? Можем устроить.

Сидя на уроке, Доня никак не мог отделаться от непонятного ощущения: ему почему-то не было жалко той женщины, которая приехала, скорее всего, к мужу, а её

чуть не зашибли прикладом. И ребёночек у неё волосатый какой-то. А в ушах у тётки дырочек нет, как у бабушек и у мамы.

Обо всём этом он рассказал дома. Принялись охать да ахать: мол, как это так всё про ребёночка знает, да ещё и про дырочки для серёжек. Женщину-то мельком, издалека видел.

Доня пожимал плечами:

— У меня в голове всё это уже было... откуда-то.

Небольшой вокзал имел крохотный зал ожидания. Среди редких пассажиров женщина с ребёнком не особо выделялась: те же валенки, свалявшийся полушалок, чёрная длинная юбка поверх штанов, фуфайка в ватных квадратах.

Тем не менее одна из пожилых пассажирок не стерпела:

— Мамаша, ты бы чуток распеленала ребёночка-то. Не задохнётся он у тебя? Тут натоплено, открой ему личико, пусть подышит.

Женщина молча махнула рукой, вышла на улицу. Здание вокзала и казённая уборная выкрашены в железнодорожный коричневый цвет. На стене сортира броско-вызывающе красуются огромные чёрные буквы М и Ж. Баба воткнула ребёнка в сугроб возле двери уборной и вошла внутрь «М».

Начальник станции не придал бы этому никакого значения: подумаешь — буквы перепутала. Но воткнутый в снег ребёнок вызвал недоумение. Надев форменную фуражку, постояв ещё немного у окна, всё же ради любопытства пошёл к уборной.

— С каких это пор бабы стоя ссать научились? — весело спросил железнодорожник, видя, как пассажирка по-мужски справляет малую нужду.

— Я буквы перепутала, а присесть не могу, в спину стреляет, — не поворачивая головы, пробурчала женщина.

— Не только буквы, ты и ребёнка с валенком перепутала. — Начальник развернул свёрток: — Хорошо придумано: ни жрать, ни пить не просит. Молчит себе в тряпочку лохматый серенький малыш.

Паровозный гудок известил о приближении поезда.

— Ты сейчас у меня тоже заткнёшься, падла! — Навылет, задрав юбку, выхватил из кармана брюк заточку: — Не дёргайся, завалю, как барана.

Железнодорожник медленно пятится к выходу:

— Без моей команды семафор не откроют.

— Вот мы и пойдём, и ты скомандуешь.

В бок железнодорожника смертельным холодком упёрлось остриё заточки.

Впрыгнув в вагон, светясь от счастья, беглец помахал ручкой ухмыляющемуся начальнику. На следующем перегоне заключённого встретил конвой.

— Ну что, Адриано Навылетто, — опер подносит личное дело ближе к глазам. — Правильно я фамилию назвал? С двумя «т». Твой отец — обрусевший итальянец, насколько я помню.

— Всё так, начальник.

— Рад вернуться в родную зону? Или на этап тебя, в другой лагерь? Куда-нибудь на Колыму, например. Будешь там выпрямлять края миски, чтобы баланды побольше вошло. И пахать заставят. Слышал, наверное: новый указ вышел, блатные теперь тоже гнать норму будут.

Оперуполномоченный отложил бумаги в сторону.

— Скажи, Навылет: кроме воли какая ещё была причина слинять из зоны? Без протокола, из личного любопытства хочу узнать, ради чего ты рисковал: ведь сейчас тебе прилично накинут.

Заключённый усмехнулся:

— Было ради чего... Среди братвы — не то в натуре, не то понты... — короче, якобы шаманы-шорцы знают секрет большого золотого кукиша. Собачник Сидор подтвердил, что был такой базар среди местных. Он у нас в вантаже. Фуфло гнать не будет.

— Выходит, ты хотел срубить по-крупному... А насчёт золотого самородка-фиги ты прав: в архивных документах старинных екатерининских приисков есть запись об этом. Но тебе, гражданин Адриано Навилетто, на другой прииск — БУР называется, барак усиленного режима. Не буду гонять «коня» наверх, замнём на месте. Не было никакого побега. Вот так: не всякий опер — сволота и тварь продажная. Молодой ты: может, что и дойдёт до тебя, остепенишься.

ГНУТЫЙ КУКИШ

— Шухер! Шоколадка канает.

Заключённые прячут карты, встают с нар.

Надзиратель Макар:

— Принимай, хата, молодых урок с этапа.

Все выстраиваются в шеренгу.

Навылет, отсидевший в БУРЕ, тянет разочарованно:

— Ну, начальник, думали, шмон, а ты детский сад привёл.

— А ты по шмону соскучился? Выкатывай колоду! Давай-давай.

— Ты чё, начальник, какую колоду? Все гнилушки-колоды на лесосеке. Мы с собой дрова не таскаем. А если ты о картах, так вот они.

Заключённый ловким движением из-под гимнастёрки на затылке надзирателя молниеносно извлекает колоду карт. Веером распушает их перед лицом охранника, делает ещё несколько эффектных карточных трюков. Так же молниеносно заводит руки за спину надзирателя и, хлопнув, показывает пустые ладони.

— Ладно, ладно... Какой пример первоходам подаёшь? За побег тебе ещё долго на лесоповале корячиться. А теперь я покажу, только не фокус, а по-настоящему, кто на зоне хозяин.

Макар подкидывает медный пятак, проносит на вытянутой руке перед шеренгой. Кладёт его на указательный и средний пальцы, а большим, с натужной гримасой на лице, вдавливая пятак в кукиш, при этом помогая второй рукой. С покрасневшим от натуги лицом распрямляет кулак и высоко подбрасывает гнутый «кукиш». На лицах заключённых — изумление.

Довольный Шоколадка обращается к этапникам:

— В Сибири говорят: закон — тайга, медведь — хозяин. А здесь, на зоне?! Все поняли? Не слышу!

Вразнойбой:

— Поняли, гражданин начальник.

— Всё наглядно, в натуре, без понтов.

— То-то же. А теперь повторяй за мной: «Товарищ Сталин — вождь народов...».

Все хором повторяют.

— «Сталин наш родной отец. А кто его за понюх продал, тому хана, тому п....ц».

Надзиратель зло и победно окинул взглядом барак:

— Вот так, господа белогвардейцы, урки и прочие полицаи. Я научу вас советскую власть любить. Полковник, а ты чего морду воротишь? Ухо дворянина мат режет? Зато складно, сам сочинил.

— Никак нет, гражданин начальник: мат в русской поэзии всегда присутствовал. Разрешите?

— Валяй, коли не шутишь.

Полковник принимает артистическую позу, с выражением декламирует:

— С утра садимся мы в телегу. Готовы головы сломать. И, презирая лень и негу, кричим: «Пошёл, е..на мать!».

Все радостно хлопают и хохочут.

Надзиратель вплотную приближается к чтецу, берёт его за грудки:

— Ты кого сейчас послал? Меня?

— Это не я послал...

— А кто? Пушкин, что ли?!

— Так точно, гражданин начальник. Александр Сергеевич, «Телега жизни».

Шоколадка убирает руки с груди заключённого, одёргивает робу:

— Он что, тоже «телеги» катал?

Барак дружно взрывается от хохота.

Доктора всё чаще стали освобождать от тяжёлых работ. Сегодня он в рыбокоптильне — прямо на берегу стремительной, кристально чистой Тебы, притока Томи. Заключённые ставят верши поперёк речушки, богатый улов тащат в толстых алюминиевых баках в коптилку. По всей длине помещения провисли ряды проволок с окуньками, хариусом, ельцом. Дурманяще-вкусный запах дыма коптильни накрыл весь посёлок.

Низкорослая монгольская лошадка уже без команды направляется на эту приманку, зная, что её седок обязательно завернёт туда. Монголка останавливается перед окошком, тычется мордой в стекло.

— О-о! Батоно Доня, здравствуй, дорогой.

Шалва Герасимович помогает слезть с лошадки, в который раз восхищаясь красивой сбруей, украшенной медными бляшками, прошитой цветными прочными нитками. Маленькое седёлко тоже настоящее произведение искусства. Его изготовил специально для Дони заключённый-шорник, который на свободе тачал сапоги для кремлёвских правителей. По доносу завистника был подведён под СОЭ — социально опасный элемент, потому что из мельчайших обрезков кожаных отходов сшил себе удивительной красоты туфли.

Доктор попытался накинуть повод на дверную скобу, но, вспомнив, закинул его на седёлко, слегка

зафиксировав на передней луке. Знал, без хозяина никуда не уйдёт.

— Ты настоящий джигит. У тебя личный скакун, — без тени иронии говорит он.

— Да какой скакун... Она же девочка, кобыла. Пока весь посёлок пешком не пройдем, в конюшню не возвращается. К нашему дому подходим, она сама калитку открывает и копытом стучит по крыльцу. Батя Костя сахарок выносит — угощает и меня, и монголку.

— Ну пойдём, а я тебя копчёной рыбкой угощу.

Сдирая хрустящую шкурку с рыбёшки, мальчик вполне серьёзно спрашивает:

— Дядя Халва, у меня правда бес сидит?

Доктор задумался:

— Да ты сам почище любого беса. Вон как Навылета вычислил, что у него кукла-валенки вместо ребёнка. И атомные грибы увидел, это взрывы такие. И ещё ты сказал, что в Луну стрелять не надо. Это я разгадать не могу. Зато про мавзолей и Сталина точно угадал. Словом, батона Доня, ты настоящий феномен.

— А почему ты меня батонкой называешь?

— Не батонкой, а батона, уважительно, значит, как к старшему.

— Я что, старше тебя?

— Ну не так чтобы... Мудрее, что ли... Знаешь больше. Боженька открыл в тебе новые способности. Ты даже кровь мгновенно останавливать можешь. Помнишь, как у дружка Витьки из носа хлестало? А ты, как заправский доктор, решил вопрос. Обычный человек так не умеет.

— Басиня, которая папкина, говорит, что я буду знахарем, когда поживу долго и буду много знать.

— Она права, твоя замечательная бабушка, потому что в словаре «великого русского языка» Владимира Ивановича Даля — это учёный такой — прямо так и написано: знахарь — это знаток, знатель, знайка, сведущий

в деле. А если получишь и медицинские знания, цены тебе не будет с твоими уникальными способностями. Ты обрадовал меня, что я скоро домой поеду, а про дяденьку со шрамом сказал, что он какой-то тряпочкой машет. Получается — тоже уезжает, прощается?

— Да не знаю, дядя Халва. У меня в голове как кино — промелькнёт, а потом как будто плёнка обрывается, и лоб болит.

Дома мальчик гордо заявил:

— Нет у меня никаких бесов, никаких сатанов. У меня этот... феномен, так врач дядя Халва сказал.

Под Константинополем раскинулись обширные плантации овощей. Тёплый турецкий ветерок слегка треплет густые пушистые волосы красных девиц — морковок, выпирают из земли налитые бока свёклы, сквозь блестящую кожуру стручков просвечивают на солнце гороховые жемчужины. Огороды теперь поля битвы для эмигрантских, некогда боевых частей Белой армии.

Внутри хибары из фанеры, картона, обрывков брезента — трое.

— Стрельцов! Ты кого привёл?

Поручик привычно вытянулся по-военному, готовый доложить, но ему на плечо легла рука незнакомца:

— Я сам. Яков Александрович, я из России, есть важный разговор.

Плащёв вытянул руки:

— Арестовывать приехал? Ну давай, где наручники?

Незнакомец открывает небольшой чемодан, ставит на грубо сбитый столик бутылку коньяка.

— У меня другая задача: вы, с вашим боевым опытом, очень нужны новой России. Выступите с воззванием,

растолкуйте, что всем вернувшимся гарантируется свобода. Вас уважают в войсках, за вами последуют десятки, сотни тысяч соотечественников. Лично вам будет сохранено воинское звание, предоставлена работа.

Генерал — в исподней, застиранной рубаше, в коротких портках, в потрескавшихся сандалиях на босу ногу.

— Сам видишь, какое у меня теперь звание. Врангель, подлец, лишил меня генерала: мол, много на себя беру, неуправляем. Наркотики припомнил, коими я боль снимал после ранения. Ответил ему, что генеральского звания можешь лишить, а полковника — нет. Мне полковника царь присваивал.

Плащёв закинул руки за спину, хотел по привычке пройтись, как это обычно делал в штабе или перед строем, но крохотная хибара не позволяла сделать лишнего шага.

— Хорошо. А как же мои виселицы? Это ведь тоже мой авторитет?

— Лес рубят, щепки летят. И у нас дезертиров, трусов расстреливали. И мародёры были, чего скрывать...

Плащёв уже спокойным, миролюбивым тоном предлагает:

— Присаживайтесь. Встречаю не по-генеральски — сами видите, в каком состоянии пребывает некогда славная царская армия.

— Вот и научите красных командиров тактике ведения боя — на курсах, в Москве. Поднимете престиж русского воинства.

...К причалу Севастопольского порта пришвартовался итальянский пароход. С трапа сошёл Плащёв с женой и Стрельцов. В специально присланном из Москвы железнодорожном составе встречать генерала прибыл лично Феликс Эдмундович Дзержинский, председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии. Это говорило

о важности политической акции ВЧК по возвращению эмигрантов.

Курсы красных командиров «Выстрел» оказали неоценимую помощь в подготовке военных специалистов, завоевали широкую популярность в войсках.

Как-то в кабинет Дзержинского вошёл сотрудник ВЧК:

— Разрешите, Феликс Эдмундович?

— Что у вас?

— Помощник Плащёва капитан Стрельцов просит разрешения на краткосрочный отпуск на Кубань. Узнать о судьбе дочери, оставленной во время отступления белых частей. Я с ним познакомился во время моей командировки в Константинополь. Человек вполне вызывает доверие.

— Хорошо, решим этот вопрос. А как в целом идут дела на курсах? Мне доложили о якобы серьёзном инциденте. Я приказал в письменном виде изложить. Вы что скажете?

Сотрудник слегка замялся, некстати стал откашливаться.

— Докладывайте как положено.

— Есть! Профессор Плащёв, разбирая тактику ведения боя, нещадно вскрывает промахи и красных, и белых. Между ним и Будённым возник конфликт. Семён Михайлович стал защищать честь своего детища — кавалерийцев Первой конной. Плащев привёл конкретные примеры неудачных рейдов его бойцов, называя даты и населённые пункты. Будённый рас свирепел, выхватил револьвер и разрядил весь барабан в профессора. Тот усмехнулся и невозмутимо ответил: «Вот так и воюете, как стреляете».

...Легко отыскав хутор, знакомую хату, Стрельцов долго не мог решиться переступить порог, за которым, как он надеялся, его ждала встреча с подросшей дочуркой. Впервые он сюда вошёл, будучи поручиком, а сейчас должен был предстать в форме капитана Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Алексей на минуту

представил реакцию хозяина-бородача, слова которого о погонах оказались пророческими.

Проходящая мимо пожилая женщина поинтересовалась:

— Вы никак к Татарниковым приехали? Смотрю, не заходите... Дай, думаю, спрошу.

Стрельцов обрадовался неожиданной, спасительной заминке, которая оттягивала волнующий момент встречи: её он ждал, мечтал о ней — и вот он у цели, а решить-ся не может.

— Наверное, к Татарниковым... Я фамилию не спрашивал, когда в двадцатом году, отступая, оставил в этом доме маленькую дочку.

Женщина сочувственно покачала головой:

— Э-э-э, милок, не повезло тебе. Сейчас тут другие живут, они все в поле, на работе. А Татарниковых, как и многих из хутора, во время рассказывания в Сибирь угнали. Семье Константина, как бывшего будённовца, позволили запрячь быка в арбу да кой-какие шмотки погрузить. А остальные пошли с тем, что в котомки поместилось.

Так оборвалась ниточка надежды, не суля никаких перспектив.

Обычная коммунальная квартира в Москве. Молодые женщины за столом. Бутылка вина, фужеры, скромная закуска.

— А что, Вера, твой сосед так бобылём и живёт? С виду представительный такой, интересный.

Вера вкручивает штопор в пробку, пытается тянуть — силёнок не хватает.

— Стеша, ты не знаешь, когда Клавкин Федька придёт? Не могу вытащить эту заразу.

Она, с силой хлопнув, ставит бутылку на стол:

— У его жены день рождения, а мы должны мучиться! А насчёт моего соседа — отдельный разговор. Он после взятия Берлина вернулся с погонами полковника, но без жены и даже без боевой подруги.

— На фронте, поди, была ППЖ? — подаёт голос именинница через открытую дверь своей комнаты.

Поправив волосы перед зеркалом, с накрашенными губами она выходит на кухню:

— Знаем мы этих полковников, знаем их боевых подруг. Как и каким местом боевые ордена да медали зарабатывали, тоже не секрет. Ты, Вера, в солдатских кальсонах да в брюках раненых с передовой таскала, а эти — походно-половые — в новеньком обмундировании да в шёлковых трусиках щеголяли, позвякивая медальками на титьках.

— А ты что, под юбки им заглядывала, со свечкой стояла? — не выдержала Стеша. — Люди такую войну выиграли, а ты, Клава, всё к трусикам сводишь. Мужик годами на фронте... Твой Федька, сама жалуешься, «дай да дай» утром и вечером. В мирное время. А представь, когда смертушка на пороге...

— Ну ладно, девочки, что это мы, — машет руками Вера, доконав всё же туго сидящую пробку. — Пропустим по одной, а там и Федя с цветами заявится. С днём рождения тебя, Клава! Дай Бог здоровья, чтоб и на мужа хватало.

— И днём, и вечером, — смеясь, подхватывает Стеша.

Нежное прикосновение фужеров, приглушённый звон смягчили напряжённость поднятой щекотливой темы.

— А вообще, подружки, вы правы: война войной, а природа своё требует, — неожиданно меняет мнение именинница. — Я вспомнила, мой дед рассказывал, когда в царской армии служил. Вот, говорит, разбили наш полк, к примеру. Что нужно спасать в первую очередь? А, подруженьки, как вы думаете?

— Командира, наверное, — неуверенно предположила Вера.

— Может, документы военные, кассу... — добавила Стеша.

— Не угадали, по-женски мыслите — ка-а-ассу! Перво-наперво, торжественно провозглашал дед, войсковое знамя! Второе — полковую проститутку.

Женщины хватаются за головы, со взвизгиванием заходятся истеричным смехом.

Входит Фёдор, протягивает жене букет:

— Что за шухер, что за шум? Не хватило барышу? А ну, наливайте за здоровье любимой жёнушки!

Он слегка прижимает её к себе и нежно целует. Ставит на стол бутылку водки:

— Коль пошла такая пьянка, жизнь не жизнь — одна гулянка.

Выпив водки, поворачивается вполоборота, показывает на дверь соседа:

— А что, полковник ещё не вернулся со службы? Хотя, приглашай не приглашай, всё равно не пойдёт. Белая кость... голубая кровь. Зашел как-то к нему за папирской, он фотографии перебирал. Пока доставал пачку «Казбека», я краем глаза на фотку зыркнул. Там он в белогвардейской форме, рядом с каким-то генералом: не то с Врангелем, не то с Деникиным...

Фронтовичка Вера перегнулась через стол:

— Федя, а ты с перепугу ничего не перепутал? Может, там и Бонапарт стоял или сам Чингисхан?

— Не-е-е, на фотке токо двое были. Обижаешь, медсестра. Уж монгольского Наполеона я бы точно узнал, в школе проходили.

У женщин от беззвучного смеха задёргались плечи.

— Чего смеётесь? Я, как Чапай, академий не кончал. Вот он дворянин, хоть и бывший, а чего он ноги газетами оборачивает?

Клава осуждающе смотрит на мужа:

— А ты будто не знаешь — бумага тепло сохраняет. Сам в большой мороз поверх портянок подматываешь.

— А давайте танцевать, — прерывает прения Вера, чувствуя, что даже в такой торжественный день между супругами могут возникнуть диаметрально противоположные мнения.

Стеша накрутила ручку патефона, бархатные звуки вальса заставили всех четверых оторваться от сидений. Фёдор галантно подхватил супругу, пары закружились в тесной кухоньке, слегка задевая то стол, то стулья. В тесноте, да не в обиде — на то она и коммуналка.

Утром, как обычно, раньше всех встал Стрельцов. Попив чаю с галетами, стал обуваться. Поверх чистых байковых портянок по привычке накрутил газеты, хотя на улице всю бушевала весна, опрокинув на черёмухи и яблони в садах нежные метели. Скомканные, использованные клочки газет бросил в мусорное ведро у общего входа.

Из своей комнаты выходит с чайником Фёдор:

— Никакой мороз нипочём, с газетками-то?

— Да, так оно надёжнее. Доброе утро. — Полковник слегка притопывает. — Сейчас хоть и потеплело, а всё равно оборачиваю, ноги меньше потеют. Бумага хорошо впитывает.

— Ну да, ну да, — бормочет себе под нос Федя и, убедившись, что шаги за дверью стали удаляться, достаёт из помойного ведра скомканные газеты.

ТЫ ЦАРЬ, ТЫ БОГ

В окошко Татарниковых-Теперековых тревожной «ско-роговоркой» стучит Якуниха:

— Фрося, твоя сваха у вас?

— Нет, у себя ночует. Внука с собой взяла, целебным заговорам обучат да в травках разбираться.

Мать Макара быстрым шагом идёт к дому Аксиныи.

— Евтифевна! Христом-Богом молю, выручай: я уж давно не повитушничала, а тут, как назло, Маруська-невестка с просьбой... Да с какой! Макара в очередной раз её погонял, пнул в живот, а она только зачала. Решила избавиться. Я опоила её зельем... ну ты знаешь, чего тебе рассказывать... Всё отошло, а кровь всё хлещет и хлещет. Внучок-от твой вмиг кровь затворяет. Пойдёмте быстрее, ведь насмерть кровью изойдётся.

Теперь уже вольнонаёмный надзиратель Макара Якунин приходил домой почти всегда пьяным и там продолжал вести себя по законам зоны.

— Витька! — орал он на сына, заметив крошки на постели. — Почему на шконке хавчик? Пайку за столом жрать надо, а не тащить под подушку.

— А ты почему хату не держишь, не следишь? — Домашний надзиратель, давясь отрыжкой, угрожающе

смотрит на жену и, с трудом сгруппировав своё щедедушное тело, кулаком грохает по столу. — Никому не позволю нарушать режим.

Мать пытается уговорить сына, он перебивает её:

— Мама, это не пустой хипиш, на зоне должен быть порядок.

— Сынок, опомнись, ты же дома, забудь о работе.

Макар кривит губы, из которых тянется пьяное мычание:

— М-м-м... Забудешь, как же, если в печёнках всё сидит. Мне что, мозги выключать, выйдя с вахты? Вот я и выключаю... Плесни-ка мне из лагушка, чтоб посильнее выключилось.

...Маруся лежит в бане на широкой лавке. Вся простыня пропитана кровью. На полу тазик с кровавым месивом. Мальчику показалось, что это у Витькиной матери вытекло сердце.

— Евдокимушко, ничего не бойся, тётя Маруся поранилась, ей больно, может умереть. Только ты её можешь спасти.

Бабушка берёт внука под локоток, вплотную подводит к лавке:

— Сейчас ты не мальчик, не мужчина. Ты — царь, ты — Бог. Суй ручку туда, где красно. Помнишь, как Витьке кровь остановил? Подумай, что ручеёк течёт, течёт и вдруг пересох. И пальчиками внутри шевели, как будто кедровые орешки в кучку сгребашь.

Бабушка крестится и шепчет:

— Боже милостивый! Чудо сотвори, кровь затвори...

Доня сделал всё так, как просила Басиня. Кровотечение остановилось, пациентка перестала стонать, обе женщины помогли ей повернуться набок. Свекровь влажным полотенцем начала смывать кровь

с ног невестки. На белоснежном бедре отчётливо вспыхнуло огромное коричневое родимое пятно. Оно словно лучом прожектора со сторожевой вышки больно ударило по глазам маленького знахаря.

Закончив с невесткой, Якуниха протянула спасительную бумажную денежку. Доня испуганно спрятался за бабушку. Та легонечко подтолкнула его на середину бани:

— Чего перепугался? Бери, ты заработал. Сам-от не проси, а дают — бери. И наперёд знай: это тебе не для наживу, а больному на заживу.

Домой возвращались молча. У мальчика не выходило из головы огромное родимое пятно на ляжке Витькиной матери.

ПОДКОП

Нижние брёвна склада лежали прямо на земле, без фундамента. Почва мягкая, разгребалась легко. Проникнуть в склад была Витькина идея. Он уже не раз видел, как его мать заходила с завскладом и дверь закрывалась.

— Посмотрим, чё они там делают, заодно и конфет натырим.

Пол внутри отсутствовал, мешки складировались на поддоны, поэтому злоумышленники без труда проникли внутрь.

Сквозь решётки на окошках под самой крышей струится дневной свет. Горят фонари, тоже облачённые в закруглённые решётки. Витька запускает руку в ящик с конфетами.

— «Забава», ириски, — радостно шепчет и начинает спешно набивать карманы. — А ты чего? Зря, что ли, землю рыли?

— У меня карманов нет на шароварах. А это что, зэкам «Забава»?

— Ага, щас! Это для начальства и в магазин посёлка.

Возле двери заметили небольшой пузатый деревянный бочонок, опоясанный блестящими железными обручами: пальцами черпают густое сгущённое молоко.

Из открытого бумажного мешка поели сушёной картошки. Как шкодливые коты, пробираются между штабелями муки в поисках новых лакомств. Услышав грохот подъезжающей телеги, затаились за тюками одежды.

— Подгони поближе, загружать будем, — слышится голос Витькиного отца.

Завскладом Фисенко открывает обе створки широких дверей. Заключённые начинают грузить мешки и ящики, коробки с махоркой и папиросами.

Один из заключённых незаметно сунул за пазуху каральку колбасы, понёс ящик. Споткнувшись о порог, выронил её. Макар поднял каральку и стал наотмашь бить ею по лицу заключённого.

Тот стоял, замерев, руки по швам, твердя испуганно:

— Прости, начальник... прости... рука сама потянулась.

— Хавчик тырить не твоя масть! Рамсы попутал? Ты на вокзалах «щебень» по карманам грёб, а у меня под носом хотел с кондачка проскочить...

Надзиратель прекратил хлестать, твёрдая каралька раскрошилась, и он сунул огрызок в рот заключённому. Из его носа сочится тоненькая струйка крови, затекает в уголки рта. Всхлипывая, воришка жуёт кровяную колбасу, пытаясь вытянуть упаковочный шпагат.

— Не тяни, ешь вместе с верёвкой, ты же у нас самый голодный, колбаски захотел. Баланда надоела?

Фисенко носовым платком вытирает кровь, достаёт пачку папирос. Осторожно размяв табак, полностью «раздевает» гильзу, лепит папиросную бумагу к разбитой ноздре заключённого.

Когда гружёная телега отъехала, завскладом закрыл большие створки дверей. Было слышно, как гремел железный засов. В одной из створок ещё одна дверь, маленькая, осталась незапертой. В неё-то через некоторое время вошла Витькина мать. Пацаны затаили дыхание.

Фисенко накидывает крючок, оба идут в дальний угол, садятся на топчан и начинают целоваться. Витька весь напрягся и стал шарить рукой по земле возле поддона.

— Ты чего? — шёпотом спрашивает Доня.

— Камень ищу или что-нибудь тяжёлое.

— Кинуть хочешь, напугать?

— Не напугать, а подойду и башку ему разобью.

В голосе Витьки звучала такая решимость, что друг решил во что бы то ни стало остановить «народного мстителя».

— Сдурел совсем? Там же мать, нас всех на зону упекут.

Между тем Маруся отстранила руку любовника:

— Подожди, я щас...

Мальчишки видят, как женщина приседает на корточки возле больших дверей. Из-под створок вытекает струйка, впитывая по пути пыль, грязь, увлекая за собой папиросные окурки. Когда Маруся выпрямилась, на её белоснежном бедре подгоревшим блином отчётливо проявилось родимое пятно.

...Привалив небольшой камень к дыре, оглушённые увиденным, лазутчики спустились к реке. Стаи мульганов копошились возле самого берега, то и дело выпрыгивая из воды в погоне за мошкой. В другой раз оба друга сняли бы майки и начали ими ловить рыбёшек, но сейчас им было не до этого.

— Отцу скажешь?

Витёк сразу не ответил, а только начал трясти головой, потом неожиданно разразился неистовым, истеричным плачем:

— Он же... он... её убьёт. Я... я... не скажу... ни за что.

Вечером все Якунины собрались за столом. Маруся большими колечками нарезала колбасы, насыпала в миску сушёной картошки с верхом, а посередине стола на

голубой клеёнке ослепительными айсбергами застыли огромные куски солдатского рафинада.

Макар был сегодня на удивление абсолютно трезвым, жена ласково ворковала возле него, пододвигая поближе тарелки:

— Ешь, Макарушка, это не казённое — своё. Похлебай домашнего, а хочешь, я колбаски в суп покрошу, банку камбалы открою. Дома-то вкуснее, чем в солдатской столовой.

Маруся ласково смотрит на сына:

— А ты чего задумался? Ну-ка, давай ешь, сынок, набегался, проголодался.

А у Витьки все ещё перед глазами стояла картина, когда завскладом набивал кирзовую сумку матери «домашними» продуктами.

«ДЕЛО» В ПОРТЯНКЕ

После дождя Москва, словно воробьи на крышах и проводах, тоже «отряхивает пёрышки»: дворники шлифуют мётлами влажный асфальт, цветочницы выкатывают тележки, от которых исходит сногшибательный аромат натурального парфюма. Стены домов украшены плакатами и транспарантами, в парках и скверах звучат духовые оркестры, поднимая ещё на градус весеннее настроение. И совсем некстати на фоне общего буйства природы, радостных улыбок на послевоенных лицах выглядит незванным гостем чёрный воронок.

«За что? В чём я провинился? — Надбровные дуги ломит от мозгового напряжения. — С прошлым покончено. Дело Плащёва? Столько лет прошло: убийцу нашли — за повешенного в Крыму брата отомстил». У Стрельцова была своя версия убийства генерала в его квартире, но он её никому не высказывал, хотя прекрасно помнил инцидент со стрельбой на занятиях «Выстрела». Дело закрыто. Но фронтовик не предполагал, что открыть новое для чекистов не составляет никакого труда.

— Ну что, поручик, допрыгался? Генералиссимуса в грязь втоптал.

— Я полковник Красной Армии.

Следователь срывается с места, пулей подлетает к Стрельцову.

— Какой, нахер, полковник?! Буржуйское твоё рыло! Вождя народов в подмётки приспособил! Ноги об него вытираешь!

Следователь разворачивает бумажные комочки, тыльной стороной ладони нежно разглаживает портрет Сталина.

Стрельцова бросает в пот. Еле сдерживая дрожь в теле, пытается оправдаться:

— Я на фронте ноги обморозил... не знал, что там за снимок...

Свернув разлохмаченные газеты в тугой жгут, следак с размаху бьёт по лицу полковника.

— Теперь узнаешь, ваше благородие, — с ехидным злорадством цедит он сквозь зубы. — И всё остальное на лесоповале будешь отмораживать.

Сидор в очередной раз отпросил у лагерного начальства заключённых. Высокий чердак сарая специально приспособлен для хранения сена. Шалва наверху принимает, а полковник подаёт большими порциями-навильниками душистое лесное разнотравье. Трёхрогие деревянные вилы с длинной, руками отполированной ручкой прогибаются под тяжестью, но выдерживают.

Не выдерживает доктор:

— Алексей Иванович, ты бы поменьше навильники цеплял. А то опять к вечеру давление скакнёт, что мне с тобой делать? Лекарство на зоне одно — сам понимаешь, какое... Амбулатория на пригорке, за зоной. Жмуркоманда постельку приготовит, уложит в рогожном мешке. Так что, товарищ полковник, я как врач приказываю снизить нагрузки.

— Как скажешь, начальник, нема базару. Слово пахана — закон.

Шалва оторопело уставился на Стрельцова:

— На глазах растёшь, Алексей Иванович. Блатной жаргон начинаешь осваивать.

— Не осваивать, а по фене шарить. Свою масть, так сказать, держать. Мы с тобой не какие-нибудь дешёвые фраера, а всё-таки я полковник, ты кандидат медицинских наук.

Стрельцов встряхивает растопыренными пальцами, как это делают блатняки, и, смеясь, заканчивает демонстрацию зоновской азбуки:

— В натуре, зуб даю. — И делает соответствующий жест, когда ноготь большого пальца со щелчком отскакивает от переднего зуба.

Алексей сегодня с самого утра чувствовал в себе прилив необъяснимой энергии, душа наполнилась ожиданием чего-то необыкновенного, сродни чуду. Он прекрасно осознавал бесполезность такого ожидания: всё ватно-фуфаечное чудо укладывалось в свежий воздух лесосеки, звон мисок в столовой и банный день раз в две недели. Но сегодня был особенный день, нутром чувствовал. И это случилось, без всякой «артиллерийской» подготовки, лобовой атакой.

— Папа... — тонко и нежно взорвалось за спиной.

Этот голос парализовал мышцы, вилы с пучком сена застыли в воздухе. «Это же голос жены, Аннушки... не может быть... откуда?»

Обернувшись, видит смущённую молодую женщину, вылитую копию погибшей супруги.

— Вилы опусти, — наклонившись, громко шепчет Шалва Герасимович. — Дочку зашибёшь.

Отбросив вилы, Стрельцов так и остался стоять, растерянно пытаясь изобразить улыбку.

— Я всё знаю, мама рассказала...

Аня шагнула к отцу, неуклюже попыталась его обнять, но он буквально рухнул перед ней на колени и неожиданно огрубевшим от рыданий голосом начал оправдываться:

— Прости, доченька... прости, что оставил тебя, бросил... прости, что выросла без меня. За маму прости, что не уберёг.

Он беспрестанно целовал родные руки своей кровинушки, совсем не стыдясь мужских счастливых слёз. Потом, словно опомнившись, быстро выпрямился и попытался отойти, чтобы ненароком не привлечь внимание посторонних, но всепобеждающая мощь родной крови как магнитом удерживала отца возле дочери.

— Мам, Диксон отцепился, может чужих покусать, — раздался звонкий голосок Дони.

Анна отошла от отца и успокоила:

— Не переживай сынок, пусть побегает... А чужих здесь и нет. Эти дяденьки нам уже давно как родные.

Фрося и Константин молча стояли у окна и наблюдали за актом жизненной драмы шекспировского накала.

После чего кубанский казак сел возле стола, воинственно вытянув свою деревяшку:

— Ну-ка, Фрося, зачерпни-ка из лагушка, а то нервы, как трещины, так по всему организму и ходют. Может, оно и к лучшему, что встретились. Враг народа он для Кремля, а для нас какой он враг, если Берлин брал? И для дочки лучше, когда два отца, чем один с деревяшкой. Так, Фросюшка?

Они обнялись, и слёзы умиления оставили влажные дорожки на морщинистых щеках стариков.

Вечерний посёлок затих. Из тайги тянуло густым хвойным настоем, перемешанным с парным запахом

только что прошедшего стада. Животные, в сопровождении гудящих туч оводов и слепней, возвращались из логов, волоча по кочкам набухшее вымя, оставляя после себя дымящиеся лепёшки.

Анна у калитки встретила кормилицу Зорьку, протянула корочку, припудренную солью. Не торопясь её впускать во двор, обхватила шею коровы и вдруг ни с того ни с сего беззвучно разревелась. Слезы скатывались по шее бурёнки, она то и дело прядала ушами и пыталась просунуть язык в карман халата в надежде отыскать дополнительное лакомство.

— Ну что ты, что ты, Зоренька, — нет больше, я тебе всё отдала, — всхлипывая, повторяла Аня, продолжая нежно гладить шёлковую шёрстку коровы.

Фрося вышла с подойником.

— Загоняй в стайку, дочка, доить пора.

Увидев заплаканное лицо, всплеснула руками. Ведро звонко гроыхнуло.

— И чего это мы? Зорька на ногу наступила? Или какая другая беда приключилась? — начала гадать Фрося, хотя прекрасно понимала состояние Аннушки после щемящей встречи с родным отцом. — Доченька, успокойся, всё хорошо. Сидор позаботится, чтобы чаще видеться. А когда освободится, оставим его в Ногазаке, всё-таки родной отец.

Так бы тому и бывать, если б зигзаг судьбы не скаканул совсем в другую сторону. Шила в мешке не утаишь.

— Как не реветь, мама? Маруська всё видела, поинтересовалась: чего это, мол, заключённый передо мной на колени грохнулся — жениться собрался? А Сидорку побоку? То-то, говорит, зэки повадились к вам ходить — значит, неспроста. А может, они оба с доктором тебя обслуживают, с голодухи? Тут я, мама, не стерпела, конечно, заехала ей по морде. Заткнись, говорю, дура, не

наматывай на свой поганый язык грязные сплетни. Отец это мой родной, отец — поняла!?

...Утро для Сидора началось с кабинета начальника лагеря. Майор предложил рядовому сесть, а сам неспешно стал прохаживаться по комнате, «капустно» поскрипывая хромовыми сапогами.

— Выходит, ты скрыл важный факт биографии, а это уже чревато... сам знаешь чем. При таком раскладе даже я не смогу ничем помочь. О дальнейшей карьере военного не может быть и речи. Бывший белогвардейский офицер, своим поступком оскорбивший лично товарища Сталина, — и вдруг твой родственник.

Майор остановился напротив Сидора, тот попытался встать, но офицер остановил его:

— Пока опер не в курсе — хотя он, возможно, и не будет возражать, — пиши рапорт. О дальнейшей сверхсрочной службе забудь. Оформим как вольнонаёмного, будешь лес возить: паёк сохраняется, зарплата хорошая. Это единственное, что я могу сделать для тебя, из большого уважения за твою службу.

Покрытые густым инеем лошади натужно тянут подводы с подсанками-прицепами. Всю зиму по льду лес доставляется на нижний склад. Вместе с заключёнными рядом со своим трудягой конём шагает бывший охранник, надзиратель Сидор Тепереков, крепко держа в руках обледеневшие вожжи.

В бараке — отбой. Слышно мерное капанье из-под сосков умывальников. Нет-нет да в каком-нибудь углу раздаются всплески мощного храпа или бессвязного бормотания. Всё это слышит Алексей Иванович, ворочается с боку на бок, со всей силы сдавливая виски: не сдержался, выдал себя, сгубил карьеру хорошему

человеку, наложил грязное пятно на судьбу всей семьи Теперековых. Вот так, в самоистязании и убийственном напряжении, представлялась полковнику дальнейшая жизнь-пытка.

Развод окончен, колонна заключённых серым живым фаршем медленно выдавливается из ворот зоны. Охранники еле сдерживают овчарок на коротких поводках. Звучат команды: «Подтянись», «Не отставать». Всё как обычно. Эта молчаливая, угрюмая процессия идёт через весь посёлок.

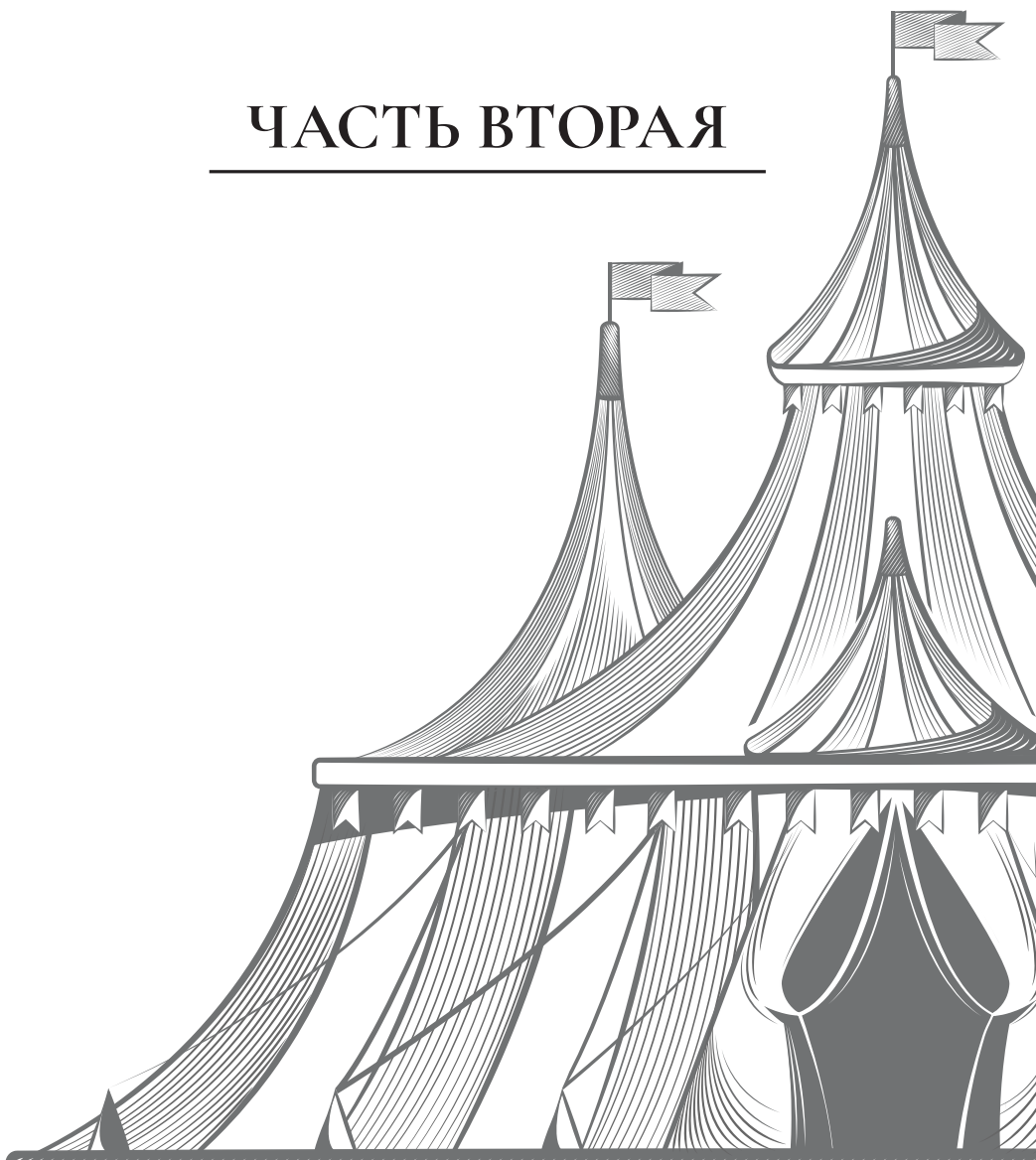
Поравнявшись с домом Сидора, из колонны резко выбегает Стрельцов. Надзиратель Макар, сопровождающий заключённых при движении по посёлку, выхватывает карабин у охранника и стреляет на поражение. Инструкции, устав исполнены в полном объёме: враг народа убит при попытке к бегству. Пуля вдогон, лычка на погон.

Полковник заваливается набок, правый кулак судорожно сжат. Шоколадка тянет за рукав, переворачивает тело. Ещё тёплые пальцы легко поддаются, поэтому он без труда разжимает кулак убитого.

Белая нарукавная повязка с красным крестом приводит Шоколадку в замешательство: а где верёвочки-завязки? Тоже мне санинструктор нашёлся! Он небрежно отшвыривает тряпицу в сторону.

Закопали полковника на пригорке. Утром объявили об амнистии. Стрельцов в списках значился.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА ЛЖИ

Хрущёвские реформы — игры в догонялки с Америкой закончились для семьи Теперековых, как и для многих сибиряков, переездом в тёплые, райские края Средней Азии. Когда отобрали скот, чтобы перевыполнить план по мясозаготовкам, рванула Сибирь к яблокам на деревьях да к сказочно свисающим гроздьям винограда.

Областной центр Гулистан издавал газету на узбекском и русском языках. Именно в «Сырдарьинской правде» Доня Тепереков опубликовал свой первый рассказ «Ящик с дырочками», о том, как он с дружкой бегал на почту нюхать фанерные ящички с фруктами, которые приходили для заключённых из тёплых республик. Прилипая носами вплотную к отверстиям, втягивая сказочно-пьянящий запах яблок, мальчишки испытывали великое блаженство. А если на Новый год в школьном подарке оранжевым солнышком светилась мандаринка, это уже было счастье. Кожуру давили «до последней капли крови», слизывая мутные слёзы горького сока.

Рассказ опубликовали под псевдонимом Гор Шория. Таким образом Евдоким Тепереков хотел сохранить связь со своей малой родиной — Горной Шорией.

Как-то сама собой стала сбываться первая мечта: начала протаптываться тропинка к писательству. После

публикации очерка о дедушке-будённовце «Старое кавалерийское седло» Теперекова-Шорию, с восьмиклассным образованием, пригласили работать младшим литсотрудником в областную газету.

Женился, но пришлось срочно уехать к родителям супруги в Казахстан. Родились сын и дочь. Работая на Карагандинском металлургическом комбинате в прокатном отделении стана 1700, где мастером был в то время Олег Сосковец, избрали секретарём комсомольской организации.

Ни сном ни духом не мечтавшего о партии Доню по-отечески, можно сказать, препроводили в КПСС, потому что приехавший из Москвы сотрудник ЦК ВЛКСМ дал нагоняй металлургическому начальству за то, что одну из лучших первичек возглавляет беспартийный. Успешно выдержав кандидатский срок, пополнил ряды коммунистов.

Рукопожатие секретаря парткома комбината-гиганта поистине явилось для Евдокима историческим: Нурсултан Абишевич Назарбаев после распада СССР стал первым президентом суверенного Казахстана. А вальцовщик-прокатчик Олег Николаевич Сосковец, пройдя долгий путь в своей профессии, занял пост заместителя председателя правительства уже новой России. Эти люди были по праву генералами того общественно-политического строя и не превратились в свадебных ефрейторов новой эпохи, сохранив силы для роста в наступивших новых исторических условиях.

А вот указующий перст судьбы Евдокима каждый раз уводил его от идущих в руки карьерных продвижений. К тому времени он уже поступил в Казахский государственный университет на факультет журналистики. Открывалась широкая дорога партийно-советских перспектив. Но получалось так, что каждый раз «приговор»,

вынесенный «свыше», приходилось исполнять собственными руками. А давалось это нелегко.

Народное врачевание, истинное знахарство находилось под карающими засовеченными запретами. Отъявленным так называемым коммунистам казалось, что они имеют под ногами мощную непоколебимую твердь, уверенно стоят на ней, сметая на своём пути все традиции, обычаи, веру в Творца.

В этом Доня убедился, ещё будучи литсотрудником в Узбекистане, когда получал редакционное задание — написать разгромную статью о боговерях. Ни одной такой статьи из-под его бойкого пера ни разу не вышло. Гор Шория либо сразу уходил на «больничный», либо в краткосрочный запой.

А вот статья «Кавалеры ордена лжи» — вышла, надедала грандиозного шума. Вызвали в КГБ. Один из лжеорденоносцев, изготовивший из куска бронзы звезду Героя Советского Союза, оказался родственником высокопоставленного обкомовского начальника. С этой звездой он выступал в школах, рассказывал о «подвигах», о том, как лишился на фронте ноги.

Пожилой чекист встретил приветливо, предложил сесть. Пока на стул.

— На каком основании вы оболгали заслуженного человека? Подтверждающие документы имеются?

— Да, они предоставлены Министерством обороны, статья согласована с областным военным комиссариатом. Ногу «ветеран» потерял на лесоповале в Горшорлаге. Лично проверял, так как это тема моей будущей книги о репрессированных.

— Ну и писали бы о них, зачем было трогать громкую фамилию... Думаю, сейчас для вас со стороны обкома партии оваций не последует, скорее наоборот: дело

дошло до ЦК республики. Не велика беда, что дед выступал перед школьниками. О войне не искажал, излагал по-книжному. А что звезду выточил, за это можно было другими методами действовать. Например, просто отобрать блестящую игрушку, пристыдить. А вы как автор раздули историю, чтобы утешить своё журналистское самолюбие... — Чекист замолчал, слегка постукивая кончиками пальцев по столу.

Газетчика нисколько не смущала аббревиатура столь могущественных трёх букв, наводивших невольный лёгкий ужас на граждан Страны Советов. Глядя прямо в глаза сотруднику, он ответил, внешне стараясь сохранить спокойствие:

— Ладно, пятиконечную игрушку, символ высочайшей воинской доблести, допустим, отобрали. А как быть с честью, совестью, достоинством? Или их у него раньше отобрали? А может, этих основополагающих человеческих качеств у героя моей статьи не было изначально? И к незаконно репрессированным его никак не отнесёшь, потому как на зоне чалился за то, что лопатники очковал, то бишь из задних карманов бумажники тискал. За это на киче своё откоптел. А на воле просадил понты, на звёздочке спалился. Вот так, гражданин начальник, а вы мне про самолюбие.

Чекист вначале оторопело уставился на молодого человека, но чуть позже подобрел лицом:

— По фене ботать — не работать... Где так наловчился, журналист? Ладно я, бывший опер на зоне, а ты что, тоже шкондяки шлифовал? Вроде не похож с виду. Или просто тему просёк?

— Бог миловал, но родился и вырос под забором зоны, общение с контингентом было для нас обычным делом. Невольно осваивали потихоньку. От бесконвойников многое почерпнули. Как видите — пригодилось.

Комитетчик совсем дружелюбно заключил:

— Ещё как! Честно признаться, не ожидал. Но вы понимаете, что к нам не вызывают по пустякам. Я вам действительно верю, что статья не клевета. Но мой совет: лучше вам... И чем подальше, тем лучше. Надеюсь, вы поняли. Всего доброго.

ПАРАДОК

Таким образом, скоропостижная женитьба и отъезд к родителям супруги перевернули следующую страницу книги судьбы начинающего писателя, комсорга и практикующего народного врача.

Всплески оказания первичной человеческой помощи всегда возникали спонтанно. Убрать ячмень с глаза, заговорить бородавку, пупочную грыжу у младенца, поправить поясницу — всё это унаследовал Дonya от любимой Басини, но каждый раз стеснялся своих способностей, не хотел выглядеть таким заплесневелым, патриархально древним старичком со знахарской клюкой в руках. И целителем себя не считал. «Я парадок», — отшучивался.

Но, как бы ни скрывал успешный комсомольский организатор своё природное умение избавлять людей от не совсем запущенных хворей, молва о нём посредством сарафанного радио росла и крепла. Доросла до момента, когда его вызвали в городской комитет партии.

— С чего бы это? — недоумевала жена — У тебя на работе всё нормально. Ваш листопрокатный цех гремит на всю Казахстанскую Магнитку. В соцсоревновании металлургов ЛПЦ-2 всегда на первом месте. В газетах «Металлург», «Темиртауский рабочий» печатают фамилии четырёхугольника: начальника цеха, секретаря

партбюро, председателя профсоюзного комитета и комсорга. Наш Максимка говорит, что ему приятно читать в газете фамилию папы. И вдруг этот вызов. Ещё от прошлого не отошли.

Доня успокоил:

— Конечно, внутренний холодок чувствую, но он не со знаком минус. Ты, Гала, уже знаешь моё состояние-интуицию, когда события ещё нет, а мне уже финал известен. Вот и сейчас как будто за спиной шепчутся, сказать боятся.

Успокоил, называется, — ещё больше страху нагнал.

«Икарус»-гармошка, вздохнув тормозами, остановилась на площади, почти у самого здания горкома.

Милиционер попросил подождать, а сам поднял трубку телефона. Со второго этажа по широкой лестнице, ступеньки которой были покрыты красной дорожкой, торопливо спустилась девушка в строгом брючном костюме. Доня сразу узнал в ней маму мальчика, которому он заговорил так называемую куриную жопку на ладони.

— Здравствуйте, узнали меня? — поприветствовала она очень-очень тихо. — Пойдёмте, Вероника Александровна ждёт вас, я ей рассказала о ваших чудодейственных сеансах.

Строгая табличка на стене извещала: «Заведующая отделом агитации и пропаганды Вероника Александровна Вахитова». Средних лет женщина с неброским макияжем, тугим жгутом чёрных волос на затылке встретила Донию совсем не официально, не по-партийному.

— А давайте вниз спустимся, в буфет, — предложила она приветливо.

«Ну, если сразу угощение предлагают — видать, действительно дело серьёзное?». Доне почему-то сделалось легко и весело, потому что он уже догадывался

о проблеме, которая, по его мнению, не стоила выеденного яйца.

— Леночка, мы поговорим. Организуй нам по чашечке кофе.

Девушка, встретившая Доню, отошла к стойке буфета.

Он решил не откладывать.

— Вероника Александровна, — начал бодро...

Но женщина быстро приложила палец к губам:

— Тише, тише, пожалуйста. Хотя здесь никого нет, но всё-таки... горком партии... а у нас не совсем обычная беседа. Дело в том...

— Ваш муж загулял? — тоже перейдя на шёпот, перебил её «ясновидец». — Не в смысле алкоголя, а... думаю, вы меня поняли?

— В том-то и дело, в самую точку... как вы угадали? Уму непостижимо. Значит, не зря мне вас Леночка порекомендовала.

Женщина взяла со стола бумажную салфетку, приложила к повлажневшим глазам, одновременно оглядываясь по сторонам.

— Я хочу узнать, кто эта женщина и как её отвадить от моего мужа. Не писать же мне заявление на имя секретаря горкома. И потом, как можно предавать огласке такую ситуацию? При моей должности... сами понимаете.

Мозг ясновидца уже выстраивал из отрывочных подсказок-знаков логическую цепочку. Партийная бонза ждала конкретного сиюминутного ответа, а его нужно было слепить из приходящего «нечто» в чёткую реальную форму.

Не было ничего: ни буфета, ни горкома, ни родных деток Максимки и Анютки, не было города Темиртау, как и всей планеты со всеми её глобальными проблемами. Был необъятный космос с его мыслящей плазмой, её энергетически вибрирующие электрические ниточки

легко и свободно пронизывали мозг, подарив неожиданный ответ:

— У вашей соперницы много золота и других драгоценностей.

Клиентка, так теперь её назовём, разочарованно уставилась на медиума:

— И это всё? Вы, конечно, не обижайтесь, но у меня тоже есть и кольца, и кое-какие камушки. Что из этого следует? Ответа, в общем-то, нет.

А Доне, этому маленькому сибирячку, наступившему на высоковольтный провод, из-за чего душа временно отделилась от тела, чтобы погасить силу электрического удара, было легко и весело. Именно так сейчас, находясь в горьком КПСС, ощущал себя теперь уже вполне взрослый Евдоким Сидорович Тепереков, потому что до мельчайших подробностей знал единственный, безальтернативный ответ.

— Можете не верить мне, не соглашаться, но то, что приходит «оттуда», — он ткнул пальцем в потолок буфета, — всегда истина.

Женщина подняла голову и уставилась в потолок, пытаясь определить расположение кабинета первого секретаря горкома Коммунистической партии.

— Теперь вы сами можете вычислить свою соперницу. И не нужно поднимать глаза к потолку, здешнее начальство в этом вопросе вам не указ. Подумайте, где больше всего легально, открыто хранится много драгоценностей, куда и вы с мужем, наверное, ходили выбирать обручальные кольца? Ну...

Даже сквозь лёгкий, скромный макияж было видно побледневшее лицо сражённой наповал бедной Вероники.

— Директриса «ювелирки»... Сапфира... От зараза! То-то в последнее время она так старательно увивалась возле

моего Владислава... На каждом общественном мероприятии, которое иногда заканчивалось в ресторане, она непременно при объявлении белого танца выбирала Влада. Сучка — золотая ручка... Простите, вырвалось случайно.

Евдоким не удивился разительной перемене в поведении заведующей отделом агитации и пропаганды городского партийного органа. Идеологические наущения, «Моральный кодекс строителя коммунизма» в мгновение ока отошли на задний план, когда дело коснулось личного, сугубо женского, семейного вопроса. Сейчас перед ним сидела не облачённая партийной властью особа, а простая русская баба, у которой увели из-под носа мужика, и она готова была спуститься хоть в преисподнюю, лишь бы удержать его возле себя как опору, отца семейства.

— Что нужно теперь делать? Как мне быть? Я знаю, что есть какие-то привороты-отвороты... Что вы посоветуете? Евдоким... Сидорович, кажется?

— Так точно, голубушка, — абсолютно неожиданно для самого Дони вырвалось это ласкательное «голубушка». Но он не смутился и продолжил: — Вы, конечно, не пойдёте караулить её у подъезда, чтобы вырвать ей лохмы, въехать по мордасам — статус не позволяет. А вот поговорить с ней по-человечески, по-женски, без оскорблений и унижений — это вы сможете. Уверен, ваш благоверный оценит это и вернётся в семейный очаг. А в том, что это именно она, сомнений не может быть, потому что в моих «знаках» очень ярко, в самом начале нашей встречи, всего лишь на миг вспыхнул камушек — голубенький такой. Как оказалось, это был... Вы уже называли... Всё остальное знаете. Дело за вами.

Много позже, уже колеся по миру с цирковым аттракционом «Беловежская пуца», Доня всегда придавал

первостепенное значение молниеносным вспышкам сознания, а точнее, подсознания, которое давало всегда верную, хотя и опосредованную подсказку.

Получаемые знания, приобретаемый жизненный опыт помогали при общении с клиентами демонстрировать чудеса так называемого ясновидения, хотя на самом деле это были толчки-подсказки от невидимого, неслышимого, не ощущаемого в повседневной жизни информационно насыщенного двойника человека, названного мудрецами ангелом-хранителем. Молния истины поражала мозг нужным ответом, и в такой момент у Дони всегда теплело на душе.

...Как-то после очередной комсомольской вечеринки слишком пылкая активистка оставила на шее комсорга очень явное вещественное доказательство. В народе его называют засосом.

— Пошел вон! Уё...вай! — орала в бешенстве жена, швырнув к ногам собранный чемодан. Из детской, шлёпая босыми ножонками, высунулась испуганная Анютка. Она только-только научилась ходить, поэтому обеими ручками держалась за косяк.

Отец прижал тельце к себе, нежно поцеловал и спросил:

— А Максимка ещё спит?

— Дя-а-а.. — ничего не понимая во взрослых разборках, плаксиво протянула дочка.

ВЕРХОМ НА ВЕПРЕ

...Гастролирующему цирку-шапито срочно требовались рабочие по уходу за животными. Лопата и метла стали профессиональным инструментом новоявленного служащего Союзгосцирка.

Выросший среди домашних животных и зверья, Доня очень быстро втянулся в бешеный ритм цирка с оленями, вепрями, волками, медведем и прочей «мелочью» Беловежской пущи, вплоть до ёжика. Руководитель аттракциона Мечтана Бис, посвятившая свою жизнь этому виду искусства, обучала новичка основам дрессуры и хореографии, показывала на практике, как нужно правильно кланяться и делать «комплимент» в конце трюка.

Доня легко усваивал азы работы в манеже, но иногда увлекался и забывал о предосторожности. Проходя мимо клетки с волчицей, он, когда его окликнули, повернулся спиной к хищнице. Та с воодушевлением восприняла непростительную ошибку начинающего дрессировщика и не очень «смертельно» прихватила его за локоть.

От острых зубов током пробило всю руку. «Позвать Мечтану, — пронеслось в мозгу. — Нет, какой же я дрессировщик, если сам не могу справиться с критической ситуацией».

— Вежа, — тихим, спокойным голосом начал упрашивать Доня, — отпусти, пожалуйста, руку, она мне

пригодится. Прости, что я забыл главное правило — не поворачиваться к клеткам спиной, тем более к девочкам, таким как ты, Вежечка.

Волчица, не моргая, глазами безвинного младенца смотрела на бедолагу и потихоньку продолжала смыкать челюсти. Тепереков терпел и старался тоже ласково смотреть на хищницу, хотя уже чувствовал онемение в пальцах.

— Ты же хорошая, добрая собачка, нам с тобой работать в манеже. Отпусти меня, родная, я теперь буду умней и осторожней.

Дрессировщик и зверь неотрывно смотрели глаза в глаза. Вежа медленно разомкнула пасть, затем тут же вновь просунула морду сквозь прутья клетки, пытаясь дотянуться языком до оголённой руки. Доня прислонил локоть, и волчица начала заботливо облизывать место прихвата. Кожа была целой, лишь маленькими тёмными точками обозначились места соприкосновения с зубами.

— Значит, мир, — с облегчением выдохнул пострадавший.

Волчица склонила голову набок и, как бы винясь, начала лапой слегка постукивать себя по морде. Буквально на следующей репетиции Доня работал с Вежей свободно, без поводка.

А вот с кабанами было всё сложнее. Мечтана первой в мировом цирке освоила дрессировку этих непредсказуемых, коварных хищников. Под её руководством начинающий артист взялся укрощать некастрированного, буйного Дика.

В детстве катание на свиньях было любимым занятием детворы. Но домашняя чушка и дикий кабан — это, как говорится, две большие разницы. Выполнять определённые команды он соглашался: катал бочку с ассистентом,

прыгал через кольцо, вставал передними ногами на тумбу, демонстрируя свой объём и массу. А как добиться статики, полной неподвижности зверя?

Доня понял, что это, пожалуй, и есть высший пилотаж дрессуры. Заставить что-то делать, двигаться — проще, а вот замереть... При этом ещё позволить оседлать себя. Как ни бился дрессировщик, выполнить трюк «Верхом на вебре по манежу» не удавалось.

В гостиницу возвращались к полуночи, а к шести утра спешили в цирк, чтобы в отведённое время провести ежедневную репетицию. После уютного кабинета комсомольского жожака цирковая пахота на грани физических и моральных сил выматывала до предела.

Дик частенько показывал свой крутой нрав: клацал зубами, мотал резко головой, чтобы рыло покрылось взбитой боевой пеной, затем изгибал туловище для нанесения смертельного удара. Команды либо уговоры в такие критические моменты бесполезны.

Доня заметил, что кабан преображался в присутствии Мечтаны или ассистентки Кати. Дрессировщик догадался: самец чувствовал запах женщин, поэтому вмиг становился послушным, как муж с похмелья. Поэтому во время репетиции в проходе всегда стояла ассистентка, готовая броситься в «объятия» рассвирепевшему зверю, дать подкормку и увести его в клетку. Особенно это пригодилось осенью и зимой, в момент гона, когда самцам обязательно нужно набить друг другу морду.

«Давай, Тепереков, рассуждай, — подбадривал себя начинающий дрессировщик. — Дикий кабан — это, по сути, та же свинья. Она любит что? Вкусно поесть и...».

Доню осенило, он сорвался с места, на конюшне схватил старенькую фуфайку и пропитал её водой. Расстелил в манеже возле барьера, где планировал оседлать зверя. Выпустили Дика, он тут же устремился к незнакомому

предмету, почувствовав в мокрой фуфайке кусочек лесного болота, блаженно похрюкивая, развалился, млея от удовольствия. Доня вскочил ему на спину, и они лихо прогарцевали по манежу.

Закрепить этот зрелищный трюк уже не составляло особого труда. Постепенно убрали «кусочек болота», и зверь по команде ложился в нужном месте.

Репетиционный период в Пермском цирке закончился, квалификационная комиссия под председательством Юрия Дурова дала добро на присвоение Евдокиму Теперекову звания «дрессировщик». Атракцион отправился колесить по стране. На афишах теперь в каждом цирке красовалась интригующая надпись: «Единственный в мире трюк — верхом на вепре по манежу».

Ещё находясь в Перми, режиссёр Игорь Нисонович Тернавский очень тепло отозвался о работе начинающего дрессировщика, отметив бесстрашие и природный артистизм. Буквально на следующей репетиции новоявленный артист почувствовал со стороны Мечтаны какой-то холодок, в её действиях была нервозность, она то и дело резко одёргивала напарника, придиралась к мелким промашкам.

А приехавшая в гости мать испуганно заявила дочери: — Смотри! Он у тебя отберёт атракцион.

Доня принял это за шутку, потому что и не думал посвящать всю оставшуюся жизнь поездкам, ежемесячным погрузкам-разгрузкам клеток, реквизита и багажа огромного атракциона. Физическая и моральная нагрузка временно компенсировалась выступлением в манеже, когда зрители после кабаньего аллюра вскакивали с мест и начинали неистово аплодировать, прося как бы повтора трюка на бис. Но цирк не эстрада, здесь всё

делается сразу «на чистовик». Халтура также исключена, её зритель не простит, зато оценка истинного артистического труда мгновенная — в улыбках, смехе, аплодисментах, букетах цветов.

Осознание нужности циркового искусства, насыщенность энергетических волн от зрительских масс удерживали Дюню в цирке, как и возникшее чувство к руководительнице, ставшей впоследствии женой. Но опасения теперешней тётки о потере её дочерью аттракциона были абсурдными, это не входило в планы Теперекова.

ДОСТУЧАТЬСЯ ДО НЕБА

Доня всё больше погружался в оказание «парадокторской» помощи.

Проехав с гастрольями всю страну от Чёрного моря до Тихого океана, цирк оказался в сказочном Владивостоке. С верхней точки сопки открывался неопишуемый вид на бухту Золотой Рог. Горели разноцветные огни судов у причалов, а на рейде величественно застыли «Новороссийск» и «Керчь».

Глядя на них, спускаясь к цирку на фуникулёре, Тепереков не мог отделаться от чувства тоски и тревоги. Поражала мощь этих гигантов, но в то же время почему-то пугала, словно угрожала какой-то потерей, безвозвратной утратой. Доня ещё не знал, что вместе с СССР уйдут и эти красавцы корабли, их продадут в Китай. Да и сам Владивосток со всем его приморским блеском, обилием японских автомобилей, яркой заграничной одеждой и аудиотехникой пугал и даже отталкивал. Казалось всё это ненастоящим, бутафорским, потому что на остальных просторах СССР наблюдалась иная картина. Дефицит вся и всего разъедал страну, полки магазинов пустели. Народ озлоблялся. Великую державу завоёвывала «психологическая инфекция».

Вера в коммунизм осталась несбывшейся сказкой, впереди маячило «нечто», чего ждали как избавления,

решения всех проблем. «Истерическая» перестройка с её антиалкогольной кампанией натянули нервы народа до предела. Появилось новое заболевание — синдром перестройки. В такие переломные моменты эпох духовные силы космоса через одарённых людей посылают энергетическую подпитку населению. Появляется масса врачей-лечителей тела и душ. Вместе с истинными знатоками народной медицины пышно расцветает банда шарлатанов, работающих под прикрытием мафиозных структур.

Доня работал иначе, всячески избегал рекламы и с удивлением воспринимал толпы страждущих у дверей и цирка, и гостиницы. Как они узнавали о приезде народном лекаре, всегда оставалось загадкой. Причём все его клиенты заявляли, что видели представление с участием Мечтаны Бис и Евдокима Теперекова. Видимо, именно это придавало «парадоктору» элемент таинственности и отваги.

А отвага действительно была иногда очень необходима. Во Владивостоке к нему на приём привели матушку владыки Приморского края. Её сопровождали две молоденькие помощницы в соответствующих одеяниях. Ни врачи, ни молитвы не могли одолеть хворобу.

Доня вдруг вспомнил давнюю встречу в горькоме партии, где приём проходил в обстановке таинственности и страха клиентки за свою репутацию: как это так — коммунист обращается за помощью к знахарю. Это однозначно грозило лишением с позором партийного билета. Причём обоим.

Сейчас было всё иначе. Ожидающие очереди люди уважительно расступились, пропустив матушку, тело которой сотрясали мучительные конвульсии. Сев напротив пациентки, Доня ощутил себя могущественным, всепобеждающим властелином любой хвори, любой

болезни, тем более, как он себе представил, такого «пустяка», как тремор. Его мозг стал острым в своём высшем напряжении, от него словно вонзились в небо миллионы тоненьких антенночек, готовясь принимать исцеляющую небесную силу.

— Слабо, слабо ноги подпрыгивают, а руки-то... руки совсем не пляшут, — как бы подзуживал целитель, провоцируя ещё более интенсивные конвульсии.

— Хорошо, хорошо, матушка. Плечики, плечики трясем — по-цыгански, сильнее... сильнее!

Доня прямо смотрел в глаза женщине и приказным тоном отдавал убийственные для неё команды. Испуганные девушки молча стояли в сторонке, глядя, как тело матушки буквально захлёбывается в предсмертных конвульсиях.

Достигнув пика проявления тремора, укротитель хищников громко и резко крикнул:

— Хватит!!! — и раскрытыми ладонями мягким хлопком ударил по коленям пациентки. Последний раз, сильно вздрогнув, матушка обмякла всем телом и стала озиаться по сторонам.

— Мы тут, матушка, тут...

Девушки наклонились к ней, она вытянула вперёд обе руки.

— Мне кажется? Или на самом деле — не дрожат?

На лицах помощниц впервые появились счастливые улыбки.

— Чудо свершилось, всё ушло. Вы здоровы, матушка.

В коридоре гостиницы, как гром среди ясного неба, раздались аплодисменты. Только сейчас Доня заметил, что дверь номера открыта: невольные зрители радостно приветствовали выздоровление супруги владивостокского владыки. Причём среди зрителей были не только пришедшие на приём, но и почти весь персонал гостиницы.

— Зачем хлопать, мы же не в цирке, — улыбаясь, пожурил Доня. — Приходите на представление, там и похлопаете.

Уже в конце гастролей, собрав вещи, Доня и Мечтана стали прощаться с работниками гостиницы. К артистам подошла пожилая дежурная по этажу. Взяв Теперекова за руку, она вполне серьёзно и как-то таинственно проникновенно-тихим голосом ошарашила:

— А вы знаете, батенька, что в вашу честь в нашем храме был отслужен благодарственный молебен? За то, что вы до неба достучаться смогли. А владыко-то как рад за свою матушку...

Во время гастролей в Иркутске на приём к врачу-терапевту один из музыкантов цирка привёл своего отца, священника местной церкви. Из его рук Доня с благодарностью принял драгоценный подарок — Библию.

Пройдут годы целительской практики, артист получит медицинское образование, окончит заочно Литературный институт в Москве. К нему будут обращаться за помощью люди самых разных социальных слоёв: болезнь одинаково поражает лесоруба, врача, слесаря, служителя церкви.

Парадоктор откликался на любую просьбу о помощи, если видел, что в состоянии её оказать. Но когда ощутил реальную слежку за собой, стал просчитывать каждый свой шаг, чтобы вычислить «шпионов».

МОСКОВСКИЕ ВИДЕНИЯ

...Москва бурлила слюной ораторов на площадях, заборы пестрели призывами голосовать за Ельцина. Ветер перемен трепал волосы буйных голов народившихся демократов.

Стихийный митинг на Старом Арбате. Доня просит своего друга-однокурсника:

— Миша, сейчас будут вовлекать в эту свару... Я уже чувствую... Тащи меня за шкирку отсюда.

Один из разгорячённых ораторов уже протянул руку в их сторону:

— Вот вы, молодые люди, скажите: есть в России демократия или нет? Почему процветает подзаборная пропаганда новых народных лидеров? А где гласность?

В мгновение ока друзья оказались в центре круга. Доню охватил привычный вдохновенный холодок, в голове посветлело, он как бы слегка воспарил над брусчаткой и толпой.

— Начну с Горбачёва. Он как подснежник демократии. Первый и последний. Цветок затопчут, его захлестнут мутные потоки перемен. Ельцин будет в Кремле до 1998 года.

В толпе засмеялись:

— Сейчас восемьдесят седьмой, Бориса Николаевича шпыняют по всем статьям... Может, тогда скажешь, товарищ Нострадамус, кто после него будет?

После этих слов раздался всеобщий откровенный хохот. Это ещё больше подстегнуло подсознание медиума, он вытянул руку и стал бесцельно водить ею поверх голов собравшихся:

— Придет любой из вас. Человек из толпы, абсолютно неизвестный. Я тоже не знаю, кто он.

Доня смотрел замутнённым взглядом сквозь людей, а вместо собственной головы он вдруг ощутил на плечах весь земной шар. Спокойно закончил:

— Построит пять мостов. Будет в политике до 2030 года.

Из толпы сыпались шутки:

— Спасибо за представление. И в цирк ходить не надо. Ха-ха-ха... Джуна и Ванга отдыхают.

Много воды утекло с тех пор. Спонтанные вспышки — видения скромного, безвестного провидца почти сто-процентно сбылись или продолжают реализовываться.

ЛИТИНСТИТУТ

После знаменательного митинга на Арбате была ещё весна 1991 года. Успешно сданы государственные экзамены в Литинституте. Диплом Евдоким Тепереков защищать не стал — держал слово, данное прилюдно ещё при поступлении.

...Зачисленных на первый курс собрали в актовом зале, который тогда ещё назывался красный уголок.

После обязательных дежурных речей выступил преподаватель Джимбинов, впоследствии ставший профессором. Он поздравил будущих гениев со вступлением на писательскую стезю, хотя, осторожно высказался по поводу того, что кое-кто, наверное, поступил, чтобы получить заветную корочку престижнейшего института.

Эти, в общем-то, вполне справедливые слова до глубины души задели самолюбие сибиряка. Он принял их лично на свой счёт.

— Неправда! — выкрикнул с места Доня. — Все прошли творческий конкурс, каждый уже что-то пишет. Я сам сочиняю с детства. Ни о какой корочке не может быть и речи. Я докажу это: окончу институт и не возьму диплом.

Данное обещание выполнил, даже сдал деньги на выпускной банкет, но не присутствовал.

— Как же так, — развела руками декан заочного отделения Галина Александровна. — Шесть лет учёбы, а на руках только справка о сдаче выпускных госэкзаменов. Бывало, бросали учёбу с третьего курса... например, Евтушенко. А ваш случай, Евдоким Сидорович, первый в истории нашего института.

— Но я ведь тоже вылетал с третьего курса, как великий Евгений Александрович. Помните, как дело было? — Тепереков искренне рассмеялся тому, что невольно поставил своё сермяжное имя в один ряд с величайшим поэтом.

А то дело развивалось стремительно и фантастично. Приехав на очередную заочную сессию, руководитель семинара журналистики, слушателем которого был Тепереков, объявил о его отчислении ввиду творческой несостоятельности как будущего работника печати.

— Мне нужны репортёры, аналитики, глашатаи мгновенной информации. Не следует растекаться мыслию по древу: в журналистике прежде всего — оперативность. А вы, Тепереков, вместо показа трудовых успехов людей труда лезете к ним в душу, пытаетесь разглядеть в них что-то, не присущее простому человеку, описываете чувства, переживания. Я веду семинар журналистики, а не прозы...

От дома Герцена на Тверском бульваре, 25 Доня спустился чуток вниз и свернул налево. Вот он, ГИТИС. В деканате доложил обстановку. Так и сказал:

— Выгнали с третьего курса журфака. Хочу поступить у вас на сценарный.

Присутствующие переглянулись. Один из них, с гладко прилизанными волосами, блестящими зальсинами, сделал губами горизонтальную улыбку и вымолвил:

— Звучит обнадеживающе нагло. Но попробовать можно. Для начала посмотрите какой-нибудь спектакль и напишите рецензию. Там видно будет.

В театре Вахтангова на Арбате давали спектакль «Буранный полустанок» по роману Чингиза Айтматова «И дольше века длится день». Зная назубок произведение, просмотрев спектакль, где главного героя великолепно сыграл Михаил Ульянов, написал «экзаменационное» задание.

— Мы вас берём, только, простите, на курс ниже. Сдавайте документы.

Окрылённый Тепереков стрелой мчится на Тверской бульвар.

— Галина Александровна, дайте моё свидетельство о среднем образовании, я поступил в ГИТИС.

Немая сцена — не ждали. Входит преподаватель истории КПСС Юрий Павлович Иванов. По его предмету у Дони никогда не было «хвостов». Наоборот, возникали неожиданные дискуссии. На одной лекции разбирался вопрос о нанесении войной колоссального ущерба экономике СССР. А студент на примере пословицы «Нет худа без добра» на конкретных примерах привёл факты расцвета экономик союзных республик, в частности чёрной металлургии Узбекистана и Казахстана, куда были эвакуированы заводы с европейской части страны. Будучи газетчиком, Доня много писал об этих успешных предприятиях.

Вывод студента поразил преподавателя:

— Неожиданное заключение... парадоксальное, но верное. Впервые слышу такое, сам никогда не задумывался об этом.

...Декан ввела Иванова в курс дела. Юрий Павлович, умнейший, интеллигентнейший человек, всегда сдержанный в своих эмоциях, чуть наклонился в её сторону и с жаром произнёс:

— Ну, если мы таких студентов отчислять будем!..

Галина Александровна словно ждала подобной реакции и облегчённо выдохнула:

— А что вы посоветуете, Юрий Павлович?

— Медников Анатолий Михайлович, конечно, как руководитель семинара по-своему прав. Ну, раз ему писатели не нужны, давайте свяжемся с Лобановым.

— Дело в том, что он очень придирчиво отбирает учеников, причём берёт в основном москвичей, — засомневалась декан.

Иванов обратился к «отчисляемому»:

— Вы, насколько я помню, артист Московского цирка. Ваш главк, точно известно, на Пушечной находится. Так что вы почти что москвич, тем более студент почти что двух московских институтов. Галина Александровна, звоните Лобанову.

Живое участие в судьбе обыкновенного студента до глубины души тронуло Дюню. Он, конечно же, помнил прекрасные лекции Юрия Павловича, как он на примерах из собственной жизни преподавал историю партии, объяснял некоторые нюансы поведения вождя.

Рассказал о том, как учился в одном классе со Светланой Аллилуевой. Руководство школы распорядилось, чтобы дочка Сталина оставляла верхнюю одежду не в общей раздевалке, а в учительской. Эти сведения дошли до Иосифа Виссарионовича. Расстрела виновных не последовало, но партийная «припарка» была. На следующее утро скромное пальтишко Светланы висело в общей раздевалке.

А бедного студента ждало новое испытание: Михаил Петрович Лобанов попросил представить несколько произведений прозы. Аттракцион «Беловежская пуца» находился на гастролях в Ашхабадском цирке. Весь багаж и рукописи, естественно, грелись под туркменским солнышком. К утру материал должен был быть на столе рецензента. Создалась ситуация, схожая с поступлением

в ГИТИС. Там, правда, не было чёткого ограничения во времени.

За ночь были написаны рассказы «Аннушка», по мотивам глупого, дурацкого расставания с первой семьёй, и «Глухари», о жизни двух ветеранов-стариков. Однажды удалось подслушать их диалог.

— Рыбы-то ноне совсем в реке не стало, — негодовал один глухой дед.

— Хорошо, хорошо, — вторил ему второй «глухарь».

Это запало в душу, отложилось про запас. Пригодилось.

Когда в общежитии Литинститута Доню позвали к телефону, он так разволновался, как не случалось даже при выходе на манеж.

— Лобанов, — прошептала вахтёрша, протягивая трубку.

— Здравствуйте, Михаил Петрович, Тепереков слушает.

А трубка молчала. Сердце, будто раненая птица, обломало все крылышки о грудную клетку. И вдруг неожиданно, ни к селу ни к городу:

— У вас дети есть?

— Двое, — почему-то обрадовался испытуемый, словно уже был известен результат.

— Я вас беру, приходите на занятие.

Счастливое время, позади выпускные экзамены. Весна 1991 года.

Прощаясь, Юрий Павлович попросил Доню спрогнозировать будущее страны. Уже опытного чудотворца не смущала просьба закалённого партийца, решившего не пользоваться услугами расплодившихся политэкспертов, а узнать мнение «нетрадиционного» провидца.

Доня предупредил:

— Буду рассказывать свой сон, не смейтесь, пожалуйста. Я на том свете у Сталина спрашиваю: «Иосиф

Виссарионович, что делать? В стране сплошной раздрай, СССР на грани развала». Вождь (как в кино) застегнул верхние пуговицы кителя и спокойно ответил: «Подготовьте списки виновных». А когда я как бы поднимался из преисподней, чей-то голос предупредил: «Бойтесь двух десятков».

В деканате наступила гнетущая тишина. Её нарушил Юрий Павлович:

— Это что — опять диктатура? Так, выходит?

А потом был август 1991 года. И ГКЧП. В Тулу, где после ликвидации Союзгосцирка обосновались со своими животными Теперековы-Бис, приехал человек из Москвы. Передал привет от Ю. П. Иванова и попросил расшифровать предсказание о двух десятках.

— Это элементарно, сами могли догадаться: один и девять — десятка, девять и один — вторая. Кстати, будет продолжение путча. Одна десятка — 19 августа — уже есть. Ждём вторую.

В октябре (десятый месяц) 1993 года был расстрелян Белый дом — здание Верховного Совета.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КООПЕРАТИВ «ЧИСТОТЕЛ»

В центральном парке установили небольшой манеж прямо под открытым небом. Мечтана давала миницирковые представления с оставшимися в их собственности животными: лисами, волками, кабанами, оленями. Доня вёл приём клиентов в цирковом вагончике.

Движение по лесному массиву запрещено, однако голубая «Нива» свободно подъехала прямо к манежу. Вышли трое, присоединились к стоящим полукольцом зрителям. Азартно хлопали каждой выходке зверушек.

Высокий, худой, с обрубками двух пальцев на левой руке, направился к вагончику. Осторожно постучал в дверь:

— Можно?

— Да-да, входите...

— Меня зовут Сергей Викторович, — незнакомец протянул руку для приветствия.

— Евдоким Сидорович...

— Нам всё известно о вас, по телевизору видели, когда вы ещё по стране колесили. Предлагаю работать с нами в кооперативе «Чистотел».

В вагончик без стука вальяжно вошли остальные прибывшие на «Ниве».

— У тебя будет не вагончик, а хорошо оборудованный массажный кабинет в сауне, сделаем разрешение на

частную практику. Сейчас ты нелегально ведёшь приём, а с нами всё будет пучком... Правильно говорю, Шило? — спросил культа у верзилы. Бычара молча кивнул, глядя исподлобья на Дюню.

Вечером Тана напустилась на мужа:

— Ты что, с ума сошёл? Не видел, кто это такие? У них же одна извилина на два полушария.

— Всё я увидел, Таночка. И с первой секунды встречи в уме рисовал схемы отхода. Бескровного, не мгновенного, как хотелось бы. Знаю, что не зря мягко стелют. Нужен я им совсем не как артист цирка. У них более прозаические планы, своё искусство — делать деньги. В том числе на мне. Время такое. Представь, что было бы, если б я не согласился на них работать. По телевизору вся нынешняя «истерическая» эпоха в оперативных сводках, как в зеркале, отражается: кого утопили, кого сожгли, кого в машине взорвали. Так что успокойся, Тана, — буду думать, искать пути отхода.

...Сауна «Чистотела» на окраине города. Из парной вываливается группа дымящихся тел. На их фоне меркнет мировая слава картинных галерей Третьяковки и Эрмитажа. Библейские сюжеты на груди, спине и плечах соседствуют с портретами вождей пролетариата.

— Ну где твой электросенс, Культя? — развалившись в кресле-качалке, спросил один из парней, покрутив золотую змейку-перстень на безымянном пальце.

— Сейчас подъедет, у них куча зверушек, с ними возни...

— Никакой стрёмной возни, — перебил Перстень, — пусть завязывает с клоунадой и работает у нас по полной.

Дюню попросили раздеться и проводили в помещение с бассейном, в котором остужали разгорячённые тела парни и девушки. Возле стены — длинный стол

с шикарной закуской: икра обоих цветов, рыба, сервелаты, в центре подрумяненный поросёнок на лужайке из петрушки и укропа.

— На что откликаешься? — вскинул голову Перстень.

— Откликаются собаки, когда их кличут... А у меня есть имя — Евдоким, а типа погоняла — Доня. В детстве родные так называли.

— С характером! Уважаю... Погнали в парилку для начала, потом покажешь, на что способен.

Парная обшита вагонкой, блестят камни-голыши на большой печи-каменке, в тазах тугие дубовые веники источают волнующий банный запах.

Доня берёт объёмистый деревянный ковш.

— Не возражаете?

Кулья вопросительно смотрит на Перстня, тот утвердительно кивает.

Камни зашипели, как ошпаренный клубок змей. Температура подскочила до критических пределов. Доня привычно начал охаживать себя пушистым веником.

— А у вас обычных берёзовых нет, что ли? А то дубовым — что ладошкой по одному месту. Острота прикосновения не та.

Не выдержав подобного пекла, хозяева как угорелые выскочили из парной, бросились в бассейн.

— Кулья, он что, железный или у него радиатор охлаждения под кожей?

— Он сибиряк, мать его ети... И впрямь чуть не зажарил.

Укутавшись простынями, все присутствовавшие уселись за стол. Освободили место, сдвинув в сторону тарелки и рюмки. На столе появилась колода карт.

— Ну давай, кочегар-массажист, показывай, на что способен.

— С трёх или сразу со всей колоды?

— Начни с трёхи, — советует Культя.

Доня отворачивается и просит загадать любую карту. Перемешав, берёт по одной, пронесит перед глазами присутствующих.

— Мысленно отвечайте: «она» или «не она».

Медленно водит, затем все три бросает на стол картинками вверх.

— Здесь нет той, которую загадали.

Сауна притихла, даже в бассейне перестали плескаться.

— Как нет, все три перед тобой. — Перстень хитро улыбнулся. — Чем докажешь подмену? За базар нужно отвечать.

Доня берёт всю колоду, мельком глянув на карту, показывает всем, прячет её в колоду, тщательно перетасовав, отворачивается и опять по одной пронесит перед зрителями.

— Можете даже сбивать меня с панталыку, всё время говорить «не она». Ваш мозг против вашей воли первым всплеском пошлёт мне правильный ответ.

— Ставлю стольник, что не найдёт, — заключает пари Перстень и тянется к барсетке. В центре стола вырастает горка долларовых купюр.

Когда оставалось всего несколько листов, фокусник со всего маху щёлкнул нужной картой о деревянную столешницу.

Перстень встал:

— Чистая работа... такого ещё не видал, на зоне ты был бы король. — Он наклонился и согнутой в локте рукой придвинул горку долларов к Теперекову.

Доня впал в ступор: столько «бабла» ему не могло присниться даже в самом страшном сне. Он растерянно смотрел на кучу зелёных бумажек, но не испытывал почему-то никакой радости.

— Смелее, массажист, ты честно заработал, бери — это твоё. — Кулья пододвинул деньги ещё ближе, разжигая большее искушение, активируя лукавого.

— Бери-бери, банк твой.

— Всё по чесноку, без понтов, — раздались голоса в поддержку.

Как всегда, в критические моменты выручила подсказка Анхрана. Этот энергетический двойник человека никогда не оставит в беде, если умеешь к нему прислушиваться.

— Это я заработал, — Доня аккуратно вытянул одну купюру, — остальное на зону. — И отодвинул зелёную горку на середину стола.

Перстень подошёл и похлопал по плечу:

— Молодца — поступил по понятиям, слов нет.

— А за проверку на шивость не держи зла. Лады?!

...Оборудовали отдельный массажный кабинет с душем и туалетом. И хотя на вывеске значилось: «Массажист», обращались по самым разнообразным житейским вопросам.

Вошла женщина средних лет. Испуганно с порога:

— Нас с внучкой выселяют из квартиры, сжидают со свету, вся мебель залита водой.

— Так вызовите сантехника, подключите ЖЭК.

— Были целые делегации, составляли акты, проводили техническую экспертизу здания. Никаких протечек нет, кровля исправна, соседи сверху не заливают, а вода ни с того ни с сего вдруг начинает капать с потолка. Фортипиано размокло, внучка заниматься не может. Сегодня утром уфологи были с корреспондентом «Комсомольской правды», камеры установили, ждали,

когда закапает. Не дождались, так и уехали ни с чем. Ради Бога, помогите. Одна надежда на вас, — посетительница молитвенно скрестила руки на груди.

— Где вы живёте?

— Тут рядом, на Седова, можно пешком пройти.

За дверью раздались недовольные голоса:

— Куда вы его уводите?

— Мы столько ждали, с самой ночи...

— Вы вернётесь?

Открыла девочка семи-восьми лет и, поздоровавшись, ушла в свою комнату, склонилась над столом. Над ним большим зонтиком натянут полиэтиленовый пол. Мебель и фортепиано тоже накрыты плёнкой.

Целитель осматривает помещения, заглядывает в ванную, смотрит на потолок в зале, на нём отчётливо видны влажные разводы. Доня неотрывно всматривается в причудливые линии, его воображение вдруг начинает выстраивать чёткий женский профиль. Он вспыхнул на мгновение и тут же исчез. А большего и не надо. И уфологи ни к чему, и журналисты с кинокамерами, и комиссии из ЖЭКа. Парадокс внутренне ликовал: «Спасибо, небушко, тебе».

— В чём и перед кем вы чувствуете себя виноватой?

Этот вопрос застал хозяйку врасплох. Она отгибает краешек полиэтилена, выдвигает ящичек комода, достаёт носовой платок, утирает выступившие слёзы.

— Вы правы... я, наверное, действительно виновата. Когда мы развелись с мужем, он стал жить с другой женщиной. Она потребовала отсудить законно принадлежащую ему половину нашей жилплощади.

— Вы всячески противились этому и пошли... — Доня сделал многозначительную паузу.

Хозяйка испуганно вскинула заплаканные глаза:

— Откуда вы знаете?

— Оттуда! — чудотворец ткнул пальцем в то место, где вспыхивал минуту назад загадочный профиль.

— А что мне оставалось делать? Меня зло разбирало: он живёт с другой бабой, она подзуживает его. Сам-то он не настаивал на разделе. Я обратилась к известной колдунье, она обещала избавить от соперницы.

— Можете не продолжать, — остановил Тепереков. — Колдуны на то и колдуны... Жёстко работают, беспощадно. Генералы чёрной магии, не то что некоторые скромные ефрейторы белой парапсихологии.

Доня увлёк хозяйку на кухню, прикрыл дверь.

— Вы отстояли квадратные метры, даже внучку прописали, а женщина умерла. Она в энергетическом воплощении приходит и мстит вам за вашу жадность и жестокость. Колдунам-то ничего — они с нечистью в сговоре. А вы имеете то, что имеете, — Доня кивнул на потолок. — Вам нужно в церковь, покаяться, исповедоваться, съездить на могилку к этой женщине, попросить прощения. Мне кажется, даже сейчас её фантом рядом с нами и всё слышит, но это, так сказать, из области мистики. Это к слову, мы же грамотные люди: я медик, вы — упомянули — генетику в университете преподаёте. Хотя как знать и как пазлы сложатся...

Прощаясь, хозяйка достала кошелёк:

— Сколько я вам должна?

— Мне несколько, если сами не сумели оценить... У каждого свой, внутренний преискурант, но раз он у вас не сработал... Наверное, так и надо, что ничего не надо... Не переживайте. Не в деньгах счастье...

Из комнаты девочки неожиданно раздался характерный звук разбрызгиваемой ртом воды, так обычно делают хозяйки при глажке белья.

— Бабушка! Опять! — радостно закричала девочка и выскочила из комнаты и тут же замерла на месте,

будто испугавшись неуместной радости. Все уставились на потолок: на косых мокрых полосках формировались крупные капли и падали на плёнку над столом, издавая хлюпающий неприятный звук.

— А вы говорите: кинокамеры, «Комсомольская правда»... Вот она правда — обычная, человеческая...

Психоневрологический диспансер. Мечтана протягивает исписанный листок врачу, лицо которого почти наполовину скрывают большие очки с массивной тёмной оправой.

— Вы пишете: ваш муж стал выпивать, соскакивает по ночам, бормочет несурязицу, пугает ребёнка. Кстати, сколько ему?

— Два исполнилось. После рождения Васеньки мы опять влились в цирковой конвейер, колесили по стране, в плане была Япония. Ребёнок, как говорят цирковые, родился в опилках, привычен к шуму, постоянным переездам. Но сейчас мы живём оседло, а покоя нет.

Врач отодвигает листок, прижимает ладонью.

— Понятно, вы хотите определить мужа на лечение?

— Я подала на развод... Но мне безразлична его дальнейшая судьба. Без вашей помощи он может погибнуть в какой-нибудь придорожной канаве.

Врач снял очки, пригладил густую шевелюру:

— Вы хотите оставить его без жилья, признав его недееспособным, неменяемым?

— У него ИП, заработает на квартиру.

— А как же ребёнок? К цыганской жизни привычен, с пелёнок, по вашим словам, в опилках. А мужская, отцовская ласка? Материальная поддержка?

— У меня есть знакомый... друг. Помог организовать мини-цирк в парке.

Психиатр загадочно улыбнулся:

— Сердце красавицы склонно к измене?

— И к перемене, и к перемене, — вполне серьёзно подхватила Мечтана. — Он готов на всё, чтобы продолжилась моя цирковая карьера. А муж полностью отошёл от цирка, занимается околomedicalной деятельностью, называет себя парадоктором. С бандитами связался. А я не представляю свою жизнь вне цирка.

Мечтана жила прежними воспоминаниями: шум оркестров, красочная палитра костюмов, аплодисменты, комплименты. Волшебный круг манежа обручальным кольцом навек связал блистательную артистку с цирком.

Всё в её доме напоминало кочевой образ жизни: в углах свалены кучи одежды, бельё хранится в чемоданах, в кофрах реквизит, стены увешаны афишами, напоминая о былой славе. В доме появилось огромное количество кошек, в клетках маются кролики, лисы, обезьянка. Всё как в цирковом вагончике. Для артистки это родная стихия, она никак не может смириться с переменой жизненных обстоятельств, ностальгия по ушедшей славе гложет душу, толкает на необдуманные поступки.

Её новый мужчина, тайный любовник, помог организовать в парке мини-цирк, соорудили манеж, установили вагончики, клетки с животными. Так что Мечтана Бис и дома, и на работе вновь чувствовала себя востребованной артисткой, только уже не в тех мировых масштабах. Она мечтала обрести новое счастье с новым человеком.

Возле частного дома стоит милицейская машина с погашенными фарами и маячком. Кучка соседей. Переговариваются, кивая на служебный автомобиль.

— То держиморды приезжают, то милиция... Чем колдун занимается? — Одна из кумушек поправляет платок, тянет за концы под подбородком.

— Понятно чем — народ обирает, Деньги, поди, лопатой гребёт.

— Да какое там гребёт! Им бомжи с помойки всякое дерьмо тащат. Да и сама артистка не брезгует, на любое барахло со свалки зарится. У них весь двор завален старыми крышками, коробками, дырявой обувью. То ли от жадности, то ли от болезни такая тяга у артистки к тому, что задарма валяется. По телевизору была передача про таких людей-падальщиков. Так их окрестил один из участников.

— Да-да, — подтверждает одна из женщин, — у них на этой почве каждый день пыль до потолка. Мужик выбросит хлам, а артистка опять его прёт в дом, прихватив дополнительно какую-нибудь хламиду. Вот и цапаются, как собаки.

Милиционер, морща нос от стойкого запаха барахла и животных, недоумённым взглядом окидывает жилище:

— Всю жизнь на чемоданах? По-цирковому?

Доня кивает и разводит руками...

— А вы по поводу моей деятельности? Так жалоб нет, документы в порядке.

Мечтана согнала кошек с табуретки и предложила милиционеру сесть. Он поблагодарил, но от предложения отказался.

— Вашей деятельностью заинтересовался генерал, попросил о личной встрече.

— Я говорила тебе, что добром это не кончится, доведут тебя эти бандиты!

— Что вы, что вы, успокойтесь. Нам нужна ваша мощь... Вы можете с нами проехать?

Доня усмехнулся, посмотрев на жену:

— Мне предложили однажды проехать, так до сих пор и езжу.

— Мы в курсе, думаю, генерал поможет в этом вопросе.

На улице одна из баб:

— Ну что, миллионер, уводят?

Тепереков приостановился:

— Не миллионер я...

— Да ладно, — машет рукой баба, — развелось шарлатанов, народ обираете... Бедным прикидываешься: «не миллионер»!

— Так я об этом и говорю, что не миллионер, а миллиардер!

Милиционеры смеются.

Генерал-майор УВД, стоя, держит телефонную трубку возле уха. Изредка кивает головой. Отчеканив короткое: «Есть», медленно кладёт трубку.

— Губернатор в ярости, требует докладывать каждые полчаса. Поэтому не удивляйтесь — пришлось пригласить экстрасенса-ясновидящего, так мне его представили.

Город жил подготовкой выборов главы региона, и вдруг это громкое преступление: убийство охранника режимного предприятия с похищением пистолета. На ноги поставлены все подразделения милиции.

Тепереков слегка оробел при виде генерала и пары десятков милицейских офицеров. Генерал подвёл его к большой карте на стене.

— Убита вахтёрша, тридцать восемь лет... остались дети. Завод находится в этом квадрате, — он указал место на карте и сел на своё место во главе стола. — Честно признаюсь: не представляю, чем вы нам поможете, но у нас нет другого выхода и времени на

детальную разработку оперативных мероприятий. Губернатор ждёт очередного доклада. Так что поспойся, родной.

Доня не спеша достаёт из дипломата тонкую стальную спицу, протирает ваткой, смоченной перекисью водорода, начинает медленно вводить под кожу тыльной стороны ладони. Конец спицы, вздув бугорок, показывается между безымянным и средним пальцами. Спицей, торчащей из ладони, он ведёт по карте.

Слегка остолбеневшие офицеры, перестав строить ухмылочки, заинтересованно уставились на карту. А Доня, наоборот, отвернулся от стены и продолжал скользить спицей по жилым массивам. Его глаза платно закрыты, на лице читается лёгкое напряжение.

Один из офицеров от волнения пытается достать из кармана сигареты. Генерал молча, зверской мимикой приказывает: «Не смей!».

Почувствовав толчок, рука замирает на месте.

— Смотрите, читайте, говорите, — просит экстрасенс.

Генерал почти бегом подлетает к карте.

Спица упёрлась в улицу Ушинского. Доня, не открывая глаз, продолжил:

— Голубиный помёт на листьях тополя...

Все откинулись на спинки сидений, сквасив губы, стали тихо переговариваться. В конце стола даже раздался откровенный смешок.

Начальник УВД обратился к пожилому подполковнику:

— Вахид Закирович, Ушинского в твоём районе?

— Так точно, Николай Николаевич. Но тополя и голуби не только на этой улице. Их в городе... как нерезаных собак.

— Подполковник! Пораскинь мозгами, ты же прирождённый сыскарь. Улица известна. А номер дома — голуби подскажут. Ну?

— Понял, товарищ генерал. Сразу-то не въехал. Боря-дальнобой, голубятник. Шесть ходок, оттого и погнало такое. А вы уверены, что именно голубятник?

— Зуб даю, небо не умеет ошибаться, — повеселевший Доня сделал соответствующий, всем известный жест.

— Действуй, подполковник!

— А постановление?

— Будет, позже. Ты же не с обыском приедешь, а вроде посоветоваться: мол, на пенсию собрался, решил тоже птичками заняться. Мне ли тебя учить!

...Калитку открыл коротко стриженный мужик в шортах, без рубахи, с молотком в руках. В губах зажаты мелкие гвозди.

— Мы к тебе с миром, а ты с молотком...

— Клетку ремонтирую. Проходите, Вахид Закирович.

— Ты гвозди-то вынь изо рта, проглотишь ненароком, а мне с тобой посоветоваться надо. Голубьями решил заняться. Если не возражаешь, покажи своё хозяйство, расскажи, как содержать, чем кормить, ну и так далее.

— Какие тут возражения, начальник!

— Ты что, Дальнобой, я к тебе не как начальник, я по-дружески.

По лестнице поднимаются на голубятню, пол усыпан сухой листвой, густо припорошённой помётом.

Вахид подходит к клетке, в которой сидит голубка на яйцах.

— Скоро цыплята будут?

— Какие цыплята? — испуганно отшатнулся хозяин. — А-а-а... конечно, конечно... как выведет, могу парочку подарить. Так сказать, по старой дружбе.

Милиционер осматривает клетку, ходит вокруг, краем глаза следя за реакцией хозяина. Между прутьев замечает торчащий уголок замызганной тряпки.

— Значит, говоришь, курочка с цыплятками должна отдельно сидеть.

— Вахид Закирович, какая же это курочка, это голубка. Её нежелательно беспокоить. — Дальнобой пытается слегка отстранить подполковника от клетки.

— А мы аккуратненько... Посмотрим, какая должна быть подстилка. Оказывается, и тряпочки можно использовать.

Тянет за конец, разворачивает свёрток:

— А вот и «курочка». — Милиционер привычным движением отщёлкивает обойму с полным комплектом патронов. — И «цыплята» на месте.

Дальнобой делает ужасно удивлённое лицо:

— Это не моё! Не знаю, как он сюда попал!

— И про вахтёршу ничего не знаешь?

— Я никого не убивал, никакой вахтёрши.

— А кто сказал, что она убита? В твоей голубятне, которую на ночь закрываешь на замок, вдруг оказывается похищенный пистолет, на котором, я уверен, нет твоих пальчиков: ты же опытный, в перчатках работал. Как это объяснишь?

— Как, впрочем, и это, — сотрудник в штатском извлекает в дальнем углу из-под клетки чёрную маску с прорезями для глаз, в которую завёрнут охотничий нож.

— Это незаконно! Где постановление?! — вопит прижатый к стенке голубятник.

— Какое постановление? Мы же насчёт голубей, а случайно вышли на курочку с цыплятами. Во-о, полная обойма.

Дальнобой молча протягивает руки, трагично щёлкают наручники. Задом спускается по лестнице, держась обеими руками за перекладины.

Уже на земле он кивает на висящие на заборе брюки:
— Начальник, браслеты сними, штаны-то дай надеть...

Подполковник кивает сотруднику, тот ловко отщёлкает наручники.

Голубятник делает несколько шагов к забору, резко срывается и бежит к калитке. Сотрудник кидается вслед, спотыкается о клетку и падает. Дальнобой уже на улице. Сидящий в машине милиционер выскакивает и валит беглеца на землю.

Подбегают остальные.

— Ну вот, плюс сопротивление властям, — подводит черту подполковник, захлопнув дверцу очень пожилой «копейки», на которой они приехали, дабы не спугнуть преступника.

Чёрная блузка ночи мягко и неслышно опустилась на голые плечи дня. Уползли в депо трамваи, закрывают «глаза» дома. В парках стихли аттракционы. Небо вспыхнуло яркими веснушками звёзд.

Доня и Мечтана спят под одним одеялом. Детская кроватка втиснута между баулами тряпья и ненужного хлама. На столе пустая бутылка из-под водки, остатки закуски.

Муж ворочается с боку на бок, что-то бессвязно бормочет. Вдруг резко садится в кровати и почти кричит:

— Заклёпки! Большие, как на кораблях...

Жена испуганно таращит глаза:

— Ты что, чего орёшь? Какие заклёпки? Ребёнка разбудишь!

Жена подходит к столу, берёт бутылку:

— Всю осушил... один... Хорошо, что заклёпки, а не белки явились.

Доня обессиленно валится на подушку.

— Помнишь, Тана, в Ейске на причале, я удивлялся: почему борта кораблей не в сварных швах, а в огромных заклёпках? И цистерны стояли, а на одной из них...

Доня резко соскакивает с кровати, хватая трубку домашнего телефона. Спешно роется в записной книжке.

— Ты кому собрался звонить, ночь на дворе! Людей баламутишь.

— Надо сообщить, пока из головы не вылетело... Я тебе как-то рассказывал, что ко мне обратился с просьбой милицейский пенсионер, у которого сейчас частное сыскное агентство. Они уже взяли деньги с родителей пропавшего парня, а результатов — ноль. Я обещал, если что-то «придёт», сообщу. Вспомнил: их шарашка «Шериф» называется. Просили звонить в любое время.

Товарная станция. Пути забиты составами. С маневровой горки поодиночке бегут вагоны, рабочие расставляют на рельсы тормозные башмаки. Возле путей начальник станции, отец пропавшего парня, следовательно и милиционер линейного отдела МВД железной дороги.

Начальник станции кивает на стоящий состав:

— Цистернами интересуетесь? Так вот они — целый состав, выбирайте любую. — Он на минуту умолк, а чуть позже неуверенно продолжил: — А впрочем, есть одна — в тупике. Её, в нарушение инструкции, с горки спустили. Внизу она сцепкой ударилась о гружёный вагон. Верхний люк и пломбу вырвало, рядом со сварным швом течь образовалась. Пойдемте, я покажу и расскажу.

Горбачёвский сухой закон, так уж получилось, повлиял на внимательность путейцев, и они «нечаянно» бесконтрольно спустили с горки цистерну со спиртом. И началось «спиртопреставление».

Бегут рабочие в оранжевых жилетах, подставляют под струю зелёного змия бидоны, плошки, пластиковые бутылки. Две бабы чистили стрелку, а увидев, что все бегут за манной небесной, вылили чай из термосов и тоже бросились за хмельной добычей. Посторонний мужик вёл велосипед по обочине, отбросил его в сторону, подбежал к струе. Матерясь на чём свет стоит, кое-как стащил сапоги, наполнил их доверху спиртом.

— Почему охрану не выставили? — поинтересовался следователь.

— Выставляли, — вздохнул железнодорожник. — Они сами потом от цистерны на карачках отползали. А когда спирт опустился ниже щели, стали сверху черпать, призывая верёвки.

Милиционер лезет наверх.

Следователь предупреждает:

— Не вздумай спичкой светить — рванёт, костей не соберём.

— У меня фонарик с собой.

Зажав нос, наклоняется над люком. Молча спускается на землю.

— Нужно вызывать бригаду и труповозку.

Когда тело юноши извлекли, отец опознал сына. О происшествии написали в местной газете. А молодая сотрудница даже пришла брать интервью.

— Меня зовут Мария, — представилась она. — Расскажите, как вам удаётся раскрывать преступления?

— Я не МВД, чтобы раскрывать — с этим, пожалуйста, к ним.

— Хорошо, — согласилась журналистка. — Трупы, оружие... оставим это. Вы называете себя парадоктором.

Можете привести интересный случай из вашей целительской практики?

— Я, собственно, не горю желанием рекламировать себя, быть свадебным ефрейтором всяких ток-шоу. Я не осуждаю тех, кто зарабатывает на этом, позволяя прилюдно якобы жениться-разводиться, создавать вокруг себя на просторах интернета липовые пиар-трагедии, не задумываясь о последствиях...

— Какие последствия? Люди деньги делают, вы же сами признали это, — перебила девушка.

— Во-первых, «генералы» с одной лычкой деформируют собственную энергетическую защиту, ауру. Во-вторых, пользуясь доверчивостью зрителей, читателей, они становятся ворами на доверии. В советском Уголовном кодексе за это даже специальная статья была. А сейчас впаривают в мозги всё, что угодно, и всё, что приносит доход.

— А вам разве не хочется популярности, славы?

— Машенька! Будучи артистом цирка, свою минуту славы я испытал с лихвой. Были цветы, аплодисменты.

— И влюблённые глаза поклонниц, — игриво сверкнула глазами журналистка.

— Не без этого, не скрою — цирковая «ля вита» такова. А что касается интересного случая, так вся наша жизнь — сплошные интересные случаи. О них все мы будем давать главное интервью на вселенской орбите человеческих душ, когда избавимся от земного бытия. Из уважения к тебе, Мария, я как бывший газетчик постараюсь подробней изложить кусочек своей жизни. Включай диктофон.

...Купе пассажирского поезда. Дрессировщики обсуждают текущие дела своего аттракциона.

— Простите, из вашего разговора я поняла, что вы артисты цирка, — заинтересовалась сидящая напротив пассажирка.

— Да, — подтвердила Мечтана. — Едем из Кемерово в Иркутск, затем Дальний Восток.

— С грудным ребёнком, с кучей животных — по всему свету, — качает головой пассажирка. — Как справляетесь?

— Не только мы, — смеётся Мечтана, — все цирковые так. Перед выходом в манеж покормишь грудью малыша, передаёшь любой свободной мамаше — и вперёд. Вот такой у нас особый закулисный декретный отпуск.

— А к нам в Усурийск приедете?

— Обязательно, все цирки Приморья охватим.

Голос из радиоприёмника прерывает разговор:

— Убедительно просим пассажиров-врачей пройти в четвёртый вагон для оказания помощи больной девушке.

Доню словно окатило неожиданно нахлынувшей энергетической волной. Он прекрасно понимал, что на призыв откликнутся медики-специалисты, но неодолимая сила заставила его подняться и повела к нужному вагону.

Возле купе несколько человек, у всех озабоченные лица. Из него выходит очередной спасатель.

Он беспомощно разводит руками:

— Нужна срочная операция, трахеостомия. До ближайшей станции вряд ли дотянет, распухшие железы перекроют трахею. Положение критическое.

Доня берётся за ручку двери.

— Вы врач? — интересуется одна из присутствующих.

— Хуже...

— Что значит «хуже»? Мы, медики, бессильны в данной ситуации, а вы даже представиться не соизволили.

Доня уже вошёл в купе, но ответил:

— В своё время абсолютно безграмотный мужик из Покровского села помог царю...

Девушка лежала на нижней полке, волосы беспорядочно разбросаны по всей подушке. От лица даже на расстоянии чувствовался жар. На лбу выступила испарина. Грудь больной тяжело и часто вздымалась, в глазах застыл смертельный ужас.

Тепереков садится рядом, возле самого горла начинает выписывать пальцами энергетические завихрения восьмёрки. Над лицом делает круговые движения, как бы собирая что-то невидимое в кучку. После каждого пасса сбрасывает за дверь этот невидимый негатив. Спутница девушки заинтересованно следит за действиями целителя.

— В Бога ты, конечно же, не веришь, — ласково обращается к больной. — Потому что никогда его не видела. И никто его не видел, в том числе и я. А ему, прости за грубость, насрать — верим мы или не верим. Он всегда с нами, как кислород, с верующими и неверующими, партийными и беспартийными, молодыми и старыми, в том числе и с такими красавицами, как ты, моя милая. Придёшь к нему на небеса, а он спросит: какого хрена припёрлась, ты на земле ещё ничего натворить не успела... Что ты сделала хорошего?

Больная, как показалось Доне, даже возмутилась и прохрипела:

— Я в детском садике детей учу.

— Вот и учи дальше, а то помирать собралась — ишь, губу раскатала. А ну-ка, выдыхай горячий, очень раскалённый воздух. И мысленно представь, что изо рта вылетают языки пламени, клубы чёрного дыма, а вместе с ними ошмётки исчезающих гланд.

Доня просит спутницу вынуть стержень из шариковой ручки и осторожно вводит пластиковую трубочку в горло больной.

Протяжно командует:

— Вд-о-о-х... Вы-ы-ы-дох... Горячим, обжигающим, лохматым. Шарик в горле сморщиваются, как испорченные сливы, растворяются, лимфа уносит всё в канализацию нашего организма. Дышать становится легче, можно и без трубочки.

Доня медленно, начиная со лба, проводит по лицу девушки, встряхивает со щелчком кисти.

— Ну вот, мы уже и дышим самостоятельно. А то пришёл какой-то мужик, раскомандовался, матом крыл.

— Это невероятно! Вы спасли от смерти мою подругу. Она дышит, слава тебе Господи. Какой же вы мужик? Вы — чудотворец.

Пассажирка засуетилась, стала поправлять простыню на больной, промокнула салфеткой испарину на лбу и, наклонившись к самому уху, зашептала:

— Я чуть с ума не сошла, когда ты хрипеть стала, и вдруг сам Бог послал этого человека. Ты спасена, подруга моя, как я рада!

В коридоре раздались недовольные голоса. Особо выделялся женский:

— Мы, врачи, ничего не смогли сделать, а тут явился некто, представился Григорием Распутиным...

Створки купе раздвигаются, Тепереков подхватывает:

— Плюс артистом-дрессировщиком, потомственным знахарем, студентом Литинститута и, наконец, просто пассажиром прекрасного поезда «Москва — Владивосток».

Прибывший милиционер смотрит на больную. Её глаза прикрыты, грудь медленно колыхается от ритмичного дыхания.

— Что с ней?

— Она спит, измучилась, бедная, — шёпотом пояснила подруга и высунулась из купе. — Успокойтесь, всё нормально... Спасибо, что откликнулись...

В Красноярске через громкую связь вокзала объявили:
— Молодого человека, оказавшего помощь умирающей девушке, просим подойти к четвёртому вагону.

Мечтана смеётся:

— Слышал, тебя в розыск объявили...

— Наверное, отблагодарить хотят, — поддержала попутчица.

...У журналистки забарахлил диктофон, она его выключила и стремительно извлекла из сумочки блокнот.

— Продолжайте, продолжайте, пожалуйста, это безумно интересно. Что было дальше? Вы вышли на перрон?

— Зачем? — разочаровал газетчицу рассказчик. — Главное произошло, всё остальное — мишура. Поезд медленно тронулся. Две девушки на перроне внимательно вглядывались в проплывающие окна. Поравнявшись с ними, я, не выдержав, прильнул к стеклу и помахал на прощанье.

— И всё?

— С этим эпизодом — да. Вернее, почти всё, потому что в Уссурийске после представления в цирке у служебного входа нас ждала... Машенька, ни в жизнь не догадается, кто.

Журналистка радостно встрепенулась:

— Спасённая девушка с поезда?

— А вот и нет, не угадала. Наша попутчица из купе. Она попросила записать на приём сестру, слепшую после развода с мужем.

...Утром они были в номере гостиницы. Два дня пришлось работать над слепой, она прозрела, но это всего лишь цветочки, ягодки были впереди.

Весь Уссурийск буквально стоял на ушах. Перед гостиницей с утра выстраивалась длинная очередь. Мы

с Мечтаной шли на репетицию, и все терпеливо ждали моего возвращения.

Привели на приём тренера Сергея Шевченко. Так я узнал, что Уссурийск — настоящая столица автоспорта. Уезжали с ним в лесную избушку, ребята по моей просьбе собирали необходимые целебные травы, делали настойки, распаривали коренья — словом, с Божьей помощью подняли парня на ноги. Спортсмены позже помогли мне перегнать подаренную «Тойоту» в Хабаровск, следуя за нашей программой.

Так вот, перед самым отъездом из города ко мне вновь пришла та самая женщина-попутчица.

Стала умолять:

— Христом Бога прошу, задержитесь, не уезжайте. Поработайте с моей сестрой, она сходит с ума от головных болей, боится переходить дорогу: ей кажется, что все машины едут на неё. От нахлынувшего потока информации ей жить не хочется.

— А что я смогу сделать? Чего она хочет?

Женщина, не выдержав, расплакалась:

— Она просит, чтобы вы её... ослепили. Вернули назад, в прежнее спокойное состояние, в её незрячий особый мирок...

Увы, Маша, сделать это я не смог, если бы даже захотел.

...Журналистка оторвалась от записей:

— Это невероятно — прозреть, а потом умолять ослепить. Вот это сюжет! Вам, Евдоким Сидорович, нужно книгу писать.

— Царапаю потихоньку. Когда были на гастролях в Красноярском цирке, даже показывал свои шедевры-ские записки Виктору Петровичу Астафьеву. У него как раз ремонт шёл, прорубали стену в соседнюю квартиру,

для увеличения площади обширной библиотеки известного писателя. Он тут же прочитал парочку моих рассказов и вынес вердикт, протянув руку в угол кабинета, где штабелями лежали рукописи молодых борзописцев: «В эту «поленницу» ты не попадаешь, крепенькие рассказы. Пришли мне с десятков, попробую пристроить в «Октябрь». Я у них в редколлегии».

— И вас напечатали в толстом журнале? — встрепенулась журналистка.

— Какой там, ума-то нет, как говаривал Миша Евдокимов. Советское воспитание, гордыня: мол, я сам, своими силами, без протезы именитого земляка. Потом «истерические» смены эпох, не до этого было. А в память об этой знаменательной встрече назвали родившихся у нас в Красноярском цирке козлят: мальчика — Енькой, в честь батюшки Енисея, а девочку — Маной. Это приток Енисея, на берегу которого расположилась Овсянка — малая родина писателя. Храню книжки с автографами Астафьева и его супруги — писательницы Карякиной Марии Семёновны.

— Да, кстати, чуть не забыл, — встрепенулся он. — Дарю тебе, Маша, вкусную газетную изюминку. Когда я шёл к ним по территории академгородка, меня мучили угрызения совести, что заявлюсь с пустыми руками. Если честно, в тот момент у меня и денег не было на подарки. И вдруг на снегу замечаю: полтинник, рубль... ещё монетка, ещё... и так до самого крыльца магазина. Хватило на килограмм апельсинов. Рассказал хозяйкам. Мария Семёновна сделала лестный вывод, которого я, конечно же, не заслуживал: мол, монетную дорожку выстлало само небо, потому что якобы я добрый и не жадный.

— Не ожидала, что встречу такого всестороннего человека, — призналась Маша. — Но всё-таки, возвращаясь

к нашей главной теме, зачем вы прокалываете руку стальной спицей? Это же больно, я даже представить себе не могу.

— Для того чтобы обладать, нужно сострадать. Боль и вызывает это всеильное чувство, подключает резервные энергетические силы организма. Это кратковременное явление озарения, оно не приходит по расписанию.

— А как же армия ясновидящих, которые занимаются этим самым состраданием годами, с утра до вечера?

— Это и есть приверженцы определённой части населения, действующей по принципу: «Хочешь жить — умей вертеться». «Имея ум — имеешь всех». Это и есть мутной воды шарлатаны, из-за которых костерят на всех перекрёстках истинных обладателей небесного дара.

— А вы себя, несомненно, ко вторым причисляете?

— Не мне судить, время покажет...

ХОДКА ВТОРАЯ

Богато обставленная квартира нового русского.

Мужчина лежит на диване, умоляюще просит Дюню:

— Третий день не могу разогнуться, спину ломит, криком кричу. Сделай что-нибудь — не обижу.

Сопровождающий массажиста детина остался в прихожей, сделав вид, что хочет в туалет. Оставшись один, быстро достаёт из кармана брусок пластилина, делает двухсторонний слепок с ключей от входной двери хозяйина. Входит в туалет, дёргает ручку сливного бачка.

Проходит в комнату, замечает дорогие картины на стенах, на полу толстенные ковры, возле самого дивана шкура медведя, на стеклянном столике массивные наручные часы, кольца с камушками, золотой браслет. По всему видно, что здесь живёт далеко не зажиточный нищий, каковым является основная масса российского населения.

Особое внимание привлёк небольшой сейф, встроенный в стену. Когда Шило снимал слепки, отметил про себя, что самый большой ключ либо от гаража, либо от сейфа. Он загадочно улыбнулся, словно заранее предвкушая удачу.

Тепереков закончил массаж, перетянул поясицу больного скаткой из простыни, посоветовал двигаться, не делая резких движений.

Молодой мужчина встал, сделал несколько вращательных движений головой, поводит плечами...

— А ведь отпустило... Спасибо.

Жмёт руки массажисту и его помощнику, протягивает деньги. Берёт Шило.

Выходной день, базарная сутолока. Доня с авоськой ходит между рядами, приценивается, щупает фрукты и овощи.

В ответ слышит:

— Не надо, дарагой, памидор-мамидор массаж делать. Свой кызымка будишь нажимать...

Доня рассмеялся:

— Угадал, дарагой, в самую точку попал — я и есть массажист, мне положено всё пощупать.

— Ай, маладес, харашо ответить...

Недалеко от прилавка шумит точильный станок. Немолодой узбек старательно обтачивает металлическую заготовку. На картонке фломастером нацарапано: «Готовлу ключ, точу нож, другая шарабара».

Узбек передаёт женщине новенький ключ, отсчитывает сдачу.

Подходит Шило:

— Со слепков выточил? Всю связку потерял.

Протягивает пластилиновый брусок. Мастер примеряет заготовки, что-то помечает на огрызке бумаги.

— Сделяем... толка мал-мал не срошна...

— Как скажешь, начальник, — смеётся заказчик.

— Я не нашальник, я напыльник, — тоже смеясь, узбек размахивает инструментом.

Доня, старательно не выдавая себя, слышал весь разговор. На какое-то мгновение в ушах отчётливо раздался звук сливаемой воды, характерный практически для

любого туалета. С какой целью эта подсказка, астральный знак, чудотворец уже догадался. Он прекрасно помнил номер богатой квартиры, хозяин которой после лечебного массажа уверенно заявил, что теперь может спокойно ехать к морю, отдыхать.

«Нужно предупредить, — решил Тепереков. — Иначе и я влипну в историю».

В то время домофонов в подъездах советских домов ещё не было. Знакомая обитая железом дверь. Рука тянется к звонку и замирает: «А что я скажу хозяину? Тебя хотят ограбить? Имей в виду?».

Доня ещё некоторое время мнётся, затем решительно жмёт на кнопку. Никто не подходит. Повторная попытка. Машинально берётся за ручку, дверь слегка приоткрывается. Предчувствуя неладное, Доня осторожно входит, заглядывает в зал. В углу замечает распахнутую дверцу сейфа. Из-за двери высовывается девушка-диспетчер из сауны «Чистотела». Их взгляды встретились.

Понимая бессмысленность своего вопроса, Доня всё-таки спросил:

— Ты что здесь делаешь?

— А ты что? — улыбнулась красавица и прыснула из баллончика.

Массажист сгибается в три погибели. По лестнице бегут Шило и ещё один парень. Детина бьёт ребром ладони по шее Теперекова, тот падает.

— Ирка, открой окно на площадке. Ключи от квартиры положи ему в карман.

Глазки соседних квартир заранее залеплены скотчем. Целителя тащат к окну, сбрасывают с третьего этажа. Воры спокойно выходят из подъезда, садятся в «Тойоту».

— Ключи зажигания...

Шило сам выскакивает из машины, обходит дом, извлекает ключи из кармана истекающего кровью

массажиста. Открывается окно на первом этаже, высывается бабуля.

— Позвоните в «Скорую», тут парень сорвался с этажа, — обращается к ней Шило, — наверное, насмерть разбился.

Бандиты уезжают, оставив целителя на клумбе, в огромной луже крови.

— Вообще-то, нас дом не интересует, он пойдёт под снос. Нам важен участок, земля. Кто кроме вас здесь ещё прописан? — риэлтор вопросительно уставился на Мечтану.

— Я, сынишка и муж... царствие ему небесное. — Мечтана изображает трагическое лицо, прикрывает рукой глаза.

— Простите, мы вам соболезнуем... но, обеспечивая чистоту сделки, обязаны знать всё, что касается продажи.

Риэлтор просматривает документы, листает домовую книгу. Выходят на улицу.

— А животных куда денете?

— В зооуголок определим.

— Хорошо. Когда документы будут готовы, мы вам позвоним.

Когда сотрудник компании ушёл, мать Мечтаны осторожно упрекнула дочь:

— Зачем ты его раньше времени похоронила? Он же в реанимации, ещё живой.

— Мама, я разговаривала с нейрохирургом, он перечислил травмы всего лишь головы, и то все они несовместимы с жизнью. Не говоря о переломах рук, ног, рёбер. Ушиб и отёк мозга, перелом основания черепа, проломлен висок, порвана барабанная перепонка, и ещё куча

всего, я и не запомнила. Заведующий отделением мне даже обещал выдать справку, если понадобится приобрести спиртное на поминки. Сама знаешь, мама, водку сейчас свободно не купишь...

Мать качает головой, тяжело вздыхает:

— А ты знаешь, что у твоего инженера-ухажёра из парка семья рушится, его молодая жена только что родила.

— Ну и что! У меня тоже Васятка маленький... И потом, я не собираюсь за него замуж, он сам предложил помощь.

Мечтана гремит посудой, открывает холодильник, достаёт бутылочку с детским питанием, ставит в большую чашку с горячей водой.

— Врач ясно дал понять: даже если Евдоким останется жить, он будет просто овощем. Кормить, поить с ложечки. Утка, памперсы. Ты понимаешь, мама, у него частичная атрофия серого вещества головного мозга, гидроцефалия, по-простому — водянка. Он будет в полном неадеквате, может в таком состоянии что-нибудь натворить, а рядом ребёнок. Даже если выпишут, его придётся оформлять в специализированное учреждение.

— Хочешь сказать — в психушку?

— А что, мамочка, ты, что ли, с ним нянчиться будешь?

— Ладно, ладно, дочка, поступай как знаешь. Только смерти ему больше не желай. Может, оно и к лучшему, что ты в психдиспансер обратилась.

До этого события вначале был морг. За столом санитар в старом, рваном халате и сторож. Санитар полный, лысый, средних лет. Сторож пожилой, сухонький, с жидкой бородёнкой. Непрестанно курит.

Пьют водку, закусывают чипсами.

— Так, Михалыч, мне ещё свежего жмурика подготовить надо, завтра резать. Ты себе плесни, а я попозже.

— Не-е... так не пойдёт, — не соглашается сторож. — Ты, значит, на работе. А я что, прохлаждаюсь, по-твоему? Мне целую ночь на посту стоять.

— Или лежать, — смеётся санитар.

— Упаси Боже... лежат эти... — дед указывает нетвёрдой рукой в сторону покойницкой.

Тянется до пустой пачки сигарет, выворачивает, злобно рвёт на мелкие кусочки.

— У нас что, курить нет!? Ты бы сходил, Дима, тут рядом, на остановке ларёк.

Санитар направляется к двери.

Дед останавливает его:

— Ты бы снял халат, перепугаешь всех на остановке.

Санитар послушно снимает замызганный халат, хлопает дверью. Дед наливает полстакана, медленно выпивает. Роемся в урне, находит крохотный бычок, пытается прикурить. Спичкой задевает за окурок, тот крошится, огнём слегка опаливает усы. Пошатываясь и бормоча: «Курить, курить», подходит к трупам, стаскивает простыню, пытается нащупать руку...

А Евдоким Тепереков, второй раз за свою жизнь, совершает путешествие по загробному миру. Адские боли исчезли, как только в ушах раздался свист. Сознательное «я» стало формироваться в некий энергетический сгусток с полным набором памяти, скрижалями о прошлом, начиная с первых минут земного воплощения.

...Мальчик в начальных классах школы в родном таёжном посёлке. Обычно снимал крестик и прятал

в карман до окончания занятий. Однажды, не сделав этого, стал переодеваться в спортивную форму для урока физкультуры.

Все с ужасом заметили крестик на груди.

— Смотрите, у нас поп объявился.

— Кержак, боженькин сыночек...

— Ха-ха! Покажи, как правильно молиться...

Подошла Рита Чекмарёва, самая красивая девочка в классе. Естественно, как и все мальчишки, Дonya тоже был в неё влюблён.

— Эх ты... бессовестный обманщик. Под октябрятской звёздочкой поповскую железку носишь. Исключить тебя надо. И в пионеры уже не примут. — Рита презрительным взглядом окинула «провинившегося». — Опозорил весь наш класс. Мне стыдно даже стоять рядом с тобой.

Девочка гордо вскинула голову и отошла в сторону. Дonya как ошпаренный выскакивает на улицу.

По дороге, взметая клубы пыли, лихо летит «ЗИС-5» Коли Меркушана. Зелёная краска на бортах и капоте давно утратила былой блеск на фронтовых ухабах и колдобинах. Зато сам водила сияет от осознания важности своей профессии, небрежно держит одной рукой баранку, а другой ухватился за рычаг коробки передач, чтобы не выскакивала.

Прямо перед капотом неожиданно возникла фигура мальчика. Коля резко дал по тормозам. Пулей выскочив из кабины, кинулся к пострадавшему. Подхватил мальчика под мышки, а убедившись, что он цел и невредим, выпустил из своих объятий.

Тот вновь кинулся под колесо и заорал что есть мочи:

— Дядь Коля, езжай! Скажешь, что я сам, тебе ничего не будет... Они меня дразнили... обзывали... Наесть на меня, раздави, я жить не хочу!

Пока малыш бился в истерике, дрыгал ногами, собралась толпа. Раздвигая школьников, в первый ряд пробилась

учительница Эльза Павловна, жена начальника зоны. Солдаты и заключённые её прозвали Рельсой Шпаловной — за её высокий рост и за патриотическую речь на митинге по случаю встречи первого поезда на новой ветке, построенной зэками. Зимой она щеголяла в красивых фетровых валенках очень тонкой выделки. Именно о таких мечтала Басиня взамен грубых солдатских пимов.

Доню сбрызнули водой, похлопали по щекам. Учительница сказала, что отпускает его домой.

— Марш в кабину, — командует шофёр и помогает взобраться на сиденье. — Ох и напугал ты меня, паря, прям как в кино. — Он шутливо потрепал мокрые волосы Дони. — Там, понимаешь, тоже ситуёвина: баба одна, Анька Каренина, мужику своему рога наставила, а после, типа тебя, — бац! — и под паровоз. А он — это тебе не мой «Захар», у которого тормоза — смерть! А иначе и тебе бы каюк, как Аньке.

Коля с гордостью похлопал ладонями по растрескавшейся баранке. Смачно цокнул языком, затем философски продолжил;

— Жаль бабу... хоть и рога мужику смастырила, а всё равно жаль, хоть убей. И машиниста жалко... Думаю, посадили? Как пить дать, посадили.

Коля ловко извлекает из кармана рубахи захвачанную пачку «Севера». Встряхнув, закусил высунувшуюся папиросину. Протянул пачку пассажиру. Тот решительно покачал головой.

— Неужто не начал? — изумился Меркушан. — В твои годы мы, бывало, не то что курили, а уж девок щупали. Вот так-то, Евдокимка. А ты — под колёса.

Мальчик молча уставился в пол дребезжащей кабины. Это не ускользнуло от цепких глаз водителя:

— Чего лоб гармошкой: бабу задавленную жалко или не оклемаешься всё никак?

— Да нет, дядь Коль, я всё думаю: зачем они дяденькам рога ставят? Где они их берут?

Коля так сильно расхохотался, что уронил голову на руль, и машина стала выделять немыслимые кренделя на дороге. Редкие прохожие-односельчане сторонились, бурча под нос: «Никак опять хватил лишка, да ещё и с ребёнком...».

Перестав смеяться, шофёр стал просвещать любопытного пассажира:

— Эх ты, тень-потетень, выше города плетень: рога наставить — это, как бы тебе пояснить, чтоб матершинно не вышло... В общем, когда баба с другим шуры-муры закрутит, а перед своим хвостом виляет, как будто всё шито-крыто, для друзей и то закрыто, вот это и есть то самое. Короче, курва со слабым передком, понял? А по-матерному ещё шибче звучит. А чтоб не выражаться — рога придумали.

Коля замолчал, а потом приятным, хрипловатым голосом запел:

Полюбил я девушку по имени Жоржет.
И купил на юбку девке креп-жожжет.
Вот и сшита юбка, кончен матерьял,
А другой мазурик эту юбку смял.
Ах, зачем дарил я девке креп-жожжет?
Лучше бы купил я пацанам конфет,
Лучше бы растратил деньги на кино,
Лучше бы с друзьями выпил я вино.
Ах, зачем, зачем я полюбил Жоржет?
Нет любви на свете, как и счастья нет.

Машина остановилась на берегу Тебы. Доня вышел, помахал отъезжающему «зиску». Был рад, что удалось прокатиться на автомобиле.

Достаёт из кармана злополучный крестик и, размахнувшись, далеко забрасывает его в реку. Понуро плетётся к магазину с высоким деревянным крыльцом. Для Дони и его дружка Витьки это персональная сберегательная касса. Оброненные монетки, словно в щель копилки, падают под крыльцо, а под ним сидят и терпеливо ждут удачу «ревизоры».

В этот раз Доне пришлось лезть под крыльцо одному. Сквозь щели пробивается рваный дневной свет. Но его не хватает, чтобы разглядеть монетки. Мальчик просеивает сквозь пальцы рыхлую землю. Находит денежку, на ощупь пытается определить её достоинство, напряжённо вглядывается в монетку.

Вдруг в дыру подкопа протягивается длинная, костлявая рука. Хватает мальчика и тянет на себя. Жуткий сиплый голос просит:

— Дай закурить.

— Да не курю я!!! — дико орёт покойник в морге.

Пьяный сторож в ужасе отпускает руку мертвеца, хмель из головы начинает стремительно улечиваться.

Воскресший опускает ноги с бетонного ложа, шатаясь, выходит на улицу, голым привидением бредёт по аллее больницы. Навстречу идёт санитар с сигаретами и ещё одной бутылкой водки. Остолбенеv, замирает на месте.

Увидев из окна картину маслом «Побег из морга», на помощь уже спешат врачи и медсёстры из отделения нейротравмы. Из-за огромной гематомы на лице «покойник» не может ничего сказать, поэтому жестом неискаленной руки пытается показать желание позвонить.

Его мозг сознавал, что произошло что-то непоправимо трагическое. Когда сторож дёрнул за сломанную руку, душа Евдокима опять со свистом стала воплощаться в тело, растворяясь атомами и молекулами во всех органах.

Санитар, войдя в морг, застаёт деда лежащим на месте покойника.

— Не жестковато, Михалыч? Помирать, что ли, собрался? Там ни закурить, ни выпить не дадут...

Сторож подходит к столу, дрожащей рукой берёт стакан:

— Наливай скорей, пока ещё крыша на месте...

...Генерал осторожно касается груди больного:

— Не торопись, вспоминай постепенно: кто слепки делал, ключи готовил, кто твои подельники?

Доня пытается шевельнуть головой. Превозмогая шум в ушах и адскую боль, невнятно шепчет:

— Я не грабил... Ирка... сауна, — и тут же теряет сознание.

Генерал выходит из палаты.

— Охрану не снимать, посторонних не пускать, — отдаёт команду милиционерам. — В «Чистотел» отправить наряд.

В банно-прачечном комбинате пожилая женщина моет полы.

— Стойте у порога, сейчас тряпку брошу, чтоб не наследить. Чего так рано? Закрыто ещё.

— Хорошо, хорошо, — соглашается оперативник. — Скажите, а Ирина на месте?

— Да вот она, по телефону разговаривает.

Диспетчер кладёт трубку:

— Вы по поводу погибшего массажиста? Так директора ещё нет.

— Он нам не нужен, а вам придётся проехать с нами, уточнить кое-что. Не переживайте, мы вас назад доставим.

Увидев в окно отъезжающую милицейскую машину, Культия отщёлкивает замок кабинета:

— Как думаешь, не расколется?

Шило пожал плечами:

— А чего ей бояться? Колдун в морге, улика у него в кармане, всё чисто. Его вспугнули, хотел уйти через окно, сорвался.

— А почему именно Ирку? Я хозяин, работодатель.

Телефонный звонок прерывает рассуждения. Культия снимает трубку, мгновенно меняется в лице.

— Колдун... из морга слинял.

— Типа живой, что ли?

— Ясно, что не мёртвый, чего непонятного...

В кабинете следователя Ира плачет, пытается салфеткой стереть краску с век.

— Ну вот, милая, теперь ты знаешь всё: за что и сколько тебе светит. Если будешь сотрудничать с нами, напишешь чистосердечное признание, назовёшь всех — скотят срок, смягчат режим.

Следователь пододвигает ручку и листок ближе к девушке.

— Они же меня убьют!

— Не бойся, мы их надолго закроем. Культия и Шило давно у нас в разработке, не хватало конкретного факта. Теперь он есть: ограбление, покушение на убийство. На солидную статью тянет. А с тобой суд разберётся, учтут болезнь матери, нехватку денег на лечение — в общем, адвокат всё разъяснит.

Журналистка Мария прижалась к плечу дедушки над самым его ухом:

— Хотя ты и глуховат слегка, но всё равно самый мудрый на свете. Ты всегда хотел, чтобы я согласилась носить фамилию мужа. А я упиралась как баран, не хотела со своей расставаться.

— Тогда уж не как баран, а как баранесса, так правильнее будет..

Оба смеются над дедовым изобретением.

— Но я решилась на двойную фамилию только после интервью с медиумом. Это он на прощание, прямо возле порога, сказал как бы невзначай: »А чёрточку-то поставь». Какую чёрточку? Где? Долго ломала голову. Мы в интервью даже близко не касались наших отношений с мужем. И вдруг во сне, как озарение, высветился белевский дефис — чёрточка между нашими фамилиями. Так что теперь я, деда, Лайтман-Юнгефельд.

— Слава Богу, твой Юстас успокоится. Сколько мы тебе твердили, не слушалась, только какой-то колдун убедил.

— Никакой он не колдун. Он медик и философ, книгу пишет. Умеет расшифровывать только ему приходящие знаки и делать выводы.

Внучка целует дедушку, берёт пульт, включает телевизор.

Идёт реклама, затем ведущая объявляет:

— А сейчас криминальная хроника. Весть о необычном оборотне, на этот раз без погон, двуличном субъекте, выдававшем себя за целителя-массажиста, потрясла жителей нашего города. Оказывая помощь больным, проникая беспрепятственно в квартиры, попутно грабил их. При этом прикрывался сотрудничеством с Министерством внутренних дел. Это подтвердил работодатель, директор кооператива «Чистотел» Сергей Викторович Сметанов. Он сам явился к нам в студию и всё рассказал. Как и мы, он тоже потрясён ужасной вестью.

Не дослушав, Маша нажала кнопку и швырнула пульт на диван:

— Этого не может быть! Евдоким Сидорович — и вдруг грабитель...

Старший лейтенант, пресс-секретарь УВД, вытянулась перед генералом:

— Не знаю, откуда утечка информации, но я никому никаких сведений по делу массажиста не передавала.

Генерал в бешенстве:

— Расследование только началось, опрошены свидетели. Узбек опознал заказчика ключей. Массажист не сам выпрыгнул из окна, его толкнули. Откуда у журналист совершенно противоположные сведения?

— Николай Николаевич, ни с газетчиками, ни с телевидением я не общалась. Не первый день работаю в органах. Это какая-то провокация. Может, хотели отомстить ясновидцу за то, что сотрудничал с нами?

— Ладно, ладно, успокойся. Я же спрашиваю, поэтому нужно отвечать, и всё. А не слёзы лить... Платочек есть?

— В сумочке... в кабинете.

— Ну так идите, сотрите камуфляж с лица. Глаза поплыли.

ВСТРЕЧА

В Московском мединституте проходит обследование необычный пациент. Взглядом остановил настенные часы в фойе, примагничивает к ладоням листы бумаги и фотографии, не говоря уже о металлических предметах.

Одна из сотрудниц попросила «прозондировать» её квартиру:

— Что-то сердце не на месте. Может, соседи топят или утюг не выключила?

Ясновидец помолчал и выдал:

— Вы правы — у вас немного мокро...

— Что? Всё-таки протечка, затопили?!

— Успокойтесь... девочка на диване... утирает слёзы. Под коленкой — пуфик.

— Дочка? Не может быть, она в школе, — женщина срывается с места, бежит звонить.

Через пару минут докладывает:

— Слава Богу, ничего страшного: слегка ушибла коленку, отпустили с урока.

К целителю тут же выстраивается очередь из женской половины института.

Врач-невролог машет руками:

— Всё-всё, приём окончен. Нужно продолжить обследование для выдачи заключения в суд по бракоразводному процессу.

Теперекова заводят в кабинку, надевают на голову шапочку из проводов и датчиков. Моргают разноцветные лампочки, звучат сигналы различной тональности. Дважды подходит медсестра, поправляет на голове электронное нагромождение. Процедура повторяется.

— Что случилось? Почему так долго? — не выдерживает пациент.

— Врачи в замешательстве, — пожимает плечами сотрудница. — Ваш мозг выдаёт такое... все нормы зашкаливают. Послали за профессором.

По лестнице спустился высокий, худощавый, абсолютно седой, очень преклонных лет старичок в старинном пенсне. Ему протянули ленту электроэнцефалограммы.

— Налицо явное нарушение срединных структур мозга, гидроцефалия, есть опасность образования виллизиева круга, на пределе сосуда среднего калибра.

Учёный обращается к пациенту:

— Вы правша или левша?

— Не знаю, никогда не задумывался об этом.

Ему подают ножницы и листок бумаги, просят левой рукой вырезать единицу. Затем то же самое правой.

— А ложку в какой руке держите? — улыбнулся профессор.

— Смотря с какой стороны лежит. Могу и обеими.

— Это хорошо, — старичок по-дружески похлопал Теперекова по плечу. — Голодным не останешься, если двумя руками умеешь хлебать. Мне сказали про эффект магнита. Можете продемонстрировать?

Пациент растёгивает рубаху, берёт из бумажной коробочки горсть металлических скрепок. Одну прикладывает к груди, а к ней примагничивает остальные. Металлическая цепочка протягивается почти до пола. Кое-кто из присутствующих врачей подходят, чтобы удостовериться в отсутствии механической сцепки скрепок. Их удивлению нет предела.

Профессор замечает шрам в виде креста:

— Простите, это тату?

— Да ну что вы! — отнекивается пациент. — В детстве на провод наступил, осталась зарубка на память.

— А сам крестик где? Это же от него отпечаток?

Тепереков озадаченно смотрит на учёного:

— Было дело, крестик даже слегка оплавился. Я его позже в реку закинул. В то время нельзя было носить религиозную заразу. Да и пацаны дразнили.

На интеллигентном лице профессора алым цветом вспыхнула сеточка морщин. Он осторожно поинтересовался:

— Евдоким Сидорович, вы сибиряк? Как вас в детстве называли?

Он снял пенсне, на всякий случай достал носовой платок. Вопросительно уставился на пациента.

Тот удивлённо подтвердил:

— Сибиряк, из Ногазака. А называли по-разному — кто Евдокимкой, кто просто Доней.

Вконец разволновавшийся профессор вдруг перешёл на грузинский:

— О Боже мой! Не может быть! — И уже по-русски: — Батону Доня? Мальчик мой!

У пациента тоже задёргались губы и подбородок:

— Дядя... Халва?!

Оба так радостно кинулись в объятия, что все присутствующие — и врачи, и студенты — недоумённо пожимали плечами и начали шептаться:

— Батон... халва...

Парни в белых халатах вообще выдвинули своё предположение:

— На кликухи смахивает, красивые погоняла.

На них шикнули женщины. Некоторые из них еле сдерживали слёзы:

— Вы что, издеваетесь? Какие кликухи! Неужели не видите: встретились давнишние знакомые. Почитайте книжку Шалвы Герасимовича «Два шага до ГУЛАГа». Там есть про мальчика — «батона Донию». А вы про какой-то батон заладили.

Поднялись в кабинет Бокерии. Профессор успокоился, повеселел. Присели на диван.

Он кладёт ладонь на колено смущённому Теперекову:

— Не переживай за своё здоровье, всё у тебя в порядке, патологических изменений мозга нет. Новообразования отсутствуют. А в результате, скажем по-нашему, двух ходок на тот свет у тебя, дорогой, отмечена гиперактивность мозга, продолжай использовать её во благо и себе, и другим. А кстати, ты знаешь, кто на самом деле твой родной дедушка?

— Обижает, начальник, — в тон ему шутливо ответил Доня. — Конечно, знаю: Татарников Константин Миронович, по маминой линии. А у папы отца уже не было, когда я родился.

— Так-то оно так, только настало время узнать правду. Я обещал.

Профессор наливает из графина воды, один стакан подаёт парню:

— За встречу! Спиртного не держу, мой артроз против. Улыбаясь, чокаются.

— Помнишь полковника, мы с ним часто у вас по хозяйству помогали?

— Как не помнить? Его Шоколадка застрелил...

Шалва Герасимович обнял Теперекова:

— Так вот это и был твой родной дедушка: белогвардейский поручик и полковник Красной Армии. Так что по его линии ты потомок старинного дворянского рода. Ты, оказывается, до сих пор ничего не знал. Тебе не рассказывали, чтобы не пачкать твою биографию.

Помолчав, пациент психиатрического отделения, а теперь уже именитый потомок, задумчиво спросил:

— А зачем он побежал? Ведь знал, что убьют...

Шалва Герасимович развёл руками:

— Хотел погибнуть от пули, как истинный офицер. Ему уже было невмоготу от несправедливости, что сидел за какие-то обрывки газет, что не может прижать к себе родного внука, то бишь тебя. Что из-за него пострадал Сидор, твой отец. Да и впереди не видел никакой перспективы. Так что вы были в двух шагах от него, а по-настоящему встретиться не могли. Как говорил Алексей Иванович, «два шага до ГУЛАГа, два шага до счастья, а между ними — лезвие зоны».

Бывший заключённый и бывший призоновский мальчуган ещё долго сидели, незримо качаясь на волнах памяти, а на прощанье доктор почти в приказном порядке пожелал:

— А свой крест, фамильный, обязательно отыщи. Донеси до конца.

МЁРТЧЕЛ

Ярко покрашенная девица торопливо тычет длинным пальцем в сотовый.

— Светка, нужно срочно встретиться. Мне на рецензию такую рукопись припёрли — обалдеть! Короче, давай вечером, в круглосуточной «Метелице».

— Маша, ты что, спятила — там одни алкаши. Эту кафешку давно «Реанимацией» окрестили.

— Как раз то, что нужно, потому что я сегодня... с трупом разговаривала, дважды рождённым. Он и меня чуть не грохнул своими биотоками. Ну, глаза полезли на лоб? Заинтриговала? Окей, до вечера!

Днём в редакции были на месте всего лишь несколько сотрудников, остальные разъехались по заданиям. Маша сидела за компьютером, тщетно пытаясь придумать хлесткий заголовок к своей статье, да ещё предстояло дежурство по выпуску номера.

В кабинет вошёл Тепереков. От него веяло такой надёжностью и обстоятельностью, что не возникало сомнений в том, что посетитель пришёл не жаловаться и не просить. Кареглазая доброта мягко струилась от простого русского лица, в котором всё-таки проскальзывали чёрточки истинного благородства, без признаков надуманной надменности.

— Здравствуйте, Мария! Я принёс рукопись. Если подойдёт, можно ли мои записки публиковать по частям?

— Послушались моего совета, хотите получить рецензию? И публиковаться именно у нас?

Евдоким достал из пакета полиэтиленовую папку, протянул девушке.

— Ой!! — дико вскрикивает она. — У вас что, электрошокер?

— Извините, ради Бога, это не специально. С детства так. Будете читать — поймёте. Я в магазине стараюсь не давать и не брать купюры в руки. Очень часто токком пробивает, как вас сейчас. Некоторые даже всерьёз обижаются.

— Фантастика. Вы что, суперэкстрасенс, или как там ещё вас назвать?

— Можно проще: парадоктор. Мы с вами уже обсуждали эту тему.

Мария развязывает шнурки простой советской папки.

— У вас даже не прошито. А вдруг какой листок потеряется?

— Не беда, восстановим.

— Вы что, весь текст помните?

— Абсолютно. Я всё помню. Что написал, что увидел. На карту гляну — её спрячут в колоду, я по рисунку рубашки безошибочно обнаружу её. Не поверите, я даже помню, как мамкину грудь сосал. Когда засыпал у неё на руках, вздрагивал от страха, что может прекратиться молочное блаженство. И уже полусонный, с закрытыми глазами, продолжал тянуть соки из мамки.

Мария слушает, но как-то без энтузиазма, кривит губы...

— Да вы тоже так делали, только не помните. Вас грудью кормили?

— Я на молочных смесях да на кефире выросла. У мамы молоко пропало, когда узнала, что папу в Афганистане убили.

— Простите. Увлёкся.

...В полупустом кафе тихо и как-то по-особенному уютно. От спускающихся до пола штор веет оранжевым теплом. Искусно подобранный колер потолка и его цветная подсветка создают впечатление купола. В огромном аквариуме «вразвалку» плавают бархатные рыбки, то и дело перпендикулярно замирая возле стеклянной стенки аквариума.

— Ну и где твои алкаши? Всё чудненько, — Маша чмокает подругу в щёчку. — Ты что, ботоксом накачалась?

Светлана отмахнулась:

— Совсем чуть-чуть... Сейчас модно.

— Да ну тебя, крокодил какой-то.

— Тоже мне подруга называется: нашла с чем сравнить.

— Не с чем, а с кем, — поправляет Маша.

— Да ладно, какая разница: крокодил — он и в Африке крокодил.

— А теперь и у нас, — добавляет Маша. Обе подруги обнимаются, смеются.

Подошёл блестяще отглаженный, вытянутый как плеть официант. Положил два меню. Маша внимательно читает текст, каждая строчка которого излучает ароматы сказочных блюд.

Отложив в сторону:

— Может, вспомним студенческую общагу?

— С радостью, — поддержала Света.

— Тогда два овощных салатика, поджаренные сосиски с картошкой, бутылочку красненького.

— Из фруктов что-нибудь принести?

Подруги переглянулись. Света, чуть стушевавшись:

— Если есть, киви порежьте.

Официант кивнул и вертикально удалился.

Маша подозрительно уставилась на подругу:

— Тебя что, на кислое, солёненькое потянуло?

— Было бы от кого, — хмыкнула Света.

— Как от кого? А твой муж, Владик?

— Владик укатил во Владик за икрой. Он настоящей хочет торговать, а ему пересоленную тягомотину каждый раз пытаются подсунуть. Измотался с этим «икромётом». Так что ему не до меня, в бизнес с головой ушёл. Стопроцентно подхватил маниманию. О ребёнке и слышать не хочет.

— Так-так, теперь понятно, почему ты губки надула и ножки высоченными каблуками поддомкратила.

— А что, нельзя? Вот возьму, ему назло, вон того инвалида к себе домой отвезу. Ночевать. — Света кивнула в сторону столика в углу, за которым сидели трое мужчин, один из них без обеих ног.

— Светка, ты что, сдурела? На руках его носить будешь?

— Ну раз меня никто не носит, стану сама носить... Зато он всегда рядом будет, при мне.

Видя, как слегка помрачнела подруга, Света легонечко ткнула её в плечо:

— Да ладно, ну чё ты? Я пошутила.

Официант ставит тарелки, разливает вино. Осушив бокал до дна, Светлана уже серьёзно просит:

— Ну а теперь выкладывай — с каким трупом ты общалась?

Мария промокнула губы салфеткой и с воодушевлением начала:

— В редакцию явился один чел, я у него до этого интервью брала. Этот мёртчел (мёртвый человек — так

называется его повесть) и долбанул меня током, когда рукопись передавал. Щелчок был, как от пьезозажигалки. Называет себя парадоктором, помогает решать всяческие семейные дразги. Сейчас много пишет.

— А почему мёртчел, мёртвый?

— Потому что дважды на том свете побывал. Понял, что все мы с самого рождения по своей сути мертвецы. Лишь созидательно прожив, наполнив флешку души информацией о поступках, освободившись из оков одряхлевших телес, приобретаем истинную жизнь в просторах, отчитываясь за каждый прожитый земной год. Я начала читать и не могла оторваться: так здорово он описывает свои ощущения потустороннего мира.

— А чего их описывать? Моуди давно описал.

— У Моуди клинические мертвецы испытывали только блаженство, а Мёртчел пакет информации получил.

— О банковских счетах олигархов, о судьбе планеты... — незлобиво съехидничала Светлана.

— Чего ты смеёшься? И об этом тоже.

Разогретая вином подружка не унималась:

— Короче, фэнтези-триллер в современном духе: огромные сороконожки нападают на Землю. Народ вооружается болгарками, отхреначивает им лапы, на их месте вырастают новые. Машуля, это уже было: богатырь отрубает башку змее, вырастает другая.

— Правильно, Мёртчел об этом же: что никакого будущего нет, всё миллиарды раз было в прошлом. Сотни тысяч лет назад самая развитая цивилизация Земли достигала невиданного расцвета. Это её и сгубило, потому что не было никакого ограничения в научно-техническом беспределе. Сверхмощные излучения аппаратуры стали искажать потоки жизненной энергии космоса, вносить нежелательные корректировки в общий процесс мироздания. Эта цивилизация общекосмическим разумом

была стёрта с лица Земли. Именно следы минувших высокоразвитых человеческих сообществ находят следопыты, поражаясь их древностью и в то же время их техническим совершенством. В повести дан чёткий ответ на тайну Тунгусского метеорита, на полёты НЛО, на то, кто коренные жители Земли...

— Стоп, стоп, Машец! — замахала руками Светлана. — У меня уже голова кругом от этой фантастики-мантастики. Это что получается: есть коренные, а есть некоренные, типа понаехали тут?

— Считаю, типа того, — радостно улыбнулась подруга. — Значит, всё-таки зацепило? Интересно? Я тоже вначале думала, что обычная графоманская галимаття, а просидела три с половиной часа, не отрываясь. Узнала, что все условно белокожие, то бишь славяне и иже с ними, завезены той самой высокоразвитой цивилизацией с другой планеты. А с иными оттенками кожи доставлены тоже с различных планет. Шло заселение Земли, надо было осваивать малообжитые континенты. На них и оставляли для расплода невольных космоэмигрантов.

— Выходит, мы с тобой гастарбайтеры, Машка? А кто же тогда коренные?

— А-а-а, милая, как тебя забрало! Ты у нас кто? Светлана Ивановна Столешникова. Стало быть, чистых кровей славянка. Следовательно, понаехала тут... Только не обижайся, я же версию Мёртчела озвучиваю. А вот я, прости меня Господи, Мария Адамовна Вальтман-Унгефельд — чистых кровей еврейка. Именно эта нация путём длительных комбинаций белковых соединений, на протяжении миллионов лет, была сочинена Создателем для планеты Земля. Разноголосица в языках, обычаях, верованиях, несовместимость энергетических составляющих являются основной причиной возникновения

межнациональных конфликтов и войн. Плюс нехватка земли, власти, денег.

— Кстати, Мария Адамовна, а как зовут твоего автора?

— Евдоким Сидорович Тепереков.

Светлана шутливо сдвинула брови:

— Звучит как Динозавр Птеродактилевич Мезозойцев. Язык сломаешь.

— Не скажи. Язык у него как раз что надо — образный, сочный, не то что у нынешних телешестёрок, блуждающих по каналам и страницам газет и хвастающихся тем, сколько тысяч евро они угрохали, например, на застёжку бретельки лифчика.

Света с энтузиазмом подхватила:

— Всего лишь застёжки. А если учесть весь лифчик в полном объёме, шестьсот шестьдесят шестого размера? Тут, думаю, без твоего Мёртчела не обойтись. Ведь только он знает номера счетов всех олигархов.

— Да ну тебя, Светка, издеваешься, что ли? Послушай хотя бы одну строчку. — Маша достаёт из сумки папку с рукописью.

Подруга не сдаётся:

— О-о-о, папка тоже из мезозоя.

Мария укоризненно смотрит на подругу, листает несколько страниц. С выражением читает:

— Туманы вили себе гнёзда на вершине Шаман-горы, а к её подножию, словно опёнок к пню, прилепилась избёнка бати Кости. А-а-а?!

— Это «а-а-а» в рукописи или твоё?

— Да ну тебя, Светка, ты совсем не готова к серьёзному разговору... Наливай, нажрёмся до чёртиков. Бери повесть в своё издательство, для нашей газеты неподъёмный материал. А то другие с руками оторвут.

— Ну ты же моя подруга, другим не отдашь, тем более с твоей рецензией.

Светлана кричит «браво», хлопает в ладошки.

— Вот что печатать надо... и читать будут. Этим ребятам не нужны опята.

Видя реакцию Марии, она осеклась:

— Прости, Маш, случайно срифмовалось.

Чтец подходит к своему столику. Все встают.

Инвалид, насколько возможно, выпрямляется на своём стуле, поднимает бокал:

— Выпьем за тех, кто не вернулся из Афгана. Жаль, что их кости остались на обочине истории, их героизм не принято считать таковым, о них редко вспоминают.

За соседним столиком изрядно подвыпивший парнишка громко выкрикивает:

— А кто вас туда звал? Чего сунулись?

Подружка пытается одёрнуть бойфренда, но он зло отмахивается:

— Кого пошли защищать? Партийных олигархов, будущих буржуев? Сами мясорубку устроили. И чего добились? Бежали, поджав хвосты...

Безногий, наклонившись, прямо со стула делает стойку на руках и привычно легко оказывается возле столика молодёжи:

— Тебя, сынок, защищали. И твоих подружек, чтобы вы ели, и пили, и спали с кем хотели... А хвосты никто не поджимал — дали приказ, военные ушли, оставив построенные школы, больницы. Женщины лицо перестали прятать.

Афганцу тяжело было опираться на обрубки, но он продолжил:

— Ты сам-то служил? Или только пойдёшь?

— Нет, и не подумаю. Я, как дурак, буду с автоматом бегать или в танке париться, а отмазанные сынки депутатов — на «гелендвагенах» рассекать!

— Значит, по-твоему, мы зря афганские скалы своей кровью поливали?

— Конечно, зря. И ты бездарно оставил там свои ноги в угоду тогдашним кремлёвским правителям.

При этих словах лицо ветерана исказилось ужасающей гримасой. Его могучая рука, накачанная от постоянного передвижения в стойке, с грохотом опустилась на пластиковый стул. Осколки, словно от разрыва гранаты, разлетелись в разные стороны. Один угодил в тарелку оратору. Притихшее кафе замерло в ожидании развязки.

В зале появились администратор и охранники. Афганец вновь принимает стойку на руках и вместе с друзьями покидает заведение.

— Ты права, Светка, насчёт реанимации, впору «скорую» вызывать: такой сюжет на десерт, классно посидели... Чуть не поседели.

Светлана спешно сунула папку с рукописью в сумку, чмокнула подругу в щеку:

— Догоню его. Настоящий мужик. На руках далеко не уйдёт... Машуль, созвонимся, скажу, сколько будет стоить публикация твоих опят.

— С Владиком разберись, потом догоняй. Дались тебе эти опята. И не мои они, у них автор есть.

Машина с полностью ручным управлением остановилась возле двухэтажного коттеджа Светланы.

— Извини, дверцу не открою и руку не подам.

— Какой ты галантный, Серж!

— Был когда-то, а сейчас так — второстепенный человек. Даже половина. И потом, мы же договорились: никаких Сержей, мы не на Елисейских полях, а в отечественной Нахаловке — так это место в народе прозвали.

— Хорошо, Серёжа. Пойдём в дом.

Хозяйка быстренько собрала на стол. Сама разлила коньяк.

Сергей ладонью накрыл свою рюмку:

— Извини, я больше не буду. Мне ещё ехать...

— Ты разве не останешься? Если дама пригласила кавалера домой, это... сам понимаешь.

Далеко за полночь Светлана, покачиваясь, поднялась наверх в свою спальню и уснула мертвецким сном.

Владислав вернулся из поездки в прекрасном настроении: состоялась удачная сделка на поставку большого объёма морепродуктов. Открыл дверь своим ключом. Стараясь не шуметь, прошёл на кухню. Натюрморт из пустой бутылки коньяка и следы салатов на двух тарелках натолкнули на смутные догадки. Ещё эта незнакомая машина у ворот...

Остатки прекрасного настроения полностью растворились, когда он, зайдя в спальню на первом этаже, увидел в своей кровати спящего мужика. Его мускулистые руки лежали поверх одеяла. Наколка на пальцах из трёх букв красноречиво указывала на особый, крылатый род войск.

Хозяин взял в руки массивную пепельницу из серого камня:

— Подъём, десантура! Какого х... ты здесь делаешь?

Десантник перестал храпеть, по привычке попытался вскочить, услышав знакомую команду, но тут же обессиленно рухнул на подушку.

— Повторяю: ты что здесь делаешь?

— Сплю, — окончательно отойдя от сна, удивлённо ответил афганец.

— С моей женой?! — Над заспанным лицом мужика нависла внушительная глыба пепельницы.

— Нет... Если ты о Светлане, так у нас ничего не было... Я эту способность потерял под Кандагаром, вместе с этим, — ветеран резко откинул одеяло.

Владислав от неожиданности отпрыгнул от кровати.

— А как же ты... ходишь?

— А вот так!

Инвалид сполз на пол, на руках дошёл до стула, начал одеваться. Сидя на полу, надел брюки с обрезанными штанинами и крепко зашитыми на концах.

Несостоявшийся рога носец вновь обратил внимание на бицепсы инвалида, которым было тесно в рукавах рубашки.

— Ты всё время вот так, на руках?

— Ну а как же иначе? Коляска есть, но я редко ей пользуюсь.

Уже у порога, приняв вертикальное положение, глядя снизу вверх, афганец протянул руку:

— Ты меня извини. Я не знал, что она замужем. А Светлану не тронь, она у тебя замечательная, столько знает! О работе в издательстве много говорила. В кафе заварушка была, один щенок пасть разинул на афганцев. Светлана посочувствовала мне, пригласила... В общем, прости, что так получилось.

Теперекову позвонила журналистка:

— Евдоким Сидорович, это Мария, редакция. Хочу вас обрадовать. Рецензия на рукопись готова, всё передано в издательство. Вам нужно внести предоплату, составить договор. Это вы обсудите со Светланой Ивановной Столешниковой. Она хотела попасть к вам на приём, по личному вопросу. Можно?

— Вообще-то, попадают в вытрезвитель, — рассмеялся Евдоким. — А ко мне нужно просто приехать, жду.

Когда Светлана вошла, парадоктор понял, что ни о каких издательских делах не может быть и речи. За внешним блеском и исключительной опрятностью женщины скрывались боль и отчаяние.

Он сам предложил:

— О книге поговорим в другой раз. А сейчас о вашей душе. Почему она как на горячей сковородке? Что случилось?

Светлана полезла за носовым платком.

Парадоктор предупредил:

— Только давайте без «мокрухи». Спокойно разберёмся. Как говорится, перетрём тему.

Клиентка улыбнулась, смахнув всё же выступившие слёзы:

— Узнаю ваши словечки из повести.

— Это не мои, их сама жизнь придумала. Так что колись, милая, не тяни. Муж изменил?

Тут Светлана не выдержала, дав волю солёным ручьям. Сквозь всхлипывания сбивчиво начала:

— Если бы муж... Я предала его. Чужого мужика затащила в постель. А он инвалид войны, импотент. У нас близости не было. Но я всё равно места себе не нахожу. Морально я всё же изменила. Муж вернулся из поездки, застал в своей постели чужого мужчину. Представляю, что у него творилось в душе, ведь и он, и я любим друг друга ещё со школы. Я поступила по-свински. Моральное предательство оказалось куда смертельнее, чем физическая близость. Чего только стоили убийственные вопросы Владислава! Значит, говорил он, ты просто из жалости готова была раздвинуть ножки? Променять законного мужа, прости Господи, на обрубок? А если бы всё получилось? Ты всё равно спокойно ложила бы со мной под одно одеяло? Я пыталась возражать: мол, тебя задело, что он без ног, обрубок. А если был бы здоровый, полегчало бы? Не так обидно, что ли? В общем, такая история.

Я не хочу терять Владика, хотя наезжала на него по каждому пустяку, внимания требовала, не задумывалась, каким трудом достаются деньги, коттедж, машины. Если можете, помогите. Сковородка действительно раскалена до предела. Он на развод собрался подавать.

Доне и раньше приходилось сталкиваться с «истерическими» сюрпризами новой эпохи. Поэтому он спокойно ответил убитой горем женщине:

— Для каждой эпохи свои переполохи. Ничего нового. Собирай чемодан... свой. Скажи, что на развод согласна, никакой делёжки не надо: мол, ни дома, ни машины делить не буду, а совместно нажитую любовь делить не дам, унесу с собой. Своё нижнее бельё разложи на его кровати, сделай вид, что вроде как забыла. Уходи при нём. Жди звонка. Если тут же позвонит — значит, так тому и быть: развод неизбежен. Помолчит пару дней — заявись лично, якобы за вещами. По его реакции увидишь, что никому он тебя не отдаст. И мой совет: приведи себя в натуральный вид. Потому что когда смотришь на твои раздутые губы, так и хочется ткнуть чем-нибудь острым, чтобы вытек гной. Ты не обижайся, но я только так воспринимаю изуродованную женскую красоту. А его фотографию оставь у меня.

Доня внимательно рассматривает линии на кистях женщины, по едва видимым морщинкам на лбу делает заключение:

— Хиромантический рисунок говорит о том, что у вас по судьбе двое детей. Первый — мальчик, затем девочка. По линиям браслета-розетты вам, мадам, отпущено 120 лет. Сделаем скидку на жизненные «переполохи» — столышник просто обязана отбарабанить.

В приподнятом, оптимистическом настроении Светлана, словно на крыльях, покинула скромный домик целителя на краю города.

ОБРЕТЕНИЕ

Пассажирский поезд остановился у полусгнившего деревянного перрона. Вывеска на здании вокзала известила, что это станция Ногазак.

Сердце Теперекова взбодрилось от нахлынувших чувств. Но какой-то особой радости от встречи с далёким-далёким прошлым он не испытывал. Неприглядные хибары, крытые тёсом, тем не менее соседствовали с редкими добротными кирпичными зданиями. На месте бывшей зоны урчал бульдозер, из кузова самосвала с шумом шлёпнулась щебёнка. Возле бетономешалки сустились рабочие в синих комбинезонах.

Денёк выдался жаркий, поэтому Тепереков сразу направился к реке. Без труда определил то место, где предстояло искать. Надев маску, поёживаясь, вошёл в студёную воду родной реки, на которой вырос, где был знаком каждый горячий камень-пластунец, служивший для согрева и загара.

Надне прекрасно виден каждый камушек. Ныряльщик придирчиво осматривает валуны, выемки, бугорки. На берегу вновь что-то вымеряет шагами, прикидывает, затем опять погружается в воду.

Неподалёку остановился очень древний старичок с белой бородой до пояса. Тычет палкой в сторону вынырнувшего пловца:

— Сколь живу, не помню, штоб в наших местах в намордниках мыряли. Это на морях со стеклом мыряют. А у нас так, мордой на босу ногу купаются. Ищешь чего ли?

— Прошлое своё, детство... А нашёл вот что.

Пловец протягивает деду небольшой бюстик. Тот благоговейно вертит статуэтку, очищает лицо от ила, вправо, влево водит по верхней губе, как бы разглаживая усы.

— У хозяина зоны в кабинете стоял... Ты, можно сказать, со дна поднял генералиссимуса... возродил.

Старик нежно прижимает к впалой груди ещё не обсохшего отца народов.

— Сам-то местный, что ли?

— Здесь родился, здесь крестился.

— Э-э-э... крестился, а крест-от где? — Дед тычет палкой в грудь пловцу. — Кошунствуешь! Зэковскую наколку вместо креста носишь?

— Да нет, дед, это не наколка — смерть отпечаток оставила. Тепереков я, Сидоров сын. Ты сам-то кто, дедуля?

— Кто-кто — дед Пихто! Мы с твоим отцом за твоей матерью вместе ухлёстывали. А Сидорка-то проворней оказался, вмиг тебя состругал. Он мне шею обещал свернуть, если я продолжу ухаживания. Я ему предложил бросить жребий. Выпадет орёл — твоя Анька, решка — моя. Я подбросил пятак, а Сидор поймал его в воздухе, положил на пальцы и выдавил медный гнутый кукиш. Швырнул мне в морду с таким базаром: типа, я, Макарушка, за пятак девок не покупаю. А увижу ещё раз с Анькой... Короче, вот так закончилась моя епопея. А гнутый кукиш пригодился, я им заключённых дурачил — пятаки подменял. Твой фатер молчал, не выдавал меня.

Доня оделся, закинул на плечо ремень сумки.

Дедок тронул его за рукав:

— Послухай сюда: ваш дом совсем в разрухе, айда ко мне, што ли... Я своих всех пережил, и Витьку в Чечне убили, он в ОМОНе служил.

Они не спеша двигались по посёлку, дед на радостях продолжал расспросы:

— А вы, когда слиняли отсюда, где обретались?

— В Средней Азии, под Ташкентом. В чужой земле все лежат. Я всё никак денег не соберу съездить, обещание своё выполнить: подарить Басине валенки. Помнишь, дед Макар, Рельсу Шпаловну? В шикарных фетровых валеночках щеголяла. Именно о таких и мечтала бабулечка.

Макар приостановился, затряс бородой:

— Чё, могилу будешь разрывать? Или я в тему не въехал?

— Эксгумацию делать не будем. Хочу скромное надгробие заказать, в виде припечка из кирпичей, на котором всегда валенки сушились. На этом возвышении навечно застынут из белого мрамора фетровые бабушкины валеночки.

— Насчёт бабы начальника зоны понятно. Она на митинге речугу толкала, заключённых благодарила за сумаотверженный труд, что теперь по рельсам и шпалам до коммунизму недалеко. За это её и прозвали Рельсой Шпаловой, а потом и все подхватили. А ты ещё какую-то гумацию сказал, что делать не будешь. Это чё такое?

— Значит, ничего копать не будем, сверху валенки поставим, сбудется моя скульптурно воплощённая мечта.

— Это правильно, по-хозяйски, что каменные. Не так мокнуть будут, да и птицы внутрь не нагадят, — оценил дед верное решение.

За разговором подошли к стройке.

Макар оживился:

— Кактеджей понастроили, теперь зону возводят. Сейчас со смеху умрёшь, Евдокимка. Доски-горбыли повдоль, ступеньками стали устанавливать в заборе.

Я подошёл, говорю этим сраным рахитекторам: мол, экам лестницу готовите, чтобы легче было перемахнуть на волю. Объяснил им, что вертикально надо, по шесть метров. Скобами снаружи пробить, а поверху колючка. После того, как я им свою академию провёл, меня обещали после торжественного открытия зоны взять на работу, под вид живого экспоната. И форму новую посулили, и погоны с одной лычкой, как во времена моей службы.

— И будешь ты, дед Макар, как свадебный генерал на музейной зоне.

— Да какой генерал — как был ефрейтором, так и остался. Лычку мне за убитого беглеца дали. Так с ней и в запас ушёл.

Доня сменился в лице, но не потерял самообладания:

— Получается, не совсем в запас. Свадебным ефрейтором теперь будешь. И лычку заслуженно получил...

Убогий интерьер старенького домишки вновь погрузил гостя в далёкое детство. Такой же, как и у них, огромный сундук, перебинтованный железными полосками, доисторический радиоприёмник, древние, но крепкие на вид комод и шифоньер, на окнах полинявшие, в мелких дырочках занавески. Над окном связка сушёной рыбы.

Доня наклоняется к связке, шумно втягивает аппетитный запах:

— Ах, детство, детство... Никуда от тебя не деться.

Дед снимает галоши, не нагибаясь, суёт босые ноги в чуни с обрезанными голенищами. Роемся в деревянной шкатулке, некогда облепленной морскими ракушками. От времени они почти все поотскакивали, оставив шероховатые вмятины.

— Случаем, не это искал-то? — Старик разжимает кулак.

Доня мгновенно узнаёт свой крестик, лицо расплывается в счастливой улыбке:

— Он самый! За ним и приехал.

— Я его блесной зацепил. Не надевал: матушка говорила, нельзя чужой-то. Вот и хранил, уж больно чудной он какой-то: края оплавлены, а маленькому распятию в центре хоть бы хны.

Гость достаёт из сумки шампанское, палку сухой колбасы, хлебный батон.

— Ну, Евдоким Сидорович... Чё ли, женским пойлом будем встречу обмывать? Давай лучше нашу, привычную.

Макар откидывает старенькую солдатскую фуфайку с бочонка, расшатывает квадратную деревянную пробку, наливает полный ковш браги.

Когда хряснули по полному стакану жутко ароматной сибирской «водицы», Доня спросил:

— Дед Макар, а ты помнишь Шалгерасимыча, врача?

— Как не помнить? По пятьдесят восьмой чалился. Он мне чирей под мышкой вырезал, сучье вымя.

— Ги dra денит, по науке, — уточнил Доня.

— Ги dra, не ги dra, только рядом опять эта сучара выскочила. Твоя баушка, Евтифевна, пошептала, пальцем по сучку поводила, помазала чёрной вонючкой — как рукой сняло.

— Твоя мать, знаменитая Якуниха, не помогла, что ли?

— Говорила: своим не получается. Наверное, не всем это даётся.

Дед тянется за коробкой на полочке, извлекает помятую нагрудную нашивку с лагерным номером:

— Помянем полковника... раз тебе уже всё известно. — Бывший надзиратель дотронулся до плеча гостя. — Ты на меня не сердчай, Сидорыч, грех на мне, с ним и помирать буду. В то время цена жизни была даже не грош, а всего лишь лычка на погон. Приказы издавались за кирпичной зубатой стеной, а мы их только исполняли, согласно присяге, инструкциям: шаг влево, шаг вправо — стреляли без предупреждения.

— Да я не в претензии: как говорится, без предъявы, — успокоил старика Дonya. — Недаром батя Костя индустриализацию страны называл расстрелизацией. Я за крестиком приехал. Спасибо, что сохранил. Ещё и нашивку с лагерным номером родного деда отдаёшь и гнутый пятак.

— Я планировал Ирке эти ларитеты отдать, а теперь ты законный их владелец. Ирка-то хозяйка новой зоны, у неё все финанцы. В городе свой банк, а тут вложение сделала в зону. Туристов будут привлекать. Я ещё переспросил: к ответственности, что ли? Да нет, говорит, деньги из них будем выкачивать, типа на эту самую стрелизацию посёлка. А я подумал: много вы понавыкачивали, всё растащили. А нам, простым смертным, как всегда, гнутый кукиш, который ты в карман положил. Сам-от тоже, поди, не шибко богатый? — поставил вопрос ребром дед Макар.

— Всем отвечаю, что я зажиточный нищий. Всё необходимое имею. Образование получил, не потратив ни копейки.

— То-то, я смотрю, по медицине шарить. Словечки мудрёные: гидра, зенит...

— Ну ты, дед, даёшь! У тебя из твоей болячки две футбольные команды получились: Гидра и Зенит. А насчёт медицины ты прав — имею к ней отношение, даже в психушке побывал.

Дед недоверчиво покосился на гостя:

— Да не, ты на психа не тянешь, на зоне я всяких повидал.

— По пьяни бывшая жена определила. Шалгерасимычу спасибо: помог откинуться из дурдома. Я после травмы много чего напредсказывал, за мной следить начали, предлагали вплотную сотрудничать в соответствующих ведомствах. Я затихарился в небольшом городке, устроился работать в медпункт цирка медбратом. Я ведь,

дед Макар, и артистом был, и журналистом поработал. И книжку написал, только с концовкой не определился. Так и отдал в издательство. А за тираж платить придётся, капитализм на дворе.

Макар уложил гостя на кровать, а сам подставил табуретку к сундуку, бросил тулуп и калачиком свернул своё усохшее тело.

Новое свежее утро в Ногазаке застало Доню за работой. На штакетине потемневшей от времени ограды сушится постиранная накануне нашивка. Доня тешет топором колышек. Из стружек и сучков разводит небольшой костерок, нагревает кусок толстой проволоки. На белой, обтёсанной стороне колышка раскалённой проволокой выжигает: «А 205».

На крыльце появляется дед в калошах и очень пожилых галифе:

— Обелиску строгаш?

— А ты, дед, фамилию его не помнишь?

— Да какая тут фамилия, я только номер спорол... с покойника.

— Стрельцов его фамилия. Шалгерасимыч мне всё как на духу рассказал.

Идут на пригорок, останавливаются возле старой берёзы, её боковой отросток вырос так, что образовал букву Ч. Доня сразу узнал знакомое дерево. Когда ему подарили фотоаппарат «Смена», он любил делать снимки на этой берёзе.

— Смотри-ка ты: наша «четвёрочка» жива, — удивился Тепереков.

— Жива, — подтвердил Макар, — только вот табличка истлела, но я по берёзе запомнил, где полковника закопали.

Место заросло бурьяном, Доня руками вырывает траву, расчищает небольшой участок. Обухом топора вбивает колышек.

На пригорок поднимается молодая женщина в спортивном костюме:

— Здравствуйте, дедушка Макар!

Доня поворачивается в её сторону. Она приветливо кивает:

— Здравствуйте. Участок размечаете? Строиться будете?

Дед раздражённо:

— Неужто не видишь: тут давно всё размечено, занято. Кладбище это, старинное. Родственник отыскался. Так что, милая, кактеджи ваши аккурат на костях покоятся.

Перепуганная до смерти женщина помрачнела:

— Когда мы строились, здесь ни крестов, ни памятников не было. Хоть бы какая оградка сохранилась...

— Оградка была, да ещё какая! Ты-то молода, не знашь ничё. Будтофорию городишь для туристов. А мы с Евдоким Сидорычем натуральную зону помним.

— Это вы, дедушка, зря про бутафорию. Выгода будет, поселковый бюджет пополнится. Домишко вам подправим.

— Пополнится, держи карман шире. А у меня как было там, так и останется. — Дед выворачивает карман галифе, просовывает палец в дырку.

— Пойдёмте в дом, я зашью, чаем угощу.

Дед хитро прищурился:

— Чай пить — не дрова рубить...

— Поняла, можно кое-что и к чаю.

Внутри кирпичного дома современное оборудование: мебель с иголки, ламинат, небольшой камин, в центре лепного потолка огромная люстра. Хозяйка собрала на стол, поставила виски.

— Меня Ириной зовут, — в сторону Дони приветливо протянулась лодочка ладони. Нежное прикосновение горячей волной прокатилось по всему организму.

— Евдоким... Можно проще — Доня, как в детстве.

— А вы надолго к нам?

В вопросе девушки Тепереков уловил игривые нотки. Ответил обнадёживающе:

— Я пенсионер, спешить некуда.

— И не к кому? — уже напролом пошла Ирина.

— Было две семьи — не сложилось... Решил вернуться к истокам, кое-что подправить.

— А если я попрошу вас присматривать за моим домом во время моих отлучек в город — согласитесь?

Дедок, хорошо подогретый рюмочкой виски, возликовал:

— Соглашайся, Евдоким Сидорович. Золотая рыбка сама в руки плывёт.

— Можно попробовать. А у вас, Ирина, случайно, пишущая машинка не найдётся? Хочу концовку дописать к своей книжке, хотя она уже сдана в издательство. Правда, печатать начнут только после внесения предоплаты. Так что дописывать можно бесконечно. Денег всё равно пока нет.

Ирина кивнула и проворно юркнула в другую комнату:

— Какая машинка, что вы! Я вам ноутбук оставляю, печатайте на здоровье. — Она откинула крышку компьютера. — И вообще... Если уж совсем начистоту: оставайтесь за управляющего. Заканчивайте музейный комплекс. Я видела, как вы с дедушкой придирчиво, со знанием дела ходили по территории, давали дельные советы. А мне всё это от бывшего мужа как ярмо на шею досталось. Он в Канаду улетел счастье искать. А у меня в городе банк, сеть салонов красоты. Так что вам с дедушкой Макаром и карты в руки.

Бывший надзиратель, взбодривший нутро дополнительной порцией, прослезился и обнял хозяйку:

— Ирка, доченька... ты даже не знаешь, кто ты есть! Ты — богиня! Будешь как Рельса Шпаловна, а Сидорыч — за хозяина зоны. А я при вас... энтим... свадебным ефрейтором. Всё по уму. Замётано...

Ирина смущённо обратилась к Евдокиму:

— Нас что, уже поженили?

— Макар о другом, — отмахнулся Доня. — Он уже весь в прошлом, хочет опять ощутить себя при деле, пусть даже и в театральном-музейном исполнении, но всё же... Рассказать, как всё было, а главное, чтобы такое больше не повторилось. Ведь так, товарищ Шоколадка? Если уж всё по чесноку.

По тому, как сник надзиратель, было видно, что дед обиделся:

— Можно и без погоняла... время ушло, не будем музей феней засирать. Ты же знаешь, что Шоколадка на зоне — очень обидная кликуха. Чтобы совсем избавиться от неё, хочу совершить свой главный поступок. Потом расскажу. Будешь моим поделником. А сейчас давайте ещё по мерзавчику, и меня с хвоста скиньте. А сами оставайтесь — вижу, как всё у вас бурлит. У обоих. Эх, мне бы ваши годочки...

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОДАРОК

Утром Макар опохмелился бражкой, умылся, надел подаренную Ириной чистую рубашу, не использованную её бывшим мужем. Стал ждать Евдокима.

Когда он вошёл, дед с грохотом поставил на стол свёрток, обёрнутый старенькой клеёнкой. Не спеша размотал многочисленные медные проволоки, расправил клеёнку.

— С Ирккой реализуете как положено, по закону. Хватит и на книжку твою, и на пустомент полковнику, чтобы грех мой смыть. Ещё и на фетровые валенки Автифевне останется, белый мрамор-от дорогой, поди... Мне ни к чему уже всё это, потопчу ещё немного музейну зону, да и на вечный покой. Витёк мой, когда припёр этот кукиш, взвесил его. Почти три кило «рыжья». Сам понимаешь, даже в то время на десятки цитрусовых тянуло, если в косари перевести. Сынок советовал попридержаться: цены ежегодно за каждый грамм росли. Вот и держал. Один остался, как трухлявый пенёк среди срубленного леса. Тебя сам Бог послал, чтобы поставить последнюю точку. Лежит этот золотой самородок, а от него мне ни жарко, ни холодно. Это мы, люди, бесимся, а золото — оно равнодушное. Молча убивает.

— На этом тоже кровь? — оправившись от первого ослепительного впечатления, кивнул Доня на самородок, действительно напоминающий фигу.

— Не одна. Сколько жизней загублено ради этого золотого кукиша, не счесть. А мне сама судьба подарила аж два. Один — медный — за Аньку, второй — золотой — за сыночка, так получается.

Пьяненькие слёзы защекотали щёки старика. Он стал отирать их обеими руками, затем сложил ладони в молитвенный жест и зашептал слова, обращённые к небу, так надрывно-искренне, что Доня впервые по-настоящему проникся тёплым чувством к убийце деда.

— Прости меня, Господи, что прожил нечаянно. С одной лычкой. Не уберёг ни жену, ни сына. Ничего не добился. Золото поимел, а вместо сердца его не вставишь. Оно умеет кровь разгонять, только по другому поводу. Наружу вытекает.

Старик замолчал и двинул золотой самородок в сторону Теперекова:

— Бери, порожняк не гони, не отнекивайся. Я всё сказал. Мне даже уже сейчас легче стало, камень с души упал, в натуре, буквально.

Макар, успокоившись, сполоснул лицо холодной водой, поставил алюминиевую чашку с отваренной картошкой. Разлил по стаканам бражку. Когда выпили, рассказал историю с золотым кукишем.

Золотые прииски при Екатерине Второй разрабатывались на Шаман-горе и славились тем, что частенько преподносили золотые самородки. Двое старателей обнаружили один из таких. Скрытно исчезли с прииска в надежде спрятать золото и выждать время. Назад не вернулись. Много позже их тела обнаружили в тайге. Самородка при них не было. С тех пор среди местных шорцев из поколения в поколение передавалась легенда

о том, что боги отлили золотую фигу и спрятали её, чтобы она никому не досталась.

Так всё и было. Многие пытались отыскать клад, да бесследно исчезали. Когда взрывами стесали часть горы для ветки, которую строили заключённые, в скальной расщелине много человеческих черепов обнаружили. Наверху могучий древний кедр так и остался стоять, его взрывами не задело.

— А ты помнишь, Евдокимка, когда зону ломали после ликвидации лагеря, вы с моим Витькой под полом одного из бараков старые прохоря нашли. Что означает по феньке? Не забыл?

— Обижаешь, начальник, родиться и вырасти, считать, на зоне и забыть... Прохоря... сапоги, стало быть.

— Ну так вот, — тоже улыбнулся дед и продолжил: — Внутри картонка была свёрнута, а на ней нарисован шаман, лохматый весь, и одежда его тоже вся в лохмотьях, навряде нонешнего камухляжа. Три пальцами бубен держит вверх, камлание проводит, обряд по-нашему. А бубен особенный какой-то, сияет весь, а у шамана много-много рук, как у индийских богов на картинках. Ты посмотрел и сразу выпалил как на духу: мол, это и не шаман никакой, это дерево, а бубен промеж верхушек на нём золотой. Картонку с рисунком передал блатным умирающий шаман Тустугашев, который на киче вместе с попами чалился. Когда Навылет откинулся, ко мне пришёл: в долю предложил войти, если расскажу, что мне ещё известно о золотом кукише, ради которого он уже совершал побег, да на очке спалился. Про это на всех этапах прогремело. Вы к тому времени слиняли из посёлка, а я вспомнил про твою побасёнку про дерево. Навылет аж просиял: умирающий шорец тоже про танцующий кедр шептал, с тремя вершинами, а его зашкерили, в смысле — зашифровали рисунком под камлающего шамана.

— Дед Макар, — нетерпеливо перебил Доня, — так про этот танцующий кедр давно было известно. На него даже я залезал, никакого золота там и в помине не было. Самородок сразу бы увидел. Правда, долго там не возился, потому что голова закружилась, оттого что кедр вращаться начал и скрипеть. Пулей слетел на землю, а Витька уже блевал вниз. Кубарем скатились с горы. Значит, и черепа в расщелине тоже из-за смертельного танца. Сейчас я точно это знаю. Танцующий кедр-шаман стоит на геопатогенной точке, через которую из Земли в космос низвергаются исходящие потоки энергии, лишней в плазменном ядре Земли или вырабатываемой триллионами микроорганизмов планеты. Кто попадает в момент таких естественных излучений — либо погибает, либо сходит с ума. Это может случиться даже на трассе: водитель теряет управление, и катастрофа неизбежна. Сейчас научились определять такие геопатогенные зоны, чтобы не попадать под их влияние. Как же Навылету удалось уцелеть и оставить у тебя самородок, как удалось его обнаружить? Дупла-то там не было.

— Ты же сам твердил, что бубен золотой, — значит, искать путём надо. Пошли мы с ним в тайгу, на гору. По рисунку определили местоположение этого кедра. Навылет нетерпеливо полез, захватив с собой сапёрную лопатку. Ей начал рыть между тремя вершинами. Сверху летели шишки, перегнившая хвоя, обломки высохших веток. Ты не догадался рыть, а за сотни лет там столько слоёв накопилось всего... Вот и не увидел ничего, а самородок молча лежал себе под перегноем, показывая всем навечно застывший кукиш. Ну ты, Евдокимка, знаешь любимую поговорку блатных: «Имеешь ум — имеешь всех». Именно это и прокричал Навылет сверху, когда обнаружил золото. Скинул вниз, я в рюкзак упаковал. И тут началось: у меня перед глазами огоньки запрыгали, кишки

к горлу подступили, на уши так надавило, что вот-вот мозги полезут. Я сразу про ваш с Витькой рассказ вспомнил и тоже кубарем с горы скатился. Внизу очухался, про подельника вспомнил. Начал кричать — без толку. Часа через два поднялся, когда всё успокоилось, тошнота отступила. Возле кедра лопатка лежала и кепка его кожаная. Сорвался он. Тело его года через два в расщелине туристы заметили. Витька-то мой большие планы строил, ждал момента, чтобы по-крупному бабла срубить. Так и сгинул, не дождался. Теперь ты пользуйся, роднее тебя у меня никого нет. А мне ничего не надо. Пустишь на доброе дело, и мне зачтётся... там...

Макар устало вздохнул, но в глубине его глаз горел удивительно живой огонёк. По всему чувствовалось, что в душе старика шла гигантская моральная реконструкция.

Он хлопнул себя по коленям и неожиданно закончил:

— И на зону я больше не пойду, раздумал. Вчера напрасно раздухарился. Пусть Ирка сама искурсаводов подбирает. Я ни надзиратель больше, ни Шоколадка. Ни палач. Ни сталинский прихвостень. Так ведь нас частенько в газетах поливают? А то, что мы не по своей воле это ярмо тащили, об этом молчок. За жену и сына уже на небесах отвечать буду: побивал и Маруську, и Витька... Да и за твоего деда. Наверное, можно было промахнуться... не гнаться за лычкой.

Доне на всю жизнь запомнились абсолютно искренние, исповедальные слёзы старика. Утром его не стало.

ЭПИЛОГ

В небольшом городке под Ташкентом на русском кладбище возле необычного надгробия всегда останавливаются люди, приехавшие сюда по скорбной нужде. Некоторые специально заходят, чтобы посмотреть на белоснежные мраморные валеночки, установленные на плите, изображающей припечек из кирпичей. Надпись гласит: «Бабушке-сибирячке от внука».

Верхние края голенищ имеют небольшие углубления, из них всегда торжественно-символично и в то же время по-особенному мило выглядывают румяные мордашки гвоздик либо скромные букетики других цветов. Кто эти добрые люди, приносившие цветы, неизвестно. Но Евдоким в каждый свой приезд мысленно благодарил их за то, что они тоже чтят память его любимой Басини.

...В яркий весенний день готовится открытие музейного комплекса «Лагеря Горной Шории». Над аркой входных ворот зоны пламенеет транспарант: «Добро пожаловать!».

Молоденькая девчушка-художница гордо вскинула руку в сторону плаката:

— Ирина Александровна, вам нравится, как я написала?

— Будет всем нравиться, когда нас газетчики расчехостят по всем статьям. Вы что, с ума посходили? Добро пожаловать! В лагерь? На зону? Думать надо, в конце-то концов.

Евдоким, еле сдерживая себя, чтобы откровенно не расхохотаться, тронул жену за локоть:

— Успокойся, милая. Туристы не с этапа же придут. По своей воле захотят воочию убедиться в «прелестях» гулаговского «санатория». А плакат снять — минутное дело.

Сквозь стекло окошка контрольно-пропускного пункта виден был стол вахтёра, где на небольшом возвышении в молчаливом ожидании замер отмытый, подчищенный бюстик Иосифа Виссарионовича Сталина — истинного хозяина заведения.

Сбоку у ворот возвышается небольшая гранитная стела, изображающая колышек. На гладко затёсанной стороне выбит номер «А-205». Вместо цифры 5 в углубление вмурован выпрямленный, начищенный до блеска «медный кукиш» Шоколадки.

Ирина очень быстро и без лишних проволочек официально оформила золотой самородок как клад, найденный на частной территории. Денег хватило на валенки, публикацию книги, памятную стелу в честь жертв политических репрессий. Причём под номером А-205 вниз по колышку до самой земли выбиты вопросительные знаки. Может, со временем на их месте появятся реальные надписи: неизвестных фактов в стране становится всё меньше.

...Призывающий плакат сняли. Первые посетители, озираясь, не спеша подходят к распахнутым воротам зоны. Внутри барака осмелевшая, бойкая туристка, смеясь, развалилась на нарах. Её парень начал снимать на камеру непристойные позы.

Экскурсовод корректно предупредила:

— Встаньте, пожалуйста. Не нужно пиариться на памяти предков. Можно просто немного помолчать...

Евдоким стоял на пригорке, полной грудью вдыхая целебный воздух своей малой родины. Медленно и торжественно спел на востоке будущий день. А когда солнце выкатится на люди, оживёт земля, засуетится, а к полудню и вовсе вспотеет весенними ручьями.

И увидишь тогда, что на тёмных, ещё не просохших прогалинах уже проклюнулись первые подснежники, нетвёрдо держа крахмальные головки на слабых стебельках. Чуть позже пойдёт синий кандык, придав кое-какую строгость весенней сумятице.

На взлобках, что ближе к солнцу, раздвинув слежалую листву и хвою, выстроились крохотные зелёные «человечки», которые очень быстро подрастают, заселяя всё свободное пространство. Коровам пока трудно ухватить малосильную травку, зато овцы обходятся с ней легко и бестолково. Однако через день-два выщипанные места вновь покрываются упрямой щетинкой, не давая померкнуть зелёному празднику.

Деревья с каждым днём молодеют, наливаясь сладким соком, их тугие, сытые стволы блестят на солнце, словно потные крупы лошадей. На оживших ветвях, как звёздочки в небе, густо проступают нетерпеливые почки, готовые выстрелить в мир новым поколением зелёной братии.

Уже не гостьей, а полноправной хозяйкой вступает на землю весна. А зима лишь в глубоких овражинах да разве что под густой заматеревшей елью устало и кротко доживает свой белый век, вызывая искреннюю жалость. Сиротливые клочки последнего снега почему-то хочется взять в руки, поднести к губам, чтобы с волнением

вдохнуть запахи отшумевших метелей и ощутить в себе уже забытое чувство холода.

В такой момент весной всегда бывает немного грустно. Но эта грусть, пожалуй, самая светлая из всех, потому что она короткая: нельзя долго стоять и скорбеть по ушедшему. Под ногами просится в рост новая жизнь.

22.11.2021 г.

Содержание

Рецензия на книгу Александра Бурнышева «Валенки для бабушки».....	3
Рецензия.....	5
От автора.....	7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ходка первая.....	13
Дядя халва.....	19
Ногазак.....	38
М и ж.....	41
Гнутый кукиш.....	45
Ты царь, ты бог.....	56
Подкоп.....	59
«Дело» в портянке.....	63

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Кавалеры ордена лжи.....	73
Парадок.....	78
Верхом на вепре.....	84
Достучаться до неба.....	89
Московские видения.....	93
Литинститут.....	95

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Кооператив «чистотел»	103
Ходка вторая	128
Встреча	142
Мёртчел	147
Серж	154
Обретение	161
Прощальный подарок	171
Эпилог	176

Литературно-художественное издание

Бурнышев Александр Сидорович

ВАЛЕНКИ ДЛЯ БАБУШКИ

*«Исторический роман»,
основан на реальных событиях*

Корректор: Н. Коковкина
Оригинал-макет: Я. Волкова
Дизайн обложки: Т. Козлов

16+

ISBN 978-5-9965-2278-1

Подписано в печать **00.00.2022**. Гарнитура Lora.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 60×84/16.
Тираж 300 экз. Усл. печ. л. 10,58. **Заказ № 0.**

СУПЕР Издательство
199178, Санкт-Петербург, 7-я линия ВО, д. 80/2 лит. Д, пом. 5/3н

www.super-izdatelstvo.ru